

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР.
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 6, 1976 ноябрь — декабрь

В номере:

- Л. И. Брежнев. Участникам III Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы 3
-

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 80 лет со дня рождения Н. С. Тихонова
М. А. Лапшин. Николай Семенович Тихонов 5
К 175-летию со дня рождения В. И. Даля
В. П. Вомперский. Бодуэновское издание Толкового словаря В. И. Даля 11
Л. А. Морозова. Русские народные поговорки 22
Э. Э. Найдич. Иносказательные образы у Лермонтова 27
В. Н. Айдарова. Устная народная речь в произведениях А. И. Куприна 36
А. И. Мирлис. Словотворчество писателей-фантастов 42
-

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- Р. И. Аванесов. Произношение некоторых имен и фамилий иноязычного происхождения 47
А. А. Брагина. «Свое» и «чужое» 50
Н. В. Соловьев. Как образовать отчество 55
-

ЛЕКСИКА. ГРАММАТИКА

- А. Н. Серебряков. Новообразования в журнале «Крокодил» 59
В. А. Сенкевич. Простой и сложный (О составе словаря русского языка) 64
-

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Ж. Ж. Варбот. Трунить	71
Е. Н. Борисова. Мужчина	76
К. Р. Галнуллин. Миткаль, зуфра	81

ШКОЛА

Н. Н. Васюченко. О стиле романа Л. Н. Толстого «Воскресение»	84
Н. А. Ипполитова. Умеем ли мы пользоваться глаголом в сочинении?	91

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

М. В. Щепкина. Изборник 1076 года	98
Л. М. Афанасьева. Рукописный словарь XVII века	107

ХРОНИКА

Т. В. Шнекторова. Изборнику 1076 года — 900 лет	110
---	-----

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

Л. И. Скворцов. Окуневый или окунёвый? . . .	34
В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий . .	113

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Дизайн, дизайнер	40
Достичь и достигнуть	96
...тому назад или назад? Шут гороховый; Халтура	115

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1976 год	123
--	-----

На обложке: В. И. Даль (рисунок Б. Захарова)

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

Участникам III Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы

ВАРШАВА

Сердечно приветствую участников III Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы. Ваш труд благороден и заслуживает уважения. Изучение языков, в том числе русского языка, как средства широкого международного общения является важной предпосылкой культурного обмена и контактов между людьми, их взаимопонимания и сотрудничества. Именно во взаимопонимании и сотрудничестве народов советские люди видят эффективное средство разрядки международной напряженности, сохранения мира и прогрессивного развития всего человечества. Это нашло свое отражение в позиции Советского Союза на общеевропейском Совещании по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки и было вновь подтверждено XXV съездом КПСС.

Русский язык, будучи средством общения многомиллионного и многонационального советского народа, получает все большее рас-

пространение среди народов мира. Он способствует вкладу нашей страны в сокровищницу мировой культуры и открывает доступ к духовным богатствам мировой цивилизации советским людям и народам других стран.

Именно поэтому русский язык приобретает все больший авторитет на международной арене и вызывает желание овладеть им у миллионов людей планеты. Большой вклад в распространение русского языка вносит Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, чья деятельность получает поддержку тысяч русистов многих стран мира. Ваш конгресс — это новая возможность обменяться накопленным опытом научной и педагогической работы, наметить дальнейшую программу творческого сотрудничества.

В своем благородном труде вы можете рассчитывать на всемерную помощь и поддержку со стороны советских ученых и педагогов-словесников.

Желаю успешной работы III Международному конгрессу преподавателей русского языка и литературы и выражаю уверенность в том, что ваши усилия будут способствовать осуществлению светлых идеалов человечества, установлению на земле прочного мира, дружбы и взаимопонимания между народами.

Л. БРЕЖНЕВ

ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

3 декабря исполняется 80 лет Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской и Государственных премий, депутату Верховного Совета, Председателю Советского Комитета защиты Мира, члену Всемирного Совета Мира, выдающемуся советскому мастеру поэтического слова Николаю Семеновичу Тихонову.

Редколлегия и редакция журнала сердечно поздравляют его с днем рождения, желают здоровья и новых творческих успехов.

Николай Семенович Тихонов

(К 80-летию
со дня рождения)

Около шестидесяти лет эмоционально, задушевно, искренне звучит поэтический голос Николая Тихонова. Все, что происходит вокруг нас, он видит глазами советского человека — жизнелюба, хранителя и ценителя всего прекрасного и в то же время непримиримого противника всего недоброго и чуждого.

Родился Николай Семенович в Петербурге в 1896 году. «Мой отец, — писал он, — был цирюльником, мужским парикмахером, мать — портнихой... Я воспитывался среди сыновей ремесленников, учился в городской школе, потом в Торговой, пятиклассной, где преподавали коммерческие науки, товароведение, корреспонденцию, стенографию»

(Предисловие к Избранным произведениям в двух томах. М., 1955).

Семнадцатилетним юношей встретил Тихонов первую мировую войну. Добровольцем ушел в действующую армию. В составе кавалерийской части воевал в Прибалтике против кайзеровских войск.

О смерти думать бесполезно,
Раз смерть стоит над головой,
Я бросил юность в век железный,
В арены бойни мировой.

Эта строфа из стихотворения «Дозор на побережье», которое в 1916 году автор включил в цикл «Жизнь под звездами» с подзаголовком «Из походной тетради», выражает раннее повзросление его лирического героя. И не случайно. У лирического героя, как и у самого автора, не было детства:

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром, по плечам моим
Узловой хлестала веревкой,
Чтобы стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди — простым.

Принимать или не принимать Революцию? Такого вопроса для Тихонова не существовало. Он вступил в Красную Армию, участвовал в битвах против Юденича и других сражениях гражданской войны. Позднее он писал: «Я, как и многие поэты нашего времени, могу сказать, что меня сделала поэтом Октябрьская революция». Демобилизовавшись в 1922 году из армии, Тихонов приезжает в Ленинград и целиком посвящает себя поэзии.

Николай Тихонов входил в литературу и рос вместе с Э. Багрицким, А. Безыменским, А. Жаровым, А. Прокофьевым, А. Сурковым, Я. Шведовым, С. Щипачевым и другими. Это поколение советских поэтов, заговорившее в полный голос в двадцатых годах, внесло в лирику отзвук трудных дорог гражданской войны и радость ратных побед.

На молодого поэта оказал большое влияние его родной город — Ленинград, город большой национальной культуры, незабываемых революционных традиций.

Первые поэтические сборники Тихонова «Орда» (1922) и «Брага» (1922) привлекли внимание самого широкого читателя. В них — впечатления, переживания, думы автора, прошагавшего по пылающим дорогам гражданской войны:

Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод голодал, и огонь, и дым...
За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

Цзэрекоп

В первых книгах Николая Тихонова достоверность фактов, подлинность обстоятельств, значительность невыдуманных деталей. Титаническая воля к победе у юных красноармейцев была такова, что... «мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед». Эти исключительно емкие слова могли родиться только у очевидца и у участника героических событий.

Его лирический герой — человек долга во имя Революции, светлого будущего:

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Баллада о гвоздях

Очень характерны язык и стиль этих сборников. Автор сообщает читателю минимум необходимого, избегая развернутых предложений, необязательных слов. Обычно его стихотворная фраза приобретает отрывочный, телеграфный стиль, строго соответствующий напряженному темпу военных событий.

В двадцатые и тридцатые годы Николай Тихонов совершает длительные путешествия по республикам Средней Азии и Закавказья. Результатом этих путешествий явились поэтические сборники «Юрга» (1930), «Стихи о Кавказе» (1935), прозаические книги «Кочевники» (1931), «Клинки и тачанки» (1932), «Вечный транзит» (1934) и другие. В них нашла яркое воплощение генеральная тема творчества Николая Тихонова — тема интернационализма и дружбы народов.

Летом 1935 года в Париже собрался Международный антифашистский конгресс писателей в защиту прогресса и мира, на котором с яркой, эмоциональной речью выступил Николай Тихонов. Он разоблачил бесчеловечную сущность фашистской идеологии, призвал писателей вести неустанную борьбу против сил реакции и войны. «Великий вихрь создания нового общества идет по Советской стране, — сказал он. — Это воздвигаются не только корпуса фабрик или гидроэлектростанций — это строится колыбель новой лирики, новой поэзии... Лирический порох мы держим су-

хим. Мы не боимся никаких врагов... Ничто не остановит волю к борьбе, ничто не разорвет этого крепкого союза между поэзией и жизнью, во имя лучшего будущего всего человечества».

Мой век меня вниманьем не обидел,
Я многое могу порассказать,
Но в этот день Париж таким я видел,
Что можно лишь на меди вырезать,—

писал Николай Тихонов в книге «Тень друга», вышедшей в 1936 году, вскоре после Парижского конгресса. Книга проникнута боевым духом единения народов против реакции и фашистской чумы. Отличительная ее особенность — публицистичность и в стиле, и в языке.

В 1939—40 годах Николай Семенович руководит работой писателей во фронтовой газете «На страже Родины». Создает цикл «Палатка под Выборгом». Главнейшая черта поэтического мышления Николая Тихонова в этом цикле — глубокое психологическое осмысление фронтовых событий. Бесконечным трагизмом пронизаны строки, в которых рассказано о смерти друзей:

Я должен был взорваться в этом доме,
Я шел к нему все утро, день, всю ночь,
Я так мечтал о крыше, о соломе,
Чтоб лечь, уснуть и чтоб все мысли прочь.
А он стоял на пустыре горелом
И ждал меня, тот домик небольшой,
Я опоздал — и лунным утром белым
Взорвались те, кто ранее пришел.

Мыза Хумала

В годы Великой Отечественной войны Тихонов работал в Политуправлении Ленинградского фронта. Он делил со своими согражданами тяготы осады, постоянную опасность, всевозможные лишения. И постоянно писал: сначала поэму «Киров с нами» (1941), потом сборник стихов «Огненный год» (1942) и, наконец, книгу очерков «Ленинград принимает бой» (1943). Каждой своей строкой поэт учил искусству воевать и побеждать.

Друзья, земляки дорогие!
Боев наших праведный труд
И рвы, для врага роковые,
В народную память войдут.
Так пусть от истока до устья
Невы пронесется, как гром:
«Умрем, но врага не пропустим
В наш город, в родимый наш дом!»
«Я помню ту осень и стужу...»

Одно из наиболее примечательных произведений этого периода — поэма «Киров с нами». Все, что видит руководитель ленинградских большевиков в осажденном городе, передано с суровой простотой, сдержанным слогом, чуждым каких бы то ни было метафорических сложных оборотов речи:

Под грохот полночных снарядов,
В полночный воздушный налет,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.

«Вдохновение этой прекрасной поэмы, — писал Алексей Толстой, — сурово и возвышенно, как суров и нравственно возвышен великий город Ленина. Ритмика стиха, — непреклонный марш, как поступь колонн, идущих в бой, будто отзвук грозных ударов копыт о скалу Медного всадника... Это песня сквозь стиснутые зубы» (А. Толстой. Николай Тихонов. М., 1950). В 1942 году поэма была отмечена Государственной премией СССР.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны Николай Тихонов отправляется на Кавказ, в Грузию, и итогом этой поездки явилась книга стихов «Грузинская весна», удостоенная Государственной премии СССР. Книга посвящена традиционной для автора теме дружбы советских народов, особенно наглядно проявившейся во время Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы возникло движение народов за мир. Тихонов — активный его участник. Он страстно разоблачает происки поджигателей новой мировой войны, отстаивает творческие, созидательные усилия советского народа. Одна за другой выходят его книги: «Два потока», получившая в 1952 году Государственную премию СССР, «На Втором Всемирном конгрессе сторонников мира» (1953), «Белое чудо» (1956), «Двойная радуга» (1964), «Зеленая тьма» (1966).

В 1968 году за книгу повестей и рассказов «Шесть колонн» Николаю Тихонову была присуждена Ленинская премия. Книга эта — «цветные рассказы» из жизни зарубежного Востока — родилась в результате зарубежных поездок. Автора интересуют жизненно важные проблемы, встающие перед народами мира. Он стремится глубоко осветить их, нащупать верное решение, раскрыть перед читателем то будущее, ради которого не жаль потратить любые усилия.

По тонкой лиричности, по чеканке слов, точности описаний, уверенности стилистического рисунка — «Шесть колонн» — одна из самых примечательных тихоновских книг.

Сегодняшний Тихонов — поэт определенных и категоричных суждений — в активном литературном строю. Ему дорога живая и будничная конкретность, связанная с перспективой общенародного дела. В обыденном он раскрывает поэтическое, в незаметном — значительное. Жизнь, описываемая им, полна радости и страдания, горькой боли и ликующего счастья, большой любви к людям.

Николай Семенович Тихонов в совершенстве владеет мастерством создания звуковой поэтической картины. Звуковая гармония пронизывает его стихи и баллады, создает особую тихоновскую ритмичность, неизменно подчеркивает сущность человека или явления. Поэт предельно взыскателен к себе. Он скуп на слова, и поэтому выбирает из них наиболее весомые, такие, которые четко и объемно передают мысль в образе.

Н. С. Тихонов, говоря словами Владимира Маяковского, пишет «всей своей жизнью». И не случайно, в своих лучших стихах, рассказах, повестях он становится активным участником формирования духовного облика современника.

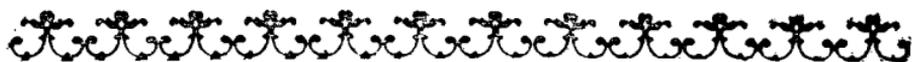
Представление о творчестве Николая Тихонова будет неполным, если обойти вниманием его разностороннюю переводческую деятельность.

Общезвестно, что искусство поэтического перевода сопряжено с большим риском: трудности лингвистические, трудности передачи интонации и формы ничто по сравнению с опасностью загубить при переложении с языка на язык душу и нерв поэзии.

Девизом Тихонова-переводчика были и остаются гётевские слова о том, что французский перевод «Фауста», сделанный Жераром де Мервалем, освежил и обновил прочтение автором собственной поэмы.

Общественная и литературная работа, поэзия и проза стянуты у Николая Семеновича в один узел; все это слито с ощущением нужности людям, с ощущением полноты и цельности жизни. Глубокое знание жизни и людей, завидное умение видеть главное и передовое в жизни страны и мира, самобытное искрящееся литературное мастерство — вот что отличает Николая Семеновича Тихонова.

М. А. ЛАПШИН

К 175-летию
со дня рождения В. И. Даля

БОДУЭНОВСКОЕ
ИЗДАНИЕ
ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ
В. И. ДАЛЯ

«Толковый словарь живого великорусского языка», который Владимир Иванович Даль готовил в течение всей жизни, представляет собой исключительное явление. Академик В. В. Виноградов назвал его «патриотическим подвигом подлинного народолюбца».

По богатству лексического материала «Толковый словарь живого великорусского языка» превосходит все словари, выходившие в России до и после него: «Словарь Академии Российской» (1806—1822) содержит 51 388 слов, «Словарь церковнославянского и русского языка», составленный вторым отделением Академии наук (1847) — 114 749 слов, 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» (1950—1965) — 120 480 слов. В Словаре же Даля помещено около 200 000, причем 80 000 собрано им самим.

Выход в свет 1-го издания словаря (1863—1866) вызвал оживленную дискуссию. К словарю было приковано внимание как рядовых читателей, так и специалистов и научных учреждений. Критика высоко оценила словарь, указала на большое культурное значение труда Даля. Вместе с тем критика отметила и некоторые недостатки и ошибки, допущенные автором, которые затрудняли пользование словарем.

Готовя второе издание словаря (СПб.— М., 1880—1882), Даль многое исправил, учтя замечания и дополнения своих рецензентов Я. К. Грота, И. Ф. Наумова, П. В. Шейна, но не успел сделать все, так как смерть помешала завершить ему свой труд. Второе издание Словаря вышло в свет уже после кончины Даля.

* * *

Третье издание «Толкового словаря живого великорусского языка» Даля было выпущено в свет в 1903—1909 годах. Прежде чем приступить к новому изданию словаря, издательство «Товарищество М. О. Вольф», которому В. И. Даль передал все права переиздания своего словаря, обратилось ко многим выдающимся знатокам русского языка — академикам, профессорам, известным писателям, в их числе были А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, А. Н. Пышин, Е. Ф. Будде, С. К. Булич, А. Ф. Кони, Д. Л. Мордовцев, С. А. Венгеров, с просьбой высказать мнение, следует ли новое издание словаря совершенно переработать в соответствии с замечаниями критиков и рецензентов или же сохранить его в прежнем виде, лишь исправив явные погрешности и дополнив новыми материалами.

Подавляющее большинство ученых и писателей высказалось за то, что текст «Толкового словаря живого великорусского языка» Даля следует сохранить в неприкосновенности, исправив вкравшиеся ошибки, вставив пропущенные по каким-либо причинам слова и их толкование и связав словарь с современным состоянием лингвистической науки. Такие же взгляды разделял и профессор Петербургского университета, выдающийся русский и польский лингвист, один из основоположников языкознания XX века, автор многочисленных работ по теории языкознания, по изучению славянских языков, в том числе и русского, Иван Александрович Бодуэн де Куртене, который согласился быть редактором нового, третьего, издания Словаря.

«Словарь Даля,— писал он в предисловии к 3-ему, исправленному и дополненному, изданию словаря,— составляет неоспоримое сокровище. Это труд единственный в своем роде. Трудно найти другой словарь, совмещающий в себе столько материала, почерпнутого одним только лицом из живого, разговорного языка известного народа. Словарь

Даля является не только одною из самых богатых сокровищниц речи человеческой, но кроме того сборником материалов для исследования и определения народного склада ума, для определения миросозерцания русского народа. Чего только стоит одно обилие сочных и метких изречений и пословиц!

Несмотря, однако, на громадное обилие содержащегося в нем материала, несмотря на всю свою оригинальность и другие положительные достоинства, словарь Даля все-таки составлен как в 1-м, так и во 2-ом издании с внешней, технической стороны неудовлетворительно. Для устранения этих чувствительных погрешностей можно было смотреть на прежние издания словаря Даля только как на материал и затем, переделав его основательно, составить совершенно новый словарь русского языка по всем правилам лексикографического искусства. Но тогда это не был бы уже „Толковый словарь живого великорусского языка“, который сам по себе заслуживает переиздания и останется навсегда памятником литературы. Поэтому хотя редакция нового издания словаря, в частности, и не соглашалась со многими научными взглядами Даля, она все-таки из уважения к монументальному труду понимала свою редакторскую задачу прежде всего в смысле усовершенствования подробностей внешней отделки, исправления ошибок и включения слов, почему-то пропущенных Далем, а также тех новых слов, которыми обогатился живой русский язык за последние годы. Но Даль все-таки должен был остаться Далем — и он им остался».

Эта задача, потребовавшая семилетнего напряженного труда Бодуэна де Куртенэ и его немногочисленных сотрудников, была выполнена образцово.

В третьем издании Бодуэн де Куртенэ полностью сохраняет текст второго издания Словаря в том виде, в котором он был установлен Далем и издателями Словаря. В то же время Бодуэн вносит в текст некоторые дополнения, уточнения, устраняет очевидные ошибки предшествующего издания, которые оговорены в квадратных скобках [], так что в третьем издании четко разграничиваются текст Даля и текст Бодуэна.

Главную свою редакторскую задачу Бодуэн де Куртенэ понимает прежде всего в том, чтобы «сделать возможным пользование словарем без затруднений и без непроизводительной траты времени». Поэтому в третьем издании он располагает все слова только по алфавиту.

Бодуэн писал об этом: «С практической точки зрения я большой поклонник алфавитного порядка. Думаю, что лучше всего сообщить слова в алфавитном порядке (т. е. статьи со всеми объяснениями слов и их разветвлениями). Рядом с этим весьма желательно упорядочить слова по группам с разных точек зрения. Пользующийся подобным систематизированным списком может сам подыскивать слова в основном словаре. Алфавитный словарь, может быть, лучше всего упорядочить по „корням“ (т. е. по морфемам корневым и префиксальным), но рядом с этим в тот же словарь ввести и целые слова со ссылками на корни» (Лексикографический сборник, вып. VI, М., 1963).

* * *

Все слова, которые были помещены Далем в гнезда и которые нельзя было найти по алфавитному порядку словаря, Бодуэн де Куртенэ выводит из гнезда, располагает по алфавиту с прибавлением указания «см. заглавное слово гнезда», где это слово остается вместе с описанием его значения и с относящимися к нему примерами. Правда, в осуществлении этого принципа есть различие между словами до буквы *n* и после нее.

Так, слово *восстание* помещено Далем в гнезде *вста́ть*. Бодуэн сохраняет слово *восста́ние* в этом гнезде, но одновременно располагает его по алфавиту после *восстава́ть* с указанием см. *вста́ть*. Подобным образом Бодуэн поступает во всех случаях: *авто́рник* см. *вто́рник*, *алкога́* 'голод, голодание' см. *алка́ть*, *да́ча* 'выдача, отдача, раздача' см. *да́ть*.

Слова, помещенные Далем в гнезда, Бодуэн называл «почти потерянными для словаря». «Иногда они так хорошо упрятаны, что даже специалисту по языку приходилось думать и искать, пока ему удавалось открыть место ссылки интересного незнакомца».

В ряде случаев, когда слово по своему значению никоим образом не могло относиться к данному гнезду, куда оно попало только благодаря смешению понятий, Бодуэн выводил его из гнезда, зачеркивал и переносил на положенное место по алфавиту вместе с его производными словами и примерами. Таким образом, в третьем и в четвертом изданиях словаря получались новые гнезда, отсутствующие в двух первых.

Например, в гнезде *áкт* первых двух изданий словаря помещались *áкт*, *áктёр* и *áкция* с их производными. В Бодуэновском издании словаря это гнездо было разбито на три новых гнезда *áкт*, *áктёр*, *áкция*. Из одного гнезда *бáнда* получилось два: *бáнда* 'толпа, шайка, ватага' и *бáндаж* 'врачебная повязка'.

Большую работу проделали Бодуэн и его сотрудники над омонимами. Одинаково написанные, но имеющие разное значение слова были разбиты на отдельные словарные статьи и снабжены порядковыми цифрами.

Например, 1. *дерка́ч* 'луговая птица', 2. *дерка́ч* 'голый веник' и 3. *дерка́ч* 'тот, кто дергается, кривляется'.

В первых двух изданиях словаря омонимы были настолько искусно спрятаны в гнездах, что их было трудно обнаружить, в то время как другими словами с тождественным звуковым составом начинались словарные статьи. Подсчитано, например, что только в словах на букву *Б* Бодуэном было создано 145 омонимов. Он ввел много новых слов и выражений, которые по разным причинам отсутствовали в первых двух изданиях. Прежде всего, сюда вошли слова из записей самого Бодуэна де Куртенэ, которые он вел во время своего пребывания в Казани (1875—1883). Подавляющее большинство среди этих записей — диалектные слова и выражения с пометами тех губерний, в которых бывал Бодуэн. Образцом подобных записей могут служить следующие примеры: *взга́рка́ть* вят. 'вскрикивать грубым голосом, громко окликнуть', *во́болоко* зап. 'облако' и т. д.

Собранные Бодуэном диалектные материалы дают возможность увеличить число помет, указывающих на территорию распространения слова. Так, у Даля к слову *веньгу́ша* 'плаксивый человек' даются пометы *вят.*, *перм.*, а Бодуэн добавляет *вологод.*, *сиб.*; к слову *весельство* 'радость, удовольствие' у Даля помета *арх.*, Бодуэн прибавляет еще две пометы *каз.* и *вят.* и т. д.

* * *

Наблюдая за развитием русского языка, Бодуэн считал, что словарь должен отражать все социальные изменения, происходящие в речевой деятельности. Например, *вэйка* м. 'извозчик из чухонцев, промышленяющий в Петербурге только во время масленицы'; *депó* ср. нескл., [*депа́ ж.*] 'послали за «депы́ начальником», так величают

старшего слесаря на железнодорожных станциях»; *прокатить на вороны* 'при баллотировке забаллотировать, накласть кому «черняков» — «черных», неизбирательных шаров'.

Тем же вниманием Бодуэна к изучению социального аспекта речевой деятельности объясняется и то обстоятельство, что, «исходя из научных соображений и имея в виду полноту словаря живой русской речи», он включил в третье издание словаря ряд бранных слов. Свою позицию в этом вопросе Бодуэн изложил в «Предисловии» к новому изданию словаря и в специальной статье «Замечания о русско-польском словаре» (Лексикографический сборник, вып. VI, 1963), хотя эти взгляды автора подвергались критике.

Много добавлений в третье издание было внесено из «Словаря русского языка, составленного вторым отделением Академии наук» под редакцией академиков Я. К. Грота и А. А. Шахматова (1 и 2 т. до буквы З). В основном это были книжные слова и слова с новыми переносными значениями, отсутствовавшие у Даля. Так, в третьем издании, например, появляется слово *виаду́к* м. 'мост через сухой овраг или лощину, сооруженный для продолжения дороги; путепровод'; новые значения у слов *винегрёт* м. 'ирон. вообще смесь разнородных предметов'; *вокза́л* м. 'железнодорожный путевой двор, дебаркадер, строение, где собираются пассажиры для отъезда' и т. д.

Другая серия добавлений лексического материала в третье издание была связана с двумя диалектологическими словарями, изданными Академией наук: «Опытом областного великорусского словаря» (СПб., 1852) и «Дополнением к опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858).

При подготовке первого и второго изданий словаря В. И. Даль использовал эти два источника, но, как оказалось, при проверке, сделанной Бодуэном и его сотрудниками, он довольно много слов пропустил. Бодуэн внес в новое издание из этих словарей все то, что по какому-либо причинам не вошло в Словарь Даля, хотя, как писал Бодуэн, «к словам, заимствованным из „Опыта“ и из „Дополнения к опыту“ пришлось относиться крайне осторожно, ибо, по верному замечанию Даля, оба эти сборника слов составлены весьма некритично».

Так, например, из «Опыта» заимствованы такие слова, как *ва́бно* нар. 'лакомо, заманчиво, занимательно' арх.;

вѣхрюш 'неуклюжий, грубый, неотесанный мужчина' кур.; *взбугить* 'прибить, поколотить' пенз. и т. п. Из «Дополненный к опыту» — *висбишник* м. 'человек, ходящий в рубище' арханг.; *вересинка* ж. 'вересняковая можжевельная ветвь'. *Девку в сани посадил, вересинкой пригрозил*, арханг.; *варгѣтный* 'квадратный' каз. и т. д.

Если подсчитать количество новых слов, значений, примеров и уточнений, введенных Бодуэном, то только на букву *В* в третьем издании помещено свыше 380. Третье издание словаря было пополнено многочисленными терминами, относящимися к зоологии и биологии. Для этой цели были сверены показания всех авторитетных зоологических и биологических словарей со вторым изданием Даля. Отсутствовавшие термины зоологии и биологии во втором издании были введены в третье издание. Особое внимание Бодуэн уделил «Ботаническому словарю» Н. И. Анненкова (М., 1859). Причем, уточнялось не только толкование значений русских терминов, но и их латинская номенклатура, так как во втором издании в сравнении с первым наблюдались новые ошибки и неточности.

Внесенные в третье издание слова распадаются на две категории: одни взяты из диалектологических записей и выписок из словарей, вторые отражали наблюдения Бодуэна над русским литературным языком в эпоху подъема общественного и революционного движения в России в начале XX века и связаны «с коренными переворотами в мировоззрении почти всех классов общества». «Перемены в разных областях жизни и мировоззрения вообще», — писал Бодуэн, — создают условия «для быстрой перемены в понимании значения некоторых слов».

«Что касается отдельных щекотливых слов, — говорил он, — то возьмем для примера слова „патриот“ и „патриотизм“. Сами по себе эти слова весьма почтенные и заслуживающие понимания согласно их первоначальному источнику. Такими они бывали всегда и такими, вероятно, воскреснут в будущем. Но кто же виноват, если в последнее время эти слова взяты в исключительную аренду известными „партиями“ и группами, и получили вследствие этого — впрочем, не только в России, но и в других странах — разбойничий, погромный и карательный оттенок? Оставлять же подобные выработанные жизнью оттенки не отмеченными, когда представляется возможным их отметить, было бы упущением в словаре живого языка. Не забудем тоже при этом об отношении к „патриотизму“

и „патриотам“ таких выдающихся писателей и мыслителей, как И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой и др.» (Предисловие, с. IX).

Бодуэн охотно вносил в третье издание Словаря толкования слов, которые отражали словоупотребление прогрессивной интеллигенции, и часто пользовался словарным материалом, чтобы высказать свои собственные политические взгляды. Вскоре после выхода в свет третьего издания словаря Даля он подвергся бешеной травле со стороны реакционных публицистов и некоторых лингвистов, поддержавших официальную черносотенную политику. «Именно благодаря этой травле, вызванной отнюдь не научной несостоятельностью нового издания, а политическими взглядами его редактора, и сложилась басня о том, что Бодуэн якобы „испортил“ Даля» (А. А. Леонтьев. Творческий путь и основные черты лингвистической концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ, с. 12 — сб.: И. А. Бодуэн де Куртенэ (К 30-летию со дня смерти), М., 1960).

* * *

После выхода в свет первого издания Словаря критики и рецензенты единогласно отмечали, что этимологические разъяснения автора представляют собой наиболее уязвимое место в словаре. Едва ли не самую важную причину они видели в том, что Даль не знал славянских языков и не владел сравнительно-историческим методом. Сам Даль понимал свои недостатки и не стремился к этимологическим разъяснениям в словаре, основываясь в толковании иных слов по большей части на интуитивных домыслах и на таких зыбких понятиях, как «дух языка», «народный дух».

В качестве ложных этимологий Даля можно указать на объяснение происхождения имен существительных *вѣлок* и *домра* и наречия *долѣ*. Первое слово он этимологически возводил к глаголу *валѣть*, второе считал коренным русским или славянским, произведенным от глагола *дѣть*. Между тем оба эти слова тюркского происхождения: первое от *oɟluk* 'покрывало', а второе соотносится с тат. *dumbra* 'балалайка', казах. *dombra* 'род балалайки', тур. *tambura* 'гитара' и т. п. Наречие *долѣ* правильнее соотносить с древнерусским именем существительным *глуб* 'дно, основание', а не с глаголом *глубѣть* и т. д. Этимологи-

ческие взгляды Даля внимательно проанализированы в книге профессора М. В. Канкавы «В. И. Даль как лексикограф» (Тбилиси, 1958).

Естественно, что Бодуэн де Куртене, выдающийся теоретик и историк языка, знаток славянских языков, не мог не обратить внимания на ложные этимологии в словаре Даля. В третьем издании Бодуэн вводит условное обозначение восклицательный знак в квадратных скобках [!], с помощью которого указывает на неправильность толкования Далем значения слова. После слова или фразы этот знак указывает также на ложные этимологические объяснения Даля.

Но во многих случаях Бодуэн исправляет, уточняет и дополняет историко-этимологические справки Даля. Особенно это касается слов иноязычного происхождения, установления путей проникновения их в русский язык.

Второе издание

Драба́нт м. нем. трабант, телохранитель, вожатый. Во время сражений у нас назначают к командующим частями войск *трабантов* для охраны в опасности.

Драпировать что, покрывать или завешивать тканью, убирать в складках.

Дра́тва ж. нем. толстая смоленая нить, для шитья кожи, вервь.

Драгвяной, сделанный из драгвы.

Третье издание

Драба́нт м., [польск. drabant, нем. Trabant, с венгер. da-gabant, турец. derbân, привратник], трабант, телохранитель, вожатый. Во время сражений у нас назначают к командующим частями войск *трабантов* для охраны в опасности.

[*Драпри́* нескл. ср., франц. draperie, занавеска со складками]. *Драпировать* [нем. drapieren от франц. draper] что, покрывать или завешивать тканью, убирать в складках.

Дра́тва ж., [польск. dratwa], нем. [Draht], толстая смоленая нить, для шитья кожи, вервь.

Драгвяной [драгвяный], сделанный из драгвы.

Бодуэн де Куртене внес много исправлений и дополнений в грамматические комментарии к объяснению слов.

Так, в имена существительные с подвижным ударением и изменчивым составом основы редактор третьего издания прибавил в скобках окончание формы родительного падежа, например, *бобырь* [род. -ыря́], *бобыре́ц* [род. -ыря́], *болгун* [род. -уна́] и т. д. В других случаях окончание формы родительного падежа заменяется для показания подвижности ударения и изменяемости основы знаками

ударения над формами косвенных падежей или производных слов: *бура́к* м., *бураки́* мн.; *бочо́к* м. умал. сл., *ббк*, *бочка́ми* [имен. мн. *бочки́*, *бочка́*].

Бодуэн восстановил в соответствии с указаниями первого издания словаря окончание формы родительного падежа единственного числа существительных мужского рода на -у: *дому*, *дыму*, *жару*, *урожаю* и т. п. В тех случаях, когда редакторы второго издания, искажая волю Даля, давали форму на -а, Бодуэн стремился восстановить в своих правах формы живой русской речи. Ср. пословицы из третьего издания: *Краше цвету алого, белее снегу белого; С берегу море красно; Жару в шапку не нагребешь* и т. д.

Обращая внимание на простоту глагольной формы и на ее морфологическую первообразность, Бодуэн считал, что приставочные глаголы, которые стоят в начале Далева гнезда, должны даваться в форме совершенного вида: *выгородить*, *выкосить*, *докласть*, *доплатить*, *заслонить* и т. д., а не в форме несовершенного вида, как это печаталось во втором издании.

Наконец, все словарные статьи, посвященные отдельным буквам русского алфавита, были основательно переработаны Бодуэном в соответствии с новейшими психолого-социологическими взглядами на природу языка и речи. В этих статьях было устранено смешение, отождествление понятий буквы и звука, свойственное лингвистической концепции Даля.

Благодаря дополнениям Бодуэна де Куртенэ объем Словаря Даля увеличился примерно на 15%. В третье издание вошло не менее 20 000 новых слов. Всего в этом издании помещено около 220 000 слов. Несмотря на огромное число дополнений и исправлений, внесенных в третье издание, немало было слов, примеров и толкований значений, по тем или иным причинам не вошедшим. Следует учесть и то, что за те семь лет, в течение которых печаталось третье издание Словаря, русский язык обогатился многими новыми словами и выражениями. Все эти материалы, как писал Бодуэн, «собираются редакцией», их он хотел издать в виде дополнительного, пятого тома Словаря Даля. Но лексикографические материалы пятого тома, к сожалению, утрачены.

Таким образом, бодуэновское издание Словаря Даля отличается от предшествующих изданий новизной и четкостью семантико-грамматических и лексикографических принципов описания словарного состава русского языка.

Выдающиеся деятели советской культуры высоко оценивали деятельность Бодуэна де Куртенэ по редактированию, исправлению и пополнению Словаря Даля и считали третье издание более совершенным, чем прежние. Об этом писали А. М. Горький, академики Л. В. Щерба и В. В. Виноградов.

* * *

4 января 1920 года для личной библиотеки В. И. Ленина в Кремле Бонч-Бруевичем было приобретено третье издание Словаря Даля. Ленин внимательно изучал его, хотя ему были известны и другие издания Словаря. В Симбирской библиотеке находился неполный комплект 1-го издания, а в 1910 году В. И. Ленин делал словарные выписки из 2-го издания (см.: Ленинский сборник, т. 31, с. 282—283).

Высокую оценку бодуэновского издания Словаря Даля дал В. И. Ленин в письме А. В. Луначарскому (от 18 января 1920 г.). Он писал: «Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля.

Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь и классиками*, от Пушкина до Горького» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 51, с. 121—122).

Остается лишь пожелать, чтобы наши издательства, выпускавшие дважды второе издание «Толкового словаря живого великорусского языка» Даля (в 1935 и в 1955 годах), напечатали и третье издание словаря — плод совместного сотрудничества двух выдающихся ученых В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Профессор Московского университета
В. П. ВОМПЕРСКИЙ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПОГОВОРКИ

ИЗДАВНА русский народ славился своим умением вставлять в речь меткое слово, да так, что оно тут же к месту прирастало, подхватывалось другими и несло по всей Руси. Полюбившийся образ варьировался до тех пор, пока не связывался с определенной ситуацией, или какой-либо стороной русского характера — он и становился поговоркой. Высокую оценку образности русского меткого слова дал А. С. Пушкин: «А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» (Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899). Поговорки привлекали внимание писателей и ученых самых различных областей. Однако они не стали еще предметом специального исследования, до сих пор в науке нет устойчивого определения их. Одна из причин такого положения — отсутствие сборника поговорок. Начиная с XVI века они входили в различные сборники под общим названием «Пословицы русского народа» вместе с собственно пословицами, присловиями, приметам, приговорками, загадками и другими малыми фольклорными формами. Сам народ разграничил поговорки с пословицами, наиболее близкими к ним, сказав: «Пословица — ягодка, поговорка — цветочек».

Поговорки обладают своими, только им присущими признаками, которые могут быть прослежены в содержании, структуре и функции.

СОДЕРЖАНИЕ поговорок определяется объемом охвата явлений действительности и качеством, связанным со смысловым наполнением высказываний. Не касаясь количественной стороны поговорок, необходимо сказать, что они достаточно широко отразили жизнь и деятельность человека, отдельные

черты его характера, состояние, порицаемые народом дурные привычки, положения, в которых может оказаться каждый. В таком проникновении во все мелочи жизни и заключается одна из отличительных сторон содержания поговорок. Поговорки метко характеризуют самые различные проявления человеческой природы: бессилие — «ничего не попишешь»; оплошность — «попасться на удочку», «попасть впросак», «попасть пальцем в небо»; различные формы состояния: усталость — «валиться с ног», озноб — «мороз по коже»; ощущение близкой смерти — «дышать на ладан»; удрученность — «как в воду опущенный»; раздражение — «метать громы и молнии». В поговорках показаны действия и поступки человека: «бить баклуши», «валить дурака», «водить за нос», «дать по шпанке», «замести следы», «стрелять мимо цели», «танцевать от печки»; положения и ситуации: «в воду кануть», «в долгу как в шелку», «между двух огней», «висеть на волоске», «биться как рыба об лед». Создают поговорки и запоминающиеся образы: козел отпущения, мелкая сошка, ни рыба ни мясо, ни богу свечка ни черту кочерга.

Характеризуя явления, народ высказывает в поговорках и свое к ним отношение. Так, высшая степень качества определяется поговоркой «цены нет». Народное одобрение получили способность трудиться «не покладая рук», умение действовать в сложной ситуации «на свой страх и риск», способность «выйти в люди», «заткнуть за пояс» любого соперника и другие положительные качества. Порицаются люди «не из храброго десятка», «бросающие слова на ветер», относящиеся ко всему «спустя рукава», живущие «без царя в голове» и в случае опасности способные лишь бежать «как крысы с тонущего корабля».

Качественную сторону содержания поговорок отличает четкая соотнесенность с характеризваемым. К ним поэтому легко подобрать слова-синонимы, дать описание соотнесенности с определенным свойством или положением: «рвать на голове волосы» — «отчаяваться», «как курица лапой» — «неразборчиво», «голь перекатная» — «босая», «стреляный воробей» — «бывалый человек», «носиться как курица с яйцом» — «уделять неоправданно много внимания». Определенность лексического значения возникает в результате слияния первоначального и метафорического смысла поговорок, что подкрепляется многократным применением поговорки только в одном

качестве. Так, говоря «кровь с молоком», всегда имеют в виду крепкого молодого человека, «кожа да кости» — хилого, «тертый калач» — бывалого, «мухи не обидит» — миролюбивого, тихого, «с живого и мертвого шкуру сдерет» — лихоимца. Единственность значения — качественная сторона содержания поговорок, отличающая их от пословиц, которые способны применяться с новыми смысловыми оттенками к разным явлениям. Таким образом, содержание поговорок отличается замкнутостью в сфере человеческой деятельности, четкой соотнесенностью с характеризваемым и лексической однозначностью.

СТРУКТУРА поговорок тоже имеет ряд специфических черт. Поговорки сохраняют воспроизводимость в традиционном варианте и почти без изменений зафиксированы во всех известных нам сборниках. Это свидетельствует об устойчивости структуры поговорок и позволяет выделить ее основные признаки: синтаксические, лексические и семантические. Синтаксис поговорок имеет много общего со словосочетанием. Можно выделить три основных структурных типа поговорок по количеству компонентов: двучленные — «бить ключом», «вешать нос», «филькина грамота»; трехчленные — «пропустить сквозь пальцы», «ободрать как липку», «убить двух зайцев»; многочленные — «как корова языком слизнула», «надулся какмыш на крупу», «как две капли воды», «куда ворон костей не заносил».

Поговорки, как и свободные словосочетания, имеют сложную структуру. Например, поговорка «рвать на себе волосы» выражена глаголом, предложным падежом существительного или местоимения и существительным в винительном падеже. Словосочетаний подобного типа может быть бесконечное множество: вышивать на платье узоры, держать на руках ребенка, делать на полях заметки, и в любом лексическом наполнении они имеют одно значение: «делать на чем-то что-то». Семантика поговорок, построенных по той же модели, различна: «рвать на себе волосы» — «отчаиваться», «иметь на плечах голову» — «быть умным». В таких поговорках составляющие компоненты не имеют самостоятельного лексического значения, иногда нет даже смысла их выделять: «точить зубы», «съесть собаку», «иметь зуб» (на кого-то). Есть поговорки, в которых ослаблено лексическое значение лишь части или отдельного слова, а другие слова сохраняют свой первоначальный смысл. Например, в поговорке «чаша терпения переполнилась» слово *терпение* сохранило свой обычный смысл и влияет на все ее содержание: нет больше возможности терпеть (переносить) что-либо. И все-таки поговорки, подобно свободным словосочетаниям, не мо-

гут быть расчленены на составные элементы. Не допускается и их замена семантически однозначными компонентами. Так, поговорку «стреляный воробей» нельзя заменить ее эквивалентом «воробей, в которого стреляли», подобное изменение разрушит поговорку. Вместе с тем в контексте допускаются некоторые замены: «связать себя по рукам и ногам», «связавший себя по рукам и ногам», «связанный (кем-то) по рукам и ногам».

Следовательно, семантика поговорок ближе отдельному слову, а лексическая и синтаксическая стороны совпадают по форме со словосочетанием.

Поговорки совпадают со словом и по грамматическим признакам, выступая в предложении в качестве его членов: сказуемого: «Нас берут за глотку, и мы бьемся последним и решительным боем» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 38, с. 288—289); обстоятельства или дополнения: «...если мы это сделаем, какая это превосходная революционная стратегия! Как она похожа на „авось да небось“!» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 34, с. 406). Однако полного тождества со словом нет. В речи поговорки все-таки выступают как словосочетания, а не отдельные слова. В. И. Ленин, например, творчески приспособлял поговорки к задачам политического текста, изменял их форму, вносил новые слова и целые словосочетания: «Нас не удивляет то обстоятельство, что они запутались, пожалуй, меньше, чем в четырех соснах» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 45, с. 4). Смысл при этом сохранился, т. е. не сумели разобраться в несложном вопросе (ср.: поговорку «заблудиться в трех соснах»).

ФУНКЦИИ поговорок определяются их образностью, что неоднократно отмечалось исследователями. «Поговорка,— писал В. И. Даль в статье «Напутное» — заменяет... прямую речь окольную, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно, весьма ясно намекает. Она не говорит: *он пьян*; а скажет: у него в глазах двоится, он навеселе, язык лыка не вяжет, он не свиснет, он закатил за ворот, он по одной половине не пройдет...». (Пословицы русского народа. Сборник В. Даля, М., 1957).

Способность эмоционально окрашивать речь обусловлена широким использованием в них сравнений: «Они боятся, как огня, распространения у себя дома большевистской заразы...» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 40, с. 126) и метафор: «Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные „цивилизованные“ гиены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не

сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 23, с. 3).

Условно можно выделить поговорки-сравнения, поскольку их структура не выходит за пределы сравнений: «как с гуся вода», «как сивый мерин», «как по писаному», «как сидорову козу», «как сажа бела», «как церковная крыса», «как зеницу ока». Не меньше поговорок-метафор: «позолотить пилюлю», «вить веревки», «вывернуться наизнанку», «заглянуть в душу», «закидывать удочку». В результате многократного повторения образная форма поговорок оживляется, что чаще всего наблюдается в художественной литературе и публицистике. Вот один из примеров такого творческого использования поговорки «положить зубы на полку»: «Наголодавшись и зная, что харч мой все равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку» (В. Распутин. Живи и помни. М., 1975).

Поговорки всегда выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию. Пословицы в отличие от них не только украшают речь, но, выступая в роли авторитетного мнения народа, несут основную идейную нагрузку и служат убедительным доводом высказывания: «...давать себя запугивать или нервировать „лазаретными“ сценами — вещь совсем непростительная. Волков бояться — в лес не ходить» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 23, с. 53).

ВЫДЕЛЕННЫЕ нами признаки содержания, структуры и функции позволяют дать такое определение: *поговорки* — широко бытующие в речи народа устойчивые словосочетания, образно характеризующие отдельные свойства явлений. Как и другие малые фольклорные формы, поговорки составляют сокровищницу русской народной мудрости.

Л. А. МОРОЗОВА

Иносказательные образы у Лермонтова

Поэзия Лермонтова часто обращается к различного рода иносказаниям: какое-либо переживание, душевное состояние сравнивается с чем-то объективным, при этом предмет, объект значим уже не сам по себе, а как выражение какой-либо идеи, настроения.

Изучение такого рода стихотворений, наблюдения над поэтическим стилем и лексикой обогащают наше восприятие, позволяют раскрыть такие оттенки смысла слова, которые при беглом чтении ускользают от внимания читателей.

Одним из типов иносказаний у Лермонтова были двухчастные стихотворения-сравнения, проходящие через все его творчество. Уже в 1829 году Лермонтов пишет «Русскую мелодию», состоящую из двух частей — отвлеченной (субъектной) и предметной (объектной), граница между которыми обозначена словом *так* («Так перед праздною толпой»). К такого рода стихотворениям относятся «Умиравший гладиатор» (1836), «Поэт» (1838), «М. П. Соломирской» (1840) и «Графине Ростопчиной» (1841). Последнее состоит из двух равных частей: сначала идет лирическое изъяснение (первые 12 строк), а затем иносказание («Так две волны несутся дружно...»).

Это стихотворение адресовано человеку, с которым поэт находился «в самых близких и дружественных отношениях». Около двух месяцев (во время последнего пребывания поэта в Петербурге) он виделся с Ростопчиной каждый день дважды — утром у нее дома, вечером — в салоне Карамзиных.

«Предвидя вечную разлуку», Лермонтов говорит о самом главном, о том, что, по его мнению, их связывало:

Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.

В годы ранней молодости Ростопчина разделяла взгляды передовой молодежи, писала стихи, обращенные к ссыльным декабристам; декабристскими настроениями была пронизана и юношеская поэзия Лермонтова. В предчувствии скорой смерти Лермонтов как бы подводит жизненные итоги. Он говорит о крушении романтических иллюзий, «преданий юности». Отрыв «от цели благородной» он считает трагедией своей жизни, прошедшей в «бесплодной борьбе» и «буре страстей».

Вторая, иносказательная, часть позволяет поэту, «не давая волю сердцу», сдержанно сказать о разрыве дружеских связей, о сокровенной сути человеческой личности.

Соотношение иносказания и первой лирической части стихотворения не однозначно. Сравнение превращается в символический образ, имеющий относительную самостоятельность.

Символический образ моря художественно завершает юношеские сравнения душевной жизни человека с морскими волнами (см., например, «Волны и люди», «Для чего я не родился этой синевой волной...»).

Каждое слово во второй части стихотворения представляет элемент пейзажа, но из всех особенностей, свойств волн выбираются те, которые позволяют раскрыть второй, внутренний смысл:

Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный...

Две волны дружны (в первой части уже говорилось о дружбе), вместе с тем это — «чета случайная». *Случайность привязанностей* — типическая особенность современного поколения: «И ненавидим мы, и любим мы случайно...». Это чета не только случайная, но и «вольная», т. е. без каких-либо обязанностей по отношению друг к другу. *Вольная* в том смысле, в каком дорожил свободой Печорин. «Я готов на все жертвы, кроме этой», — говорит Печорин о женитьбе, — двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам».

Две волны несутся «в пустыне моря». К образу *пустыни* Лермонтов обращается постоянно. В данном контексте это означает — в пустыне жизни, в пустыне светского общества.

Очень важна строка: «И полны холодом привычным...». *Холод привычный* символизирует и холод волн, и холод человеческой души. Это сопоставление: *холод волн//холод души* встречается уже в стихотворении «Волны и люди» (1830—1831), которое завершалось строками:

Люди хотят иметь души... и что же! —
Души в них волн холодней.

Позднее *холод души* был осмыслен как одна из характерных черт поколения:

И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

На первый взгляд стихотворные строки:

Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным...

относятся к предстоящей разлуке Лермонтова и Ростопчиной. Но здесь речь идет не только о предстоящем расставании, но и о различии жизненных судеб, о неизбежности разрыва.

После этих строк уже иначе звучит начало стихотворения: «Рождены под одною звездою», но дороги, судьбы оказались разными. Уже здесь заключено зерно будущего послания Н. П. Огарева к Ростопчиной, озаглавленное «Отступнице» (1858), где противопоставляется юношеское творчество Ростопчиной ее позднейшей деятельности.

Слова о расставании «без сожаленья и любви» перекликаются с заключительными строками «Договора» («Была без радостей любовь, Разлука будет без печали»).

Особенно емким оказывается второй смысл трех последних строк стихотворения:

Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный,
И ласки вечные свои.

Для волн — это звуковая и внешняя характеристика. Для человека — это выражение его внутренней противоречивой сути.

Стих «свой ропот сладостный и томный» раскрывает естественное начало, которое выражается в радости и грусти.

Последующий стих:

Свой бурный шум, свой блеск заемный

объясняется сложнее. Образ шумящих волн, меняющих окраску в зависимости от характера освещения, конечно, ясен. Другое дело субъективный смысл этого образа. «Заемный» блеск, т. е. не свойственный данному предмету, не органический. Это тот самый блеск, о котором Лермонтов писал в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен»: «Наружно погружаясь в их блеск и суету». Это «блеск утомительный бала», на который героиня другого стихотворения Лермонтова променяла «цветущие степи Украйны». Это те самые «блестки и обманы», которыми Лермонтов в стихотворении «Поэт» характеризует современный век («блестящий, но ничтожный»). Образ «шума и блеска» возник в восьмой главе «Евгения Онегина»:

Отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад...

Последняя строка стихотворения Ростопчиной снова контрастна к предшествующей:

И ласки вечные свои.

В отношении волн — это давно вошедший в оборот антропоморфизм. Для личности — это ее сокровенные и естественные проявления.

Ласка, ласкать — излюбленные слова Лермонтова, часто встречающиеся в его стихотворениях последних лет, когда поэт говорит о самых высоких жизненных ценностях.

«Вечные ласки» в отношении волн — образ совершенно ясный, потому что море вечно. «Вечные ласки» — в отношении человека звучат, казалось бы, неожиданно. Тем более, что эпитет «вечные» иносказательной части соотносится с «вечной разлукой» в первой части, т. е. со строкою о скорой гибели.

Этот эпитет, на который падает ударение в последней ударной строке, как бы включает данное стихотворение в знаменитые лермонтовские образы последних лет, где гибель героя не предполагает его полного исчезновения («Любовь мертвеца», «Сон», «Выхожу один я на дорогу...»). Поэт не хочет примириться с конечностью челове-

ческого бытия и связывает свои представления о бессмертии с высшими жизненными ценностями.

Заметим, что перечисленная группа стихотворений имеет общее: во всех них любовь обрисована трагически. В одном случае связи разорваны и не могут быть восстановлены, в другом — они столь резко осуждаются светским обществом, что это осуждение становится темой стихотворения («Оправдание»), в последнем — они оказываются случайными, непрочными, внутренне холодными, с неизбежным разрывом («Договор», «Графине Ростопчиной»).

Другого типа иносказание заключено в стихотворении «Листок» (1841), завершающем группу стихотворений с символическим образом, впервые появившимся у Лермонтова в «Парусе». Этот образ паруса стал художественным открытием Лермонтова. Сравнение превратилось в символ, отражающий духовный мир, и этот символ стал не просто знаком, удачным выражением какого-то качества или свойства личности, а синтетическим образом, развертывающимся, вобравшим само движение мысли.

В стихотворении «Листок» Лермонтов шел от традиционного образа одинокого листка, часто мелькавшего в русской и европейской романтической лирике, в юношеской поэзии самого Лермонтова.

Поэтическая система Лермонтова такова, что этот традиционный образ наполнился глубоким конкретно-историческим содержанием. Скрытый смысл обнаруживается в первом четверостишии после слов: «Засох и увял он от холода, зноя и горя». *Увянуть от горя* может только человек. Следовательно, и первые строки «Дубовый листок оторвался от ветки родимой /И в степь укатился, /Жестокою бурей гонимый» также имеют второе, субъективное значение, которое раскрывается не сразу. Необходимо сначала познакомиться со стихотворением целиком, а потом уже снова вернуться к нему, чтобы открылась глубина его содержания.

В «Листке» сравнение формально отсутствует, а в существовании второго смыслового слоя читатель убеждается постепенно.

...До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.
Один и без цели по свету ношуся давно я...

Эти строки будут непонятны, если не будет обнаружено их глубинное значение. Речь идет о судьбе личности, о судьбе лирического героя и одновременно о судьбе лучших

людей поколения. *До срока созрел* — почти цитата из «Думы» («Так тощий плод до времени созрелый»). *Один и без цели* также перекликается с «Думой» («ровный путь без цели»). Определение из «Думы» *пришлец осиротелый* целиком применимо к листку, который молит «приюта на время» и «с тоскою глубокой» называет себя *пришельцем*.

Стихотворение «Листок» включает многие мотивы лирики Лермонтова: образ странника, человека, находящегося в изгнании, проходит через всю лермонтовскую поэзию; тема родины затронута в строке «вырос в отчизне суровой». Горькие размышления о художественном творчестве, характерные для ряда стихотворений, содержатся в строке-ответе чинары: «Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?» на слова листка: «Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

Слова «увял я без сна и покоя» перекликаются с темой покоя и сна в лирике Лермонтова последних лет.

В «Листке» получает субъективный смысл буквально каждое слово, каждый эпитет. «Жестокою бурей гонимый» означает подверженный преследованиям, а движение листка-странника («И вот наконец докатился до Черного моря») совпадает с направлением ссылки поэта.

Как же отнестись ко второму образу — молодой чинаре? Трудно предположить, что один образ имеет символическую нагрузку, а другой должен восприниматься только непосредственно.

Стремление оторванного листка к молодой чинаре прежде всего понимается как попытка преодолеть одиночество, найти родную душу.

Содержание второго образа этим не может быть исчерпано, поскольку листок символизирует не просто судьбу личности, но и судьбу лучших людей поколения. Следовательно, и молодая чинара не может быть понята только как другая личность или образ женщины. Она по логике образов должна соотноситься с «веткой родимой», от которой оторвался листок. Это иная среда, иная почва, нечто противоположное той неблагоприятной среде, той почве в «отчизне суровой», которая ведет к увяданию. Это мир молодости, цветения, свежести, гармонии, связи с прекрасными силами и стихиями природы — солнцем, ветром, небом, морем. Недаром на ветках чинары качаются «райские птицы». Это образ и сказочно-фантастический, что подчеркнуто фольклорным колоритом: райские птицы поют «песни про славу морской царь-девицы».

Молодая чинара презрительно отказывается принять прищельца. Речь идет не об отвергнутой привязанности или неразделенной любви, а о ненужности («на что мне тебя?»), о несовместимости цветущего и увядшего:

Ты пылен и желт,— и сынам моим свежим не пара.

Листок и чинара принадлежат разным сферам:

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!

Здесь снова возникает, хотя и не такая прямая, как ранее, перекличка с «Думой»:

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом.

Несмотря на резкий скептицизм «Думы», автор верит в исторический прогресс, в то, что потомки будут жить иначе и лучше, чем нынешнее поколение. Презрительное отношение потомков к нынешнему поколению напоминает отношение чинары к листку. Белинский писал, что Лермонтов, подобно Байрону, носил в груди предчувствие будущего идеала. Молодая чинара — это, конечно, не только часть пейзажа, а символический образ, воплощающий идеал, противопоставленный окружающей действительности.

Стремление одинокого листка к молодой чинаре — своеобразное выражение типичной для поэзии Лермонтова ситуации. Это не только желание преодолеть одиночество и бесприютность, найти родную душу, но и поиск, как это было, например, в «Мцыри», иной, гармонической жизни. Кстати, о бесприютности Мцыри сказано:

...Угрюм и одинокий,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах...

В «Мцыри» идеальная, «милая» отчизна была возвращением в «страну отцов»; в «Листке» — это образ отчасти фантастический, близкий к фольклорному. Символика и фантастика такого рода соответствовали историческому моменту, когда было невозможно дать более определенные очертания идеала.

Интересно, что Н. Г. Чернышевский в «Повести в повести» (Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1949) цитирует лермонтовский «Листок». С символическим образом молодой чинары на берегу Черного моря он связывает свои размышления о новых силах, которые приблизят светлое будущее России.

Истинное содержание стихотворения просвечивает сквозь зримые образы, составляющие, как обычно у Лермонтова, самостоятельную, художественно совершенную картину. Символы здесь сочетаются с олицетворением. И листок и чинара одушевлены; они говорят человеческим языком, ведут между собою беседу. В отличие от «Трех пальм» и «Спора» олицетворение в «Листке» целиком подчинено символическому началу. Предметная сторона

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

ОКУНЕВЫЙ ИЛИ ОКУНЁВЫЙ?

Как правильно сказать: *бкуневый* крючок или *окунёвый* крючок? *бкуневое* филе или *окунёвое* филе?

Традиционная норма русского литературного произношения признает ударение в прилагательном от слова *окунь* лишь на первом от начала слоге: *бкуневый*, *бкуневая*, *бкуневое*; *семейство бкуневых* и т. п. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (в статье «Окунывать») при слове *бкунь* читаем: «бкуневая ушница, бкунистые места» (богатые окунями). Нормативные словари современного русского языка (толковые и орфоэпические) также признают обычно лишь ударение *бкуневый*, а форму *окунёвый* расценивают как неправильную, недопустимую. См., например, словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. П. Ожегова (М., 1959).

Однако в словарях-справочниках, выпущенных в последние годы, запрет форме *окунёвый* звучит уже не так категорично. И это понятно. Ведь издавна в системе русского языка наряду с таким образованием, как *бкунь* — *бкуневый*, существовали и другие, аналогичные — но с переносом ударения на предпоследний

здесь конструируется так, что имеет по ряду признаков внутреннюю связь с субъектной.

Эти наблюдения показывают, какими разнообразными формами иносказания пользовался Лермонтов. Но, конечно, самое главное заключается в том, что анализ типа иносказаний помогает идейно-художественному восприятию стихотворений.

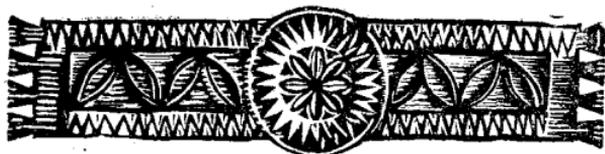
Э. Э. НАЙДИЧ

слог: рубль — рублёвый, óмуль — омулёвый, úгорь — угрёвый, sóболь — sóболевыи и соболёвый, соболíнный; сéлезень — сéлезневый и сéлезнёвый и многие другие. Конечно, такие формы не могли не влиять (и фактически влияли) на образование формы *окунёвый* (наряду с *бкуневый*). Ударение *окунёвый* могли поддерживать также и уменьшительные формы *окунёк* и *окунёчек*.

В словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под редакцией К. С. Горбачевича (Л., 1973) форма *окунёвый* дается уже в качестве допустимой (и вполне литературной), наряду с традиционной *бкуневый*. В 9-м (М., 1972) и последующих изданиях однотомного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова форма *окунёвый* (которую мы не встретим в предыдущих изданиях) приводится с ограничительной стилистической пометой «разговорное». Наконец, последнее издание (13-е) «Орфографического словаря русского языка» АН СССР (М., 1974) в качестве единственно нормативной приводит форму *окунёвый*.

Таким образом, можно считать, что современная орфоэпическая норма признает — наряду с традиционным *бкуневый* — более новое, но также ставшее уже литературным, ударение (и произношение) *окунёвый*. Мы говорим: *бкуневый клёв*, *бкуневое филе*, *бкуневая голова*, но можем сказать также: *окунёвый клёв*, *окунёвое филе*, *окунёвая голова* и т. п. Интересно отметить, однако, что в зоологическом термине *семейство бкуневых* сохраняется традиционное ударение — на первом от начала слоге. В этом случае слово *бкуневые* (только множественное число) выступает как существительное. Употребляясь в качестве термина, это слово не испытывает влияния аналогий и не переносит (в силу длительной книжной традиции) ударение на суффиксальную часть.

Л. И. СКВОРЦОВ

Устная народная речь в произведениях А. И. Куприна

Народная речь своей самобытностью, неповторимостью всегда восхищала А. И. Куприна. В своих произведениях он использовал почти все виды устного народного творчества — пословицы, поговорки, сказки, песни, причитания, устоявшиеся в народной речи образные сравнения, эпитеты, отдельные слова и сочетания слов, то есть все, что отражает специфику, манеру и самый тон говорения.

Эти элементы вводились писателем не механически, а в соответствии с идеей и задачами произведения. Например, отрывки из сказок, с характерной для устного народного творчества спокойной ритмикой повествования, с одинаковым традиционным зачином, включаются автором в «Поединок»:

«— Во-от посылает той самый черт до того солдата самого свово главного вовшебника. Вот приходит той вовшебник и говорит: «Солдат, а солдат, я тебя зьем!» А солдат ему отвечает и говóрит: „Ни, ты меня не можешь зъестъ, так что я и сам вовшебник!“» (цитируется по изданию: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М., 1964).

Народно-поэтический колорит здесь передается специфическими обращениями, усилительной частицей *а* (*солдат, а солдат*), повторяющимися словами *вог, той, самый; отвечает и говóрит*, союзом *так что* (вместо *так как*), конструкцией с предлогом *до* (вместо *к*), отрицательной частицей *ни* (вместо *нет*). С исключительной тонкостью и наблюдательностью передаются автором и черты, типичные для русских народных говоров: усеченная форма местоимения *свово*, произношение *в* вместо *л*, *вовшебник*, «нелитературное» произношение *зьем* с *з* вместо *с*.

Сказочный колорит речи поддерживается и характерными определениями, среди которых чаще других используются слова *великий, добрый*, в значениях, принятых в народной речи: *лес у*

нас великий; великая беда, тату; Село великое на версту с половиной; вином угощу добрым и другие.

Совершенное владение писателем народным словом сказывается и в активном привлечении в тексты произведений русской песни, которую он любил и мог слушать часами.

Песня для Куприна — категория художественная, реалистическая. Количество и разнообразие привлеченных автором песен говорит и о желании писателя вывести на свет русскую песню, подчеркнуть любовь русского народа к песне.

В соответствии с содержанием Куприн включает в свои произведения то древнюю нищенскую песню «Ой, лихо мне, лихо уб-о-о-гому», то старинную народную песню в исполнении гусляра «Долина моя, долинушка, раздолье широ-о-о-о-кое»; то украинские и казацкие песни «Ой чи цвит, чи не цвит», «Ой у поли жито, копытами сбито...».

Куприн с помощью песни дорисовывает картины, оттеняет людские характеры, индивидуализирует портреты героев. Так, в ареале чаще «пьяной» песни предстает перед читателем офицер Веткин, всем невзгодам жизни противопоставивший пьяную удаль, бесшабашность... и песню. Его репертуар разнообразен: «Бы-ы-стры, как волны-ы, дни-и нашей жизни-и...»; «Бесятся кони, бренчат мундштуками...», «За поповым перелазом подрались трое разом...» и другие.

Шуточные стихи и пьяная песня с просьбой «дать на шкалик» — характерная деталь Ваньки-Встаньки («Яма»): «Бывало, задавал обеды... Бывало, захожу в „Саратов“... На шкалик дай мне, братец мой»; «Папироска, друг мой тайный...».

В речевые портреты своих героев Куприн активно включает пословицы, поговорки, среди которых много широко распространенных, передающих «весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа» (А. М. Горький). Например: «С волками жить, по-волчьи выть»; «Своя рубаха ближе к телу», но есть и редко употребляющиеся: «Яко наг, яко благ»; «Бог не выдаст, свинья не съест», и явно местные: «Наровчат — одни колышки торчат».

Зачастую пословично-поговорочные выражения как бы суммируют размышления персонажей о трудностях пройденной жизни, о призрачности доброты в условиях буржуазной действительности, о необходимости борьбы за существование, чем усиливают разоблачительную линию произведения.

Придавая речи национальный колорит, пословично-поговорочные выражения превращаются в средство индивидуализации речи представителей народа — хранителей народной мудрости.

Характерен в этом отношении речевой портрет «колдуньи» Мануйлихи («Олеся»). Подчеркнув, что Мануйлиха «пришлая в этом крае», так как «здесь не любят и не понимают хлесткой, уснащенной редкими словцами речи, которой так охотно щеголяет краснобай северянин», Куприн насыщает ее речь специфически народными оборотами, которые иногда звучат как прибаутки: «Лета-то мои немаленькие. Ногами егозит, стрекочит, сокочит — чистая сорока...»; «Прежде, может, и Мануйлихой называли. А теперь зовут зовуткой, а величают уткой...»; «Знаешь, как в пословице говорится: „Приходите к нам на завалинке посидеть, у нашего праздника звона послушать, а обедать к вам мы и сами догадаемся“. Так-то вот...».

В речи Мануйлихи много и других типично народных элементов — отрицательные конструкции (то есть ни сном, ни духом тут моей вины не было), постоянные эпитеты (...не жить нам на белом свете), характерные обращения (Никому я не ворожу теперь, касатик...).

Пословично-поговорочные выражения и другие фольклорные элементы — средство индивидуализации речевых портретов некоторых солдат. Так, в типично народных выражениях ведет свой воображаемый диалог с «подчиненными» солдат Замошников («Ночная смена»), на минуту представивший себя в роли генерала: «Хлеба много едите... очинно много: как едим, так за ушами трещить, а съедем, так в брюхе пишшить»; «Молодцы, братцы. Так и надоть. Пой песни, хоть тресни, гляди орлом, а есть не проси»; «Кто покурить, а кто и поплюить...»; «—Знаешь, брат, как нонче курят? Табачок ваш, бумажку дашь, вот и покурим». С использованием аналогичных средств передается и «воображаемый» рапорт: «По списку солдатов целая тыща. Сто человек в лазарете валяется, сто по кабакам шатается, да сто в бегах обретается... Двести по миру пошли побираться».

Вкраплены пословицы и поговорки и в речевые портреты представителей других социальных групп, например, офицеров («Поединок», «В походе»). Так, в речи Сливы сказывается долгое и повседневное общение с солдатами (хотя, как считают исследователи, видимо, и сам Слива начинал с низших чинов, так как робеет перед начальством): «Нужны вы мне, как собаке пятая нога»; «Вам медведь на ухо наступил»; «Здесь вам не балаган на святой неделе».

Здесь пословично-поговорочные выражения, в основном, выступают в функции грубых оценочных характеристик, оттеняя и внутренний облик Сливы, и его отношение к подчиненным. Речь Сливы, расцвечиваемая диалектизмами и просторечиями, дается на фоне официальной речи с характерными военными штампами

и книжными словами, что усиливает емкость изображения. Характерно для Сливы следующее предложение: «Нет-с, в прежнее время никаких личностей не было, а лупили их, скотов, как сидоровых коз».

Интересно использует Куприн традиционные элементы народной речи для создания речевого портрета японского шпиона («Штабс-капитан Рыбников»). Повторение пословиц и поговорок, которыми буквально пересыпана речь штабс-капитана, является как бы лингвистическим знаком, подчеркивающим стремление персонажа хотя бы внешне приспособиться к окружающей среде, как бы раствориться в ней: «Не было печали — черти накачали»; «Бедность... не порок, но большое свинство»; «Бог не выдаст, свинья не съест» и другие.

Частота употребления подобных выражений, боязнь отступить от принятого штампа помогает показать завуалированный внешне облик врага. Но в семантике повторяемых Рыбниковым пословиц, в их идейной направленности, мы в то же время вновь слышим бичующий голос писателя, отрицательно характеризующего «порядки» в старой армии и «действия» царского правительства в русско-японской войне, и его преклонение перед мощью русского народа, признанной даже врагами. Например: «Русский солдат привык к победам... Русский солдат — это, брат, не фунт изюму... Чудо-богатыри...»; «Православный русский воин, не считая бьет врагов...»; «...взвод казаков — лихое войско, черт его поберет...».

Несколько раз в семантике выражений отражается пассивное упование народа на божье покровительство: «Кто на войне не был, богу не маливался. Знаете?»; «Ничего не поделаешь — божья воля»; «Велик бог земли русской!».

Афишируемую персонажем манеру говорения, его чрезмерное простонародничанье автор разоблачает и с помощью разговорно-просторечных элементов: *башка трещит; в газетах наврала; дразнили японцем (называли); дерутся; ввязались*; часты в его речи просторечные эквиваленты к глаголу *пить*: *дер-р-балызнул, наклюкался, дерябнул*; упоминания о черте, характерные для устной речи. Пользуется Куприн в композиционно-стилистических целях и повтором слова. Автор повторяет слова *русский* и синонимичные с ним по контексту местоимения — *наш, мой, мы*, которые включаются во все этимологические комментарии японца: *говорит русская пословица; прекрасная русская поговорка; ...знаете известную нашу поговорку*.

Авторская ирония усиливается при употреблении определений *русский, мой* и личного местоимения *мы* в самохарактеристике Рыбникова: «...не будь я штабс-капитан Рыбников, русский солдат,

если я не люблю русских писателей»; «знаете, как мы, русские, говорим...»; «мое русское сердце болит».

Авторская ирония звучит и в постоянно повторяемых Рыбниковым вопросам к слушателям (Что? Неверно?; Что? Неправда?), нацеленных на выяснение правдоподобности своего поведения и выдающих нервное напряжение боящегося разоблачения шпиона.

Опорными моментами развенчивания вражеского разведчика в плане лингвистическом являются постоянные обращения к нему окружающих с напоминанием о национальной характеристике внешнего облика японца.

Так, при исключительной актуальности и насыщенности содержания, используя различные композиционно-стилистические приемы, А. И. Куприн достигает яркой образности повествования.

В. Н. АЙДАРОВА

ПОЧТА
«РУССКОЙ РЕЧИ»

● ДИЗАЙН, ДИЗАЙНЕР

Постоянный читатель «Русской речи» Ю. А. Куля (Кишинев) предлагает на страницах журнала почаще рассказывать о новых словах, появившихся в русском языке и сравнительно недавно зафиксированных в словарях.

Еще несколько лет назад в словарях современного русского языка не было слов *дизайн*, *дизайнер*. Если они использовались в литературе, то заключались обычно в кавычки: «Итальянские мастера и художники («дизайнеры», как их называют американцы) доводят автомобиль до совершенства с учетом современных эстетических требований...» (Н. Смеляков. Деловая Америка). Однако в последнее время эти названия стали все чаще встречаться в периодической печати, используются не только специалистами, но активно входят и в нашу повседневную речь.

Что же такое *дизайн*, кто такие *дизайнеры*?

Дизайн — это название нового специфического вида деятельности, направленного на улучшение, совершенствование окружающего нас предметного мира, на создание более гармоничного соответствия предметной среды и духовного мира человека. «Способствуя гармоничному развитию предметной среды, дизайн не только помогает созданию оптимальных условий для труда и от-

дыха людей, но и формирует новые культурные ценности и эстетические идеалы, новые взаимоотношения духовной и практической, материальной деятельности человека» («Советская культура», 10 октября 1975).

В эту сложную деятельность вовлечены сейчас художники, архитекторы, инженеры, ученые. Специалистов, занимающихся художественным конструированием, художественной разработкой, проектированием разнообразных предметов, улучшающих наш быт и производство (от детской игрушки и школьной парты до салона космического корабля), называют художниками-конструкторами, мастерами художественного проектирования. Однако все чаще параллельно используется и слово *дизайнер*: «Сейчас художников-конструкторов, или, как их еще называют, *дизайнеров*, готовят одиннадцать вузов страны» («Правда», 5 октября 1973).

Слова *дизайн*, *дизайнер* известны сейчас многим языкам. В английском языке-источнике они многозначны: «design — замысел, проект, рисунок, композиция, конструкция», «designer — проектировщик, конструктор, модельер». Распространению их в разных языках для обозначения нового вида деятельности человека по усовершенствованию окружающей предметной среды способствовало создание Международного совета организаций по художественному конструированию (ИКСИД).

В 1959 году на первой генеральной ассамблее ИКСИД, членом которого является и СССР, было принято решение в качестве международного термина принять *industrial design* (в профессиональном сокращении — *design*).

Зародившись как деятельность по художественному оформлению предметов широкого потребления, *дизайн* в последнее время проникает в различные сферы науки, производства, общественной жизни. В октябре 1975 года в Москве проходил IX конгресс ИКСИД. На нем обсуждались темы: «дизайн и наука», «дизайн и труд», «дизайн и отдых», «дизайн для детей».

Дизайн, *дизайнер* вошли в современный русский язык, зафиксированы в отдельных словарях (см. БСЭ, изд. 3-е; Новые слова и значения (Словарь-справочник), М., 1971; Орфографический словарь. М., 1974; Краткий словарь иностранных слов. М., 1974; Политехнический словарь, М., 1976). Закреплению их в языке способствовало и создание уже на русской почве однокоренных образований: «Для любой страны мира подготовка *дизайнерских* кадров во многом решает создание условий для развития и распространения дизайна... Любая наша разработка ведется... с учетом всех новейших достижений *дизайнерского искусства*» («Советская культура», 10 октября 1975).

Е. И. Голанова

Словотворчество писателей- фантастов

Новейшие произведения научной фантастики свидетельствуют о том, как активно используют писатели необычные слова, словосочетания и научно-технические термины. Словотворчество — естественный процесс в научной фантастике, где речь идет о будущем обществе или внеземных цивилизациях, где понятия должны быть свойственны иному складу мышления, не говоря уже о возможности иных способов передачи этих понятий.

Можно выделить группы слов, с помощью которых авторы обозначают различные фантастические предметы, их признаки, состояния, действия и т. д. Это могут быть фантастические животные и растения: *бородавчатники, варавусы, летающие пузыри, коралловидные деревья*; новые средства передвижения: *автодак-*

тиль, флаер; новые материалы: *сталитовая крышка контейнера, металлпластиковый пол, сибролитовое покрытие*; необычное оружие: *квантовый деструктор, квантабер*; продукты питания: *глен, умбар*; новые науки: *астрогеография, абиссалогиа*; новые профессии: *агронавт, энергосимильатор*; новые игры: *статисбол, бойк*.

Мы видим, что авторы не только привлекают бытующие в языке модели, но и формируют свои собственные: *заграв, мулт, умбар*.

Фантастические открытия или изобретения — одна из главных предпосылок словотворчества; оно особенно плодотворно, если автор (как правило, это ученый) предлагает собственные научные идеи.

Например, писатель-фантаст И. Забелин, географ по образованию, в романе «Пояс жизни» выдвигает и популяризирует идею *астрогеографии*. Новая наука связана с космосом, поэтому большинство новообразований здесь строится с помощью элемента *астро* (*аст/е/р* — греч. звезда): *астрогеограф, астрогеолог, астрозоолог, астрогеофизик*.

Довольно обширная группа создаваемых фантастами слов зачастую не требует дополнительных пояснений; словообразовательную основу их составляют уже известные языковые модели.

В большинстве случаев образование новых слов осуществляется с помощью суффиксов и префиксов, а также корней слов, бытующих в языке. Так, у И. Забелина мы встречаем новые слова *электробус, астродром, астроплан*, они не нуждаются в объяснении. У И. Варшавского встречается словосочетание *квантовый деструктор* (атомный пистолет), вторая часть которого образована от латинского *destructio* — «разрушение» с помощью распространенного в русском языке латинского суффикса *-тор*. Этот принцип словообразования очень широко применяется в советской научной фантастике.

Создавая новые слова, писатели обычно руководствуются принципом благозвучия; особенно это касается собственных имен фантастических персонажей (как правило, «положительных» инопланетян или людей далекого будущего), названий планет, механизмов и т. п.: «Аэлита» (А. Толстой), «Лоэма» (Г. Реймерс), «Уэра» (Г. Гор), «Таэма» (С. Павлов), «Суэма» (А. Днепров).

Говоря о далеком вымышленном мире, авторы намеренно идут на смешение элементов различных национальных языков, полагая, что таким образом они лучше всего смогут воссоздать атмосферу будущего общества, где люди общаются друг с другом посредством некоего синтезированного языка. Возможно, этим обстоятельством объясняется стремление некоторых авторов к англизации новообразований. Например, *таймер* (прибор, отмечающий время) — от

time [taim] — ‘время’; *флайтер* (индивидуальное транспортное средство) — от fly [flai] — ‘полет’ (англ.) и *флаер* (летательный аппарат).

Используя распространенные корневые структуры (или же их элементы), фантаст образует новые слова, сочетая их с другими элементами, уже существующими в языке, либо придуманными им самим.

Так, для фантастического наземного транспортного средства бурятский фантаст В. Митыпов в повести «Зеленое безумие Земли» придумал слово *эломобиль*: «Открытый эломобиль стремительно проскочил аллею и вырвался на край огромного поля». Ср. марку машины «олдсмобиль»; возможно, здесь прямое сокращение («электромобиль»), либо контаминация, то есть новое слово возникает путем объединения частей двух известных слов или выражений («электрический автомобиль»). У З. Юрьева в повести «Человек под копирку» наземное транспортное средство *шеворд* невольно вызывает ассоциации с марками машин «шевроле» и «форд». Элементы сочетаний, образующих названия других фантастических транспортных средств — *ракетоид*, *ионолет*, *стратоплан*, — позволяют отнести их к воздушным средствам передвижения. «— Ракетоиды, — сказал Фарг. — Мощные машины. Не ионолеты, конечно, но быстрее, чем стратопланы. Садиться могут почти везде, только очень уж неэкономичные» (В. Митыпов. Зеленое безумие Земли).

В данном случае наглядно видно, что словотворчество строится по принципу аналогии с бытующим в живом языке словом.

К распространенному в русском языке приему контаминации фантасты обращаются довольно часто. Им широко пользуется З. Юрьев в своей научно-фантастической повести «Человек под копирку». «Отцы-программисты», спроектировав огромную ЭВМ, основывают так называемую научную религию *налигию*; в соответствии с атрибутами новой религии прихожане Первой Всеобщей Научной церкви исповедуются, вознося *инлитву* — ‘информационную молитву’: ежедневно, по телефону, сообщают Священной машине о своих делах и мыслях. Пактор — ‘пастырь-инспектор’ — учит прихожан «сомневаться и побеждать свои сомнения» и готовит их «ко вступлению в лоно церкви», а герой повести, *помон* («полицейский-монах»), в задачу которого входит оказывать прихожанам помощь «на правах частных детективов», — действительно, совмещает в своем лице функции сыщика и «святого отца».

В научно-фантастической литературе существует также способ словообразования путем переосмысления известных слов, которым придают значение, раскрывающееся в тексте прямо или опосредованно. Это так называемые семантические неологизмы.

Например, слово *инверсия* (в обычном значении «перестановка слов или словосочетаний») И. Варшавский в рассказе «Тревожных симптомов нет» употребляет в значении «духовное обновление организма», при этом автор достаточно подробно описывает и разъясняет этот новый метод омолаживания. Словом *аквамарин* (в обычном значении — «драгоценный камень зеленовато-голубого цвета») В. Митыпов называет «зеленоватую жидкость со слабым запахом свежих водорослей»; фантастическое значение этого слова становится понятно только из контекста произведения. З. Юрьев применяет слово *реостат* (прибор для регулирования силы тока и его напряжения) в значении «наземное транспортное средство», не давая при этом каких-либо подробных объяснений.

Нередко фантасты образуют новые слова с помощью усеченных форм существующих слов (зачастую иностранного происхождения), иногда наращивая их новообразованными элементами. Фантастическое значение таких слов может при этом совсем не совпадать с реальным, может совпадать полностью, либо сохранять с ним сходство по каким-то отдельным признакам. Так, героиня повести Ольги Ларионовой «Леопард с вершины Килиманджаро» появляется в черном *трике*, «который обтягивал ее всю от кончиков пальцев до подбородка». Несомненно сходство новообразования с одним из реальных значений слова *трико* «трикотажный костюм (для цирка, спорта), плотно облегающий тело». Правда, *трик* — одежда более универсальная; у слова появляется еще одно, фантастическое значение, которое сразу же оговаривается автором: «...*трик* специального назначения поддерживал необходимую температуру, и в нем можно было разгуливать и на полюсе холода».

Чудовища *сильфии* населяют обживаемую людьми планету в рассказе И. Варшавского «Лентяй». Как и *сильфы*, или *сильфиды* (скорее всего, именно это слово писатель взял за основу, причем сразу оба реальных его значения), *сильфии* — таинственные существа, похожие на гигантских хищных жуков (ср. фр. *silphe*, *silphide*), — 1) у алхимиков — «духи воздуха», 2) в зоологии — «семейство из отряда жуков, питаются трупами»: «Рустану не раз приходилось слышать о *сильфии*, но видел он ее впервые. Она выскочила из бокового прохода со скоростью экспресса. Метровое золотистое яйцо на шести волосатых ногах-тумбах. Еще мгновение, и перед его глазами мелькнула оскаленная пасть на длинной змееподобной шее».

Возникающие у читателя ассоциации нередко подкрепляются авторскими пояснениями, контекстом, либо подтекстом. Так, слово *бальсанч*, подкрепленное авторским пояснением («песчаная буря на Марсе»), можно ассоциировать со словом *смерч*, принимая во

внимание данную тут же характеристику этого фантастического природного явления: «Во время *бальсанча* небо смешивается с землей, становится сразу темно, как ночью... Поднимаются тучи песка... Огромные обломки скал летают легко, словно перышки...» (Михановский. Шаги в бесконечность).

Когда ни принципы словообразования, ни текст, ни подтекст не проясняют читателю смысла нового слова, оно, как правило, обязательно разъясняется — в примечаниях либо в сносках. При этом читатель воспринимает новообразование как бы в переводе с другого языка, в данном случае — с фантастического.

Например, зная английский язык, слово *ридер* без объяснения можно понять однозначно: *reader* (англ.) — «читатель»; в романе А. и Б. Стругацких «Возвращение» это слово использовано в несколько ином значении — «читатель... мыслей». Поэтому авторы истолковывают новый смысл с помощью сноски: *Ридер* — «человек, способный непосредственно воспринимать и расшифровывать чужие мысли» (фантастич.).

В повести С. Павлова «Океанавты» упоминается слово *квантабер* («Вспомнив совет Болла, снял со стенда квантабер»), — означающее, по-видимому, некое фантастическое подводное оружие, поскольку тут же следует: «Конечно, из этой штуковины можно вдребезги разнести любого кальмара, но плавать с ней неудобно...».

Иногда фантаст придумывает одно новое слово, объясняющее совершенно необычайное научное или общественное явление, какой-нибудь фантастический механизм, и это слово становится как бы стержнем произведения. Таким, например, в рассказе С. Гансовского «День гнева» является слово *отарки* как новая порода высокоинтеллектуальных людоедов, полученная учеными от медведей в результате направленных мутаций. Весь сюжет, вся глубина человеческих переживаний построены здесь на одном придуманном слове.

Итак, «фантастическое» словотворчество — художественный прием, позволяющий прежде всего передать необычную атмосферу, — неважно, отражает ли автор события, происходящие сегодня, переносит нас в будущее или воссоздает прошлое. Специфическое словотворчество писателя-фантаста — объективный процесс насыщения языка определенными символами, связанными с развитием человеческого общества. Проникновение научных представлений в художественную литературу в наши дни характерно вообще для всех жанров, но по причинам, указанным выше, в научной фантастике это проявляется особенно отчетливо и ярко.

Кандидат филологических наук
А. И. МИРЛИС

Русское литературное
произношение

ПРОИЗНОШЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ИМЕН И ФАМИЛИЙ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Собственные имена иноязычного происхождения (имена и фамилии, реже названия городов и стран) имеют иногда некоторые произносительные особенности. Одно из них заключается в возможном сохранении гласной [о] в предударном слоге: Б[о]длёр. Фл[о]бёр, З[о]ля, В[о]льтёр, М[о]рис Т[о]рész, Пальмир[о] Т[о]льятти, Д[о]дэ, Д[о]лорес Ибаррури, [онорэ-дэ] Бальзак (Оноре де Бальзак), Р[о]дэн, Ш[о]пэн, Ш[о]ссон, Ж[о]рész, Ш[о]та Руставели, Г[о]гэн, Клодт М[о]нэ (есть также художник Манэ; их имена в академическом, «высоком» стиле различаются в произношении), [го]мёр (Гомер). Эта особенность не выдерживается систематически, так как она выходит за пределы действующей закономерности современного русского литературного языка — произносить [а], а не [о] в первом предударном слоге и [ъ] — во втором (ср. [вада́], [въдаво́с]). В наших примерах — имена зарубежных писателей, художников, музыкантов, философов, политических деятелей. Чем ближе они «освоены» нами, чем ближе известны нам и популярнее среди советских людей, тем чаще можно ожидать в безударном слоге вместо [о] звук [а].

Тольятти не только фамилия выдающегося деятеля коммунистического и международного рабочего движения, но и название волжского города, где расположен гигант автомобильного производства. И трудно ожидать, чтобы его жители и те, кто как-то связан с этим городом или даже просто читает о нем в газетах, произносили имя Тольятти и название города на иностранный лад. Обычное произношение: [тал'ját'и]. *Морис Торész* — другой выдающийся

политический деятель, но это имя носит и Московский Институт иностранных языков. И конечно, в повседневной жизни, особенно молодежь, не произносит безударного [о], который противоречит системе современного русского литературного произношения, а произносит [ма]ри́с [та́рс].

Студенты, изучающие зарубежную литературу, искусство или музыку, произносят З[а]ля́, Б[а]дле́р, В[а]льте́р, Р[а]дэ́н, Ш[а]пэ́н и т. д. Однако в высоком стиле, в лекции, публичном выступлении, в речи дикторов радио и телевидения, в речи специалистов в области соответствующих наук, искусства, предпочтительно сохранение звука [о] в безударных слогах иноязычных имен и фамилий. В ряде случаев сохраняется заударный гласный [о] (в особенности после гласных): Анто́ни[о], Си́лви[о], Фиде́ли[о], Бильба́[о], Фидель Ка́стр[о], Дж[о]рдáн[о] Бру́н[о].

Отметим, что иноязычные имена и фамилии часто произносятся без редукции безударных гласных, то есть в соответствии с написанием: [катаја́ма], [караманл'и́с], [рафаа́л'], [джавахарла́л нэ́ру], [осва́л'до дортико́с], [к'э́нтэ́рбэ́р'и], [стэ́панак'э́рт], [сэ́рва́нтэ́с] (Катаяма, Караманлис, Рафаэль, Джавахарлал Неру, Освальдо Дортикос, Кентербери, Степанакерт, Сервантес).

Важную особенность в произношении иностранных собственных имен представляет твердость согласных, парных по твердости / мягкости. Приведем примеры по отдельным группам согласных.

После губных: Гуто́ Ка[пэ́т], [пэ́р]-Лаше́з (Пер-Лашез), Шо- [пэ́н], [вэ́бстэ́р] (Вебстер), [спэ́нсэ́р] (Спенсер); [бэ́]лла (Белла), [бэ́]рта, Иза[бэ́]лла, [бэ́рн] (Берн); Гер[мэ́с], Кар[мэ́н], [мэ́р'имэ́] (Мериме), Го[мэ́р], [мэ́тна́р] (Метнер), [мэ́дэ́]я (Медя), Ро[мэ́н] Ролла́н; Ра[вэ́л'], [вэ́бэ́р] (Вебер), А[вэ́]ста, [вэ́й]мар (Веймар).

После зубных: Воль[тэ́р], С[тэ́рн], Пас[тэ́р], Гэ́[тэ], О[тэ́]лло, Гро́[тэ]воль, Вильгельм [тэ́л'] (Тель), Шарль [дэ́-костэ́р] (де Костер), С[тэ́]ндаль, Альфо́нс [додэ́] (Доде), [дэ́]ка́рт (Декарт), Мирза́ За[дэ́], [родэ́н] (Роден), Ро[дэ́]зия, [дэ́]лактуа́ (Делактуа), [дэ́]га́ (Дега), Гэ́н[дэ́л'], Мар[сэ́л'], Гоб[сэ́к], [сэ́]пир (Сепир), Ай[сэ́]дбра, [сэ́н]-Са́нс (Сен-Санс), Би[зэ́], Анна [зэ́]герс (Зегерс), [прэ́]во́ (Прево), Ква[рэ́]нги, [рэ́]нуа́р (Ренуар), Макс [рэ́]гер (Регер), [рэ́]генсбу́рг (Регенсбург), [рэ́зэ́]рфорд (Резерфорд), [рэ́йп] (Рейн), Лариса [рэ́йснэ́р] (Рейснер), [рэ́]рих (Рерих), [рэ́]мбрандт (Рембрандт), [нэ́ру] (Неру), Э́р[нэ́]ст (Эрнест), Индо[нэ́]зия, [ней]гау́з (Нейгауз), [нэ́т:э́] (Нетте), Ва́г[нэ́р], Бру́к- [нэ́р].

В собственных именах иноязычного происхождения могут быть сочетания, не свойственные исконно русским, например *дз*, *дж*: [дз']и́га Ве́ртов (Дзига), [дз'у́]ба (Дзюба), [дз']ержи́нский (поль-

ский и белорусский вариант, русский вариант — *Держинский*); [джэк] (Джек), джон (джон), [дж'ул'jét]а (Джульетта), [джэ]-ральд (Джеральд), [дж]афáр (Джафар). Эти сочетания произносятся как [жж] (например, в слове *подждал*) или как аффриката [ʒ] ((дж)). В некоторых случаях в собственных именах иноязычного происхождения могут произноситься и другие звуки, не встречающиеся в своих исконных. Так, мягкое [ж] может произноситься в именах *Жюль, Жюльен* — [ж'үл'], [ж'үл'jén], мягкое [ш] — *Шюц, Шёнберг*; мягкое [ц] — *Коцюбинский* (Ко[ц'у]бйнский), *Цюрих* — [ц'ү]рих произносится полумягкое [ц] и [ү] — без «скольжения» от [и] к [у], как в исконно русском слове *тюря* — [т'үр'я], так же произносится *кю* в *Жюлио Кюри* [к'үр'и]. Без «скольжения» от [и] к [о] произносятся имена *Гёте, Гётинген, Гётеборг* — [г'ötэ], [г'öt]инген, [г'ötэ]борг.

В отдельных случаях в собственных именах иноязычного происхождения перед [е] произносится средний, «европейский» [l]. Как известно, в русском языке имеется звук [л] — *лампа, луч* — велярный, произносимый при поднятии задней части спинки языка, и [л'] — *палатализованный (мягкий)*, произносимый при продвинутой вперед высоко и поднятой передней и средней части спинки языка, — *лёг, лок*. Средний, «европейский» [l] воспринимается как звук, средний между русским велярным [л] и палатализованным [л']. Такое произношение (на месте твердого [л]) встречается в некоторых диалектах. В русском литературном языке [l] отмечено в некоторых иноязычных собственных именах: [пá-дэ-калэ] (*Па-де-Кале*), Бод[lép], Раб[lé], Капу[le]тти, [валер'й ж'искáр дэстэн] (*Валери Жискар д'Эстен*; отметим здесь возможность произношения мягкого [ж]). Перед *я* в иноязычных собственных именах произносится обычно [л']: Зо[л'á]; перед *о, а, у* чаще всего, как и в русских словах, — [л]: [ла]ндáу (*Ландау*), [ло]зánна (*Лозанна*), [луйджы лонго] (*Луиджи Лонго*), [лáго-маджбрэ] (*Лаго-Маджоре*). Впрочем, в отдельных случаях возможно и произношение «среднего» [l]: [ла]грáнж (*Лагранж*), [ланжэ-вэн] (*Ланжевен*), [дэлакруа] (*Делакруа*); название оперы *Делиба «Лакме»* предпочтительно произносить с [l]: [лакмэ].

Отметим еще одну особенность в произношении отдельных собственных имен иноязычного (немецкого) происхождения: произношение мягкого [х] после [и] [вэл'тэр үл'бр'их'т], *Святослав* [р'йх'тэр]. Впрочем, в конце слова чаще произносится [х]: [үл'р'их'] и [үл'р'их] (*Ульрих*).

Р. И. АВАНЕСОВ,

член-корреспондент АН СССР,
профессор Московского университета

«СВОЕ»
И
«ЧУЖОЕ»

●

О заимствованной
лексики
и роли
синонимии

Как-то в одной из московских кондитерских на улице Горького состоялся такой интересный диалог:

— Пожалуйста, мне все десять — *меренги*, — сказала покупательница.

— И модничают все зачем-то! *Меренги*. Ну, зачем, когда есть свое, хорошее русское слово — *би-и-изе*? — прогудел, словно ни к кому не обращаясь, но достаточно громко, с искренним возмущением чей-то бас.

Безе (так правильно пишется это слово, в старой орфографии *безэ*) и *меренга* — оба наименования заимствованы из французского языка. Между тем, одно из них воспринимается как чужое, а другое считают своим, русским словом. Сначала обратимся к истории самих слов *безе* и *меренга* (лексический материал к слову *безе*, приводимый в дальнейшем, почерпнут мною из Словарной картотеки Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР).

Было время, когда французское слово *baiser* в русском языке означало не только 'легкое воздушное пирожное из взбитых с сахаром яичных белков', но и сохраняло свое «французское» значение — 'поцелуй'. Это была пора распространения в России французского языка и моды на французские слова в языковом обиходе дворян и в подражавших им разных сословиях горожан. Так или иначе, французское *baiser* 'поцелуй' оказывалось довольно частым синонимом к русскому слову *поцелуй* в жеманно-претенциозной или шутливой речи.

Этот период в жизни слова *безе* увековечен на страницах нашей классической литературы. «Саша кончил тем, что вlepил мне *безе* в самые уста» — это из Салтыкова-Щедрина. Фраза взята из сатирического цикла «Круглый год», написанного в 1879 году. А еще раньше в речь незабываемого гоголевского Ноздрева вошла уже и русская форма французского заимствования — *безешка*: «Позволь, душа, я тебе вlepлю один *безе*... Да, Чичиков, уж ты не противься, одну *безешку* позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою!».

Однако *безе*, особенно в форме *безешка*, имеет в русском языке явно иронично-шутливую окраску. Над ним как бы тяготеет конкретное предметное представление ‘воздушное пирожное’: «...Очень пышные с виду, но совершенно вздорные и пустые внутри пирожные — один человеческий выдох в *безе*» (В. Л. Лидин. Отступник). Именно это значение укрепилось в русском языке второй половины XIX века — ‘пирожное’ — в ряду многочисленных «французских кулинарных» наименований; существовало и переносное употребление — ‘нечто легкое, сладкое, пустяковое’. В одной из сцен-объяснений Ларисы и Паратова из «Бесприданницы» А. Н. Островского запечатлено ироничное осмысление *безе*. О любви без слез Паратов говорит: «Только это какое-то кондитерское пирожное выходит, какое-то *безе*».

Насколько слово *безе* было связано с реальией *пирожное* и насколько оно было освоено русским языком, свидетельствует такая любопытная запись, сделанная Д. В. Григоровичем в путевых очерках «Корабль Ретвизан» (1859—1863): «С водою (в Испании) подают обыкновенно *zucarillos* — куски очищенной, отверделой сахарной пены, весьма похожие на наши кондитерские *безе*» (разрядка моя. — А. Б.). Французское слово *baiser* ‘поцелуй’ в значении ‘воздушное пирожное’ становится русским словом. В таком значении оно зафиксировано русскими толковыми словарями, начиная со словаря И. Ф. Бурдона и А. Д. Михельсона «30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1866). В двуязычном же русско-французском словаре русскому *безе* ‘пирожное’ соответствует французское слово *meringue* (см., например: «Русско-французский словарь», составили Л. В. Щерба и М. И. Матусевич). *Meringue* значит ‘белки, взбитые до состояния снега — снегообразные — и испеченные в духовке’, в общем то же, что и *безе*. «Словарь

французского языка» П. Робера (Paris, 1959) сообщает, что это, «кондитерское» наименование появилось в 1737 году, но его происхождение остается неизвестным. *Меринга*, и в более новом написании, отражающем французское произношение слова, — *меренга*, существовало в русском языке параллельно наименованию *безе* и отмечено теми же словарями, что и слово *безе* (*безэ*). Однако у «кулинарно-кондитерского» названия *безе* была открыта внутренняя форма — ‘поцелуй’, название, которое родилось на русской почве. Все это позволяло различные переосмысления, сравнения, сопоставления.

Другое название, родившееся в чужом языке, — *меренга* — было «закрытым» условным знаком «вещи». Оно не поддавалось переосмыслениям, хотя грамматически слово *meringue* подчинилось системе русского языка — склоняется по падежам, изменяется по числам (*меренга* — *меренги*...; *меренги* — *меренг*...), а *безе* осталось неизменяемым именем существительным. Для ассимиляции — усвоения заимствованного слова, как мы могли убедиться, важно в первую очередь семантическое включение в систему чужого языка. В современном русском языке и *меренга* и *безе* — кондитерские наименования, но былая жизнь слова *безе*, пройденный путь от стилистически окрашенного синонима *поцелуй* — *безе* ‘поцелуй кокетливый, воздушный, иронично-шутливый’ к названию *безе* ‘воздушное пирожное’ и переносные метафорические сопоставления — ‘нечто легкое, сладкое или сладостное, пустое’ сделал это несклоняемое и неизменяемое слово — своим.

Формальное усвоение (фонетическое, грамматическое) не всегда оказывается существенным. Нельзя забывать и о контекстном выражении грамматических категорий (*воздушное* пирожное — *воздушное* *безе*). Можно сказать, что заимствующий язык не просто, не пассивно усваивает нужное слово, а, захватив подходящий лексический материал, придает ему свою форму, свое содержание — как бы «вновь его создает» (А. Доза. История французского языка. М., 1956).

Жизнь заимствованных слов на первый взгляд полна неожиданностей, но при более пристальном внимании — неожиданностей, обусловленных потребностями общества и особенностями новой языковой среды.

Остановимся еще на одной паре слов — *бокал* и *тост* — и их сочетаниях — *поднять бокал, выпить бокал, произнести тост*. Слово *бокал* заимствовано в Петровскую эпоху из немецкого — *rokal*, поэтому первоначальная форма — *покал* (Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910). В XVIII веке под влиянием французского закрепляется форма *бокал*: франц. — *bocal*, итальянск. — *boccale* из средне-латинского *baucalis* (Н. М. Шанский. Этимологический словарь русского языка. М., 1965). *Тост* — английское слово — заимствовано через немецкий *Toast* или французский *toste* в значении ‘короткая застольная речь с пожеланием чего-либо доброго’, ‘предложение выпить вина в честь кого-либо’. Английское *toast* происходит от латинского *panis tostus* ‘поджаренный хлеб’ в результате сложившегося обычая ставить стакан и класть ломоть поджаренного хлеба перед человеком, который должен был выступить с речью (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка).

В широком языковом обиходе произошло сближение и скрещение выражений *поднять бокал, выпить бокал — произнести тост*. Неясное *тост* уподобляется семантически прозрачному, конкретно-наглядному *бокал*. Когда-то ситуативное осмысление словосочетания *panis tostus* дало в английском языке сокращение (включение смысла словосочетания в одно слово): из ‘поджаренный хлеб’ — ‘поджаренный’ — *toast* с дальнейшим осмыслением *toast* — ‘застольная речь’. В русском языке то же сближение дает контекстную разговорную синонимизацию сочетаний *поднять бокал — поднять тост, пить, выпить бокал — пить, выпить тост*. Например: *поднять тост* в речи дяди-профессора из пьесы Андрея Кутерницкого «Еще не вечер»; см. также «Словарь современного русского литературного языка» — *пить, выпить тост* за кого-либо; *поднять тост* за кого, что: «За обедом первый тост пили за здоровье его превосходительства» (Герцен. Записки одного молодого человека); «[Мозговой:] Господа, предлагаю выпить тост за новобрачных!» (Чехов. Свадьба); «Едва Али поднял тост за мать, за хозяйку, как большая деревянная чаша с бузой... пошла от одного пирующего к другому» (Либединский. Зарево).

Как видим, эти разговорные выражения фиксируются в художественной литературе. Так скрещение чужих слов *бокал — тост* дает, казалось бы, невозможные их осмысле-

ние и синонимизацию с позиции первоначального значения, но возможные в условиях жизни другого народа. Однако в литературном языке, где сохраняется первоначальное значение *тост* 'застольная речь', такие сочетания все же не являются нормой.

Интересны в этом отношении, хотя и беглые, сопоставления русского и греческого языков: «На грузовиках написано *метафора* — по-гречески это значит *транспорт*. Газеты называются *эфмеридами*, меню в ресторане *каталогом*, письма — *эпистолами*. Знакомого врача зовут *Демосфеном*, агента авиационной компании — *Аполлоном*, горничную в гостинице — *Терпсихорой*» (И. Эренбург. Путевые заметки). Русскому языку известны слова и *метафора*, и *каталог*, и *эфмерида*. Но их значения иные: *метафора* — термин 'перенос', то есть употребление слов в переносном смысле на основании аналогии или сходства предметов; *эпистола* — 'литературное произведение в форме письма', 'письмо', оба значения уже устарели; *эфмерида* — термин в биологии 'крылатое насекомое — однодневка' и в астрономии — только во множественном числе — 'таблицы, указывающие положение небесных тел на определенные дни месяца и года'. Значение слова *эфмерида* 'дневник', заимствованного из греческого языка, в русском языке получило развитие в одном осмыслении — *однодневный, кратковременный, недолговечный, мимолетный, эфмерный*. Собственные имена *Аполлон* и *Терпсихора* означают античных бога поэзии и музыки и музу танца и пения, *Демосфен* — античный философ.

Так русский язык по-своему распоряжается чужими словами, заимствуя слово в определенном значении, дает впоследствии свое осмысление, свою форму: из «бесформенного» для русского языка «лексического материала» как бы заново создаются уже свои слова. Вот почему весьма удачным представляется название курса А. И. Соболевского «Русские заимствованные слова» (литографированный курс) — заимствованные, но ставшие русскими. Активной роли заимствующего языка в более позднее время посвятил одно из своих разысканий Л. П. Якубинский (Несколько замечаний о словарном заимствовании. — «Язык и литература». Т. 1, вып. 1—2. Л., 1926). Но пока заимствованное слово не нашло своего места в системе русского языка, оно выделяется в потоке чуждой ему речи и вызывает вполне определенные чувства — либо «за», либо «против» этого слова.

В прошлом веке споры вокруг заимствованных слов возникали между западниками и славянофилами. А. С. Пушкин — отец русского литературного языка — выразил свое отношение к заимствованным — «иноплеменным» — словам и к поборникам «чистоты» русского языка достаточно категорично:

... панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, вижюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо меньше б мог
Иноплеменными словами...

Эти строки продиктованы ситуацией, связанной с туалетом Евгения Онегина.

А вот Татьяна в высшем свете:

Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

Оправдывая «иноплеменные» слова, Пушкин делает чрезвычайно примечательную оговорку: «не знаю, как перевести». Следовательно, в язык должно войти то, что необходимо для выражения мысли, чему нет замены в родном языке, нет соответствующего эквивалента. Пусть сейчас некоторые из слов, существенных в обиходе пушкинской поры (*du comme il faut* — ‘как нужно’ франц.), ушли или почти ушли из современного языка. Это только подчеркивает социальную обусловленность языка вообще, его временную изменчивость.

А. А. БРАГИНА

КАК ОБРАЗОВАТЬ ОТЧЕСТВО

В нашей стране каждый день рождаются новые граждане, и каждый день работники загсов занимаются словотворчеством — образуют отчества от имен отцов. Этот процесс, разумеется, не очень труден, если отец носит широко распространенное

имя — русское или даже иноязычное: Михаил, Петр, Вильгельм, Альберт и т. д. Однако у сотрудников загсов часто встречаются трудности, когда требуется образовать отчество от редкого имени.

Изданный в 1965 году «Справочник личных имен народов РСФСР» рассматривает все случаи образования отчеств от русских имен и имен народов РСФСР. Однако в нашем многонациональном государстве при широко распространенном обычае звать человека по имени и отчеству нередко приходится образовывать отчества от имен народов СССР: грузинских, узбекских, молдавских, эстонских и т. п.; иноязычных имен, склоняемых и несклоняемых; имен, являющихся по происхождению уменьшительными от русских (Дима, Миша, Саша). Подобные имена не рассматриваются в приложении справочника, и потому узнать правила образования отчеств от них практически негде.

В этой статье дана попытка показать современные закономерности в образовании отчеств по русскому образцу от различных имен, как русских, так и нерусских. Много имен, которые мы называем русскими, заимствованы в различные эпохи из других языков. Со временем они были освоены русским языком и стали осознаваться как русские.

Отчества в русском языке образуются от русских и иноязычных имен с помощью суффиксов *-ович — -овн-а, -евич — -евн-а, -ич — -ичн-а, -ич — -ичн-а*.

-ОВИЧ — -ОВН-А

1. Отчества образуются от склоняемых имен, имеющих основу на твердый согласный и нулевое окончание в именительном падеже: Иван — Иванович, Ивановна; Петр — Петрович, Петровна; Трофим — Трофимович, Трофимовна; Ахмет — Ахметович, Ахметовна; Джалав — Джалавович, Джалавовна; Том — Томович, Томовна; исключение: Яков — Яковлевич, Яковлевна; окончание *о* в именительном падеже (славянские склоняемые имена): Измайло — Измайлович, Измайловна; Михайло — Михайлович, Михайловна; неударное окончание *а* в именительном падеже: Гаврила — Гаврилович, Гавриловна; Дима — Димович, Димовна; Лёва — Лёвович, Лёвовна; Бура — Бурович, Буровна.

Имена, являющиеся по происхождению уменьшительными от полных русских имен, но зафиксированные в документах в качестве личных официальных (например, у народов Севера: Дима Васильевич Петров, Толя Иванович Комаров), признаются полными именами. Отчества от таких имен образуются с помо-

щью суффиксов *-ович — -овн-а* или *-евич — -евн-а*, то есть по продуктивным моделям образования отчеств.

От русских полных имен, оканчивающихся на безударное *а*, разрешается образование отчества с помощью суффикса *-ич — -ичн-а*: Вавила — Вавилович, Вавиловна и Вавилич, Вавилична; Иона — Ионович, Ионовна и Ионич, Ионична; Никита — Никитович, Никитовна и Никитич, Никитична; Савва — Саввович, Саввовна и Саввич, Саввична; Фока — Фокович, Фоковна и Фокич, Фокична.

Существующее правило об образовании отчеств с суффиксом *-ич — -ичн-а* от имен, оканчивающихся на безударный *а*, вероятно, требует пересмотра. Если раньше количество таких имен было ограничено и легко прослеживалась закономерность образования от них отчеств с суффиксом *-ич — -ичн-а*, то в настоящее время список имен на безударный *а* увеличивается. Однако отчества от них образуются с помощью суффиксов *-ович — -овн-а*, а не с помощью суффиксов *-ич — -ичн-а*. Так, закономерно образованные отчества *Гаврил-ович, Гаврил-овн-а, Данил-ович, Данил-овн-а* от имен на твердый согласный (Гавриил, Гаврил, Даниил, Данил) противоречат правилу образования отчеств, если образованы от современных имен Гаврила, Данила. По правилам здесь «полагалось» бы иметь отчества *Гаврилич, Гаврилична, Данилич, Данилична*. Кроме того, практика образования отчеств от нерусских имен на безударный *а* показывает, что суффиксы *-ич — -ичн-а* непродуктивны.

2. Отчества образуются от несклоняемых имен, основа которых оканчивается на безударное *о*: Отто — Оттович, Оттовна; Ромео — Ромеович, Ромеовна. На стыке основы, оканчивающейся на *о*, и суффиксов *-ович — -овн-а* одно *о* опускается: Оттовна (не Оттоовна).

-ЕВИЧ — -ЕВН-А

С этим суффиксом образуются отчества:

1. От склоняемых имен, имеющих основу на мягкий согласный (в том числе *и*), шипящие (*ж, ш, ц, ч*), *ц* и нулевое окончание в именительном падеже: Игорь — Игоревич, Игоревна; Матвей — Матвеевич, Матвеевна; Помпей — Помпеевич, Помпеевна; Эмиль — Эмилевич, Эмилевна; Жорж — Жоржевич, Жоржевна; Франц — Францевич, Францевна (при образовании отчеств от имен, оканчивающихся на *ий* и имеющих два или несколько слогов, возможна замена *и* на *ь*: Юрий — Юрьевич, Юрьевна; Василий — Васильевич, Васильевна);

окончание *я* (*а*) в именительном падеже (в именах, являющихся уменьшительными от русских): Митя — Митевич, Митевна; Сережа — Сережевич, Сережевна.

2. От несклоняемых имен, основа которых оканчивается на *е, и, у, ы*: Вилье — Вильеевич, Вильеевна; Карне — Карнеевич, Карнеевна; Мешади — Мешадиевич, Мешадиевна; Илмари — Илмариевич, Илмариевна; Бату — Батуевич, Батуевна; Данку — Данкуевич, Данкуевна; Амангельды — Амангельдыевич, Амангельдыевна (на стыке основы, оканчивающейся на *е, и* и суффикса *-евич* — *-евн-а* возможно опущение одной буквы *е*: Карне — Карнеевич, Карнеевна и Карневич, Карневна).

3. От несклоняемых имен, основа которых оканчивается на ударные *а, о*: Дада — Дадаевич, Дадаевна; Муса — Мусаевич, Мусаевна; Адло — Адлоевич, Адлоевна.

4. От несклоняемых имен, оканчивающихся на две одинаковые гласные: Кустаа — Кустаевич, Кустаевна; Бурбоээ — Бурбоевич, Бурбоэевна (одна гласная опускается).

-ИЧ — -ИНИЧН-А

Образуются отчества при помощи *-ич* — *-ичн-а* от полных русских имен, оканчивающихся в именительном падеже на ударное *а* (*я*): Кузьма — Кузьмич, Кузьминична; Лука — Лукич, Лукинична; Памва — Памвич, Памвинична; Фома — Фомич, Фоминична; Илья — Ильич, Ильинична.

Может быть, эти предложения помогут родителям и работникам загсов правильно образовать отчество от имени отца. Родители, согласно существующим законам и традициям, имеют право образовать отчество по правилам языка той национальности, к которой оба родителя или один из них принадлежат.

Органам загсов разрешено также присоединять к личному имени ребенка полное неизмененное имя отца, если по каким-либо причинам (неблагозвучие, курьезное звучание и под.) родители не хотят записывать отчество по русскому типу образования.

Н. В. СОЛОВЬЕВ
Ленинград

Новообразования в журнале «КРОКОДИЛ»

На страницах газет и журналов можно встретить индивидуально-авторские неологизмы, или, как их называют лингвисты, окказионализмы, выполняющие определенные стилистические функции. Окказионализм, в отличие от неологизма, — это слово, употребленное говорящим или пишущим для данного случая, один раз. Оно создается с целью обычного сообщения или с целью художественной. С течением времени отдельные окказиональные образования могут входить в активное употребление и становиться обычными словами, например *отсебятина*, *прозаседавшиися* и другие. Такие новообразования нельзя резко противопоставлять общеупотребительным словам, тем более что все они созданы по законам русского языка, по той или иной словообразовательной модели.

• В журнале «Крокодил» индивидуально-авторские неологизмы употребляются с художественной целью, и их функции обусловлены сатирико-юмористической направленностью журнала. Мы рассмотрим лишь сложение — один из продуктивных способов словообразования в современном русском языке. Не случайно и среди окказионализмов довольно много слов, образованных таким способом. Стилистическое употребление этих новообразований основано на соотношении их со словами, уже имеющимися в языке, и чаще всего они встречаются в именах существительных и прилагательных. Например, имена существительные: *ословыпад* («Крокодил», 1971, № 11), *бане-единица* (1966, № 36), *осьмирук* (1973, № 27) и другие; имена прилагательные: *скверно-модельная* обувь (1971, № 35); *показательно-неприкасаемый* квартирный мирок (1972, № 22).

Объединение в одном сложном слове семантически далеких, логически трудносоевместимых лексических единиц создает экспрессию, которая выполняет те или иные стилистические функции. Экспрессия может усиливаться, если в окказиональном образовании объединены слова разных стилистических пластов.

«Все гидронавыки этого мужчины ограничиваются умением отличать воду от водки» (Р. Берковский. Совхозные призраки.—1972, № 17); «Но стоит во дворе пискнуть микрособаке! Страшен становится обыватель!» (А. Моралевич. Животные в городе.—1971, № 19). Слово *микрособака* оказалось возможным не только потому, что в русском языке есть такая словообразовательная модель, например, *микроренка*, но и потому, что в последние годы на страницах газет и журналов появилось много сложных слов с начальным *микро*, обозначающих новые явления,

предметы нашей действительности: *микроклимат, микромир, микромодуль, микропартия, микротелевизор, микрофильм* (см. словарь-справочник «Новые слова и значения» под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971).

Сложное слово-окказионализм может возникнуть как итог предварительных рассуждений автора, по ассоциации с этими рассуждениями. В таком случае окказионализм может нести на себе сатирическую нагрузку: «Эфир уже давно поделен, как *пирог*. Каждой радиостанции, каждому телепередатчику предложен свой кусочек — на, мол, кушай и не мешай другим. Другое дело войска НАТО — они бесцеремонно вонзают нож в любое приглянувшееся им местечко *радиопирога*» (И. Мельников, Л. Лукьянов. В эфире — танки. — 1971, № 14).

Определенный стилистический эффект достигается тог-

да, когда несколько окказионализмов имеют в своем составе один и тот же корень. Именно на этом основан юмор стихотворения Андрея Внукова «Самобыт» (1971, № 25) в котором новообразования созданы по модели *само* + отглагольное существительное. При этом образованные слова имеют один и тот же суффикс, который усиливает стилистический эффект от их употребления.

Нету химчистки? И вовсе не надо!
Просто берите химчистку вы на д.м,
Тут вы и мастер и администрация —
Не перепутайте лишь операции...
Начали!.. Пуговиц *самоотжуживаниз...*
Самозамачивание...

Самозысушивание...

Саморазглаживание...

Самоутюживание...

Комический эффект производят такие сложные окказионализмы, в которых один из компонентов слова-образца заменяется на формально близкий: *Новобрючные* — подпись к рис. И. Соколова (1972, № 7); *Мокрорайон* — подпись к рис. Е. Ведерникова (1971, № 16); *Вдолгожитель* (1972, № 22); *Трутодень* (1973, № 27). Сложные окказиональные образования могут наблюдаться у компонентов фразеологических единиц: *Двуликий киноянус* (1960, № 15); *Гипрогордеев узел* (1960, № 17). Реже среди окказионализмов встречаются сложносуффиксальные образования — *ведроприкладство, сундуковладелец*: «„Я отрекаюсь от престола. Я сама совершаю революцию“. Она устремляется по адресу, оставленному ей *вечномерзлотником*» (Э. Абрамов. Склеротик, закрой ротик! — 1971, № 16).

В журнале «Крокодил» встречаются и сложносокращенные слова-окказионализмы. Авторы употребляют такие сокращения как одно из средств создания сатиры или юмора: «Чтобы умы не мучились, мы можем подбросить им одну оригинальную идейку, сокращенно нами названную „ОУК“. Полностью — „оптимизация унылых коммюнике“» (М. Виленский. Кусочек радости.—1975, № 4); «Правление *Банка Откровенной Бесхозяйственности*, именуемого в дальнейшем БОБ» (Мануил Семенов. Приручение бюрократизма.— 1976, № 3).

Можно отметить новообразования среди сложносокращенных слов, которые пародируют этот способ образования: «... Люди по сей день, в сущности, ничего не знают о ТАИТЕ, не говоря уже о нашем УЖАСе.

Тут я не выдержал.

— Извините, что встречаю, о каком ужасе вы говорите?

Теоретик кинул на меня презрительный взгляд:

— Наш УЖАС — это унификация жевательно-аппетитных систем — одна из главных проблем в области ТАИТЕ, что означает — теория аппетита и техника еды.

— Это что же, новая отрасль медицины?

— ... Наука наша пошла дальше. Медицину мы используем в рамках УЖО — устройства жующих органов...» (Михаил Северин. Профессионалы. — 1975, № 25).

● Индивидуально-авторские образования прилагательных служат яркой экспрессивной характеристикой явления, предмета, лица. Яркий стилистический эффект сложные прилагательные-окказионализмы приобретают в следующих случаях.

Окказионализм и соотносительное с ним общеупотребительное прилагательное находятся рядом, в одном контексте: «Эти плащи из водоотталкивающей ткани оказались *покупателеотталкивающим* товаром» (Г. Рыклин. Ходкий товар. — 1960, № 6).

В сложном прилагательном наблюдается стяжение однородной группы, то есть конструкции типа *радио- и телефонные сообщения*. Их появление в русском языке вызвано, видимо, двумя причинами: во-первых, это связано с экономией языковых средств, во-вторых, — с желанием избежать повторения, тавтологии. Образование окказионализмов по указанной модели свидетельствует об активизации этого способа словообразования: «... И пассажиры добираются с парохода на берег и обратно при помощи *головы- и ноголомных* трюков» (Л. Егорова. Подпись к рубрике «Моя фотовитрина». С красноярским приветом. — 1971, № 25).

В одном прилагательном объединяются несколько сложных прилагательных: «„Буре“ — это вам не какие-нибудь сверхмодные *противоударныепылеводоогрязнепроницаемые*» (Я. Похуто. Добрых дел мастера. — 1971, № 25). Прилагательное образовано от фразеологического оборота: *шито-крытый рынок* (подпись к рис. Ю. Узбякова. — 1960, № 24); *царегороховские* строения (1975, № 15) и другие.

● В заключение отметим, что образование сложных окказионализмов в русском языке — явление далеко не новое. Они встречаются в произведениях русских и совет-

ских классиков: *белибердоносец* (Салтыков-Щедрин), *альманашно-семейное чтение* (Чехов), *громоверзила* (Маяковский). Нужно подчеркнуть, что индивидуально-авторские неологизмы наших писателей и поэтов никогда не были самоцелью. То же самое следует сказать и о новообразованиях в журнале «Крокодил»: в них обнаруживается и большое языковое чутье их создателей, и умелое использование с определенными стилистическими целями.

Кандидат филологических наук
А. Н. СЕРЕБРЯКОВ
Кировоград

ПРОСТОЙ И СЛОЖНЫЙ

О составе словаря русского языка

В языке и языковой структуре отчетливо проявляется единство двух противоположных тенденций. С одной стороны, язык чрезвычайно сложен и складывается из бесчисленного количества единиц, а с другой, язык прост и оперирует небольшим количеством единиц, широко используемых его носителями. С одной стороны, в языке все время происходит изменение состава слов, из которых он складывается, а с другой, в нем постоянно выступает группа слов, обладающая относительной устойчивостью.

Из громадного, почти не поддающегося учету количества слов, составляющих национальное богатство языка, в процессе общения в определенную историческую эпоху и в определенных общественно-исторических условиях жизни народа — носителя языка — выделяется группа слов, очень часто используемых при общении.

● В начале XX века ученые с целью выявления слов, максимально используемых в речи, начали составлять частотные словари. Первый частотный словарь немецкого языка был составлен стенографом Ф. Кедингом. В настоящее время имеются частотные словари для целого ряда языков. Слова в этих словарях располагаются

не по алфавиту, а по нисходящей частоте использования в речи и снабжаются указанием на то, как часто они встречались в тексте.

Для такого анализа обычно берутся тексты большого объема, чтобы статистические данные отражали объективную действительность. Так, характеристика частоты употребления слов в английском языке определена на основе анализа текста в 18 миллионов повторяющихся слов или словоформ, частотный словарь польского языка — в семь миллионов словоформ, французского — два миллиона. Объем текста, привлекаемого для анализа, зависит от того, какое количество слов максимальной частоты употребления стремится выявить исследователь. Установлено, что для 2 500 единиц достаточно текст объемом в 400 тысяч словоформ.

Определение группы слов высокой частоты употребления осуществляется выборкой. Выбираются слова, встретившиеся во всех текстах, привлеченных к анализу, в ста текстах, в пятидесяти и т. д. После того как определится заданное количество, например, 2 500 или 5 000 слов, выборка прекращается. Начинается подсчет количества случаев употребления каждого слова высокой частотности. Этот метод обеспечивает и высокую точность, и облегчает процедуру подсчетов.

По такой методике подготовлены «Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт (Таллин, 1963), характеризующий 2 500 слов, наиболее употребительных в литературных текстах для детей, объемом в 400 тысяч словоупотреблений, и частотный словарь Г. Г. Иоссельсона («The Russian word Count». Детройт, 1953), определяющий на анализе около одного миллиона слов более 5 тысяч слов высокой частотности (на материале русских текстов литературы конца XIX—начала XX века).

Как частотный словарь можно использовать и «Словарь языка Пушкина» (в четырех томах. М., 1956—1961), характеризующий состав лексики и количественные соотношения слов в языке поэта. Но этот словарь имеет большое преимущество перед частотными словарями. Он характеризует весь состав лексики Пушкина, а это позволяет делать более широкие выводы о функционировании лексики, определить не только группу слов высокой частоты употребления, но и слов, редко используемых при общении. «Словарь языка Пушкина» содержит 21 тысячу лексических единиц в 500 тысячах повторяющихся словоформах.

В целях изучения словарного состава живой диалектной речи нами составлен Частотный словарь одного из говоров Южного Урала, района, где 200 лет назад складывалась заводская промышленность уральской металлургии. В отличие от обычных частотных словарей этот словарь анализирует магнитофонную запись диа-

лектной речи объемом около 400 тысяч словоупотреблений в 17 тысяч лексических единиц. Подсчитана частота употребления всех записанных слов. С помощью счетно-аналитических машин выделены 5 тысяч слов наивысшей частоты использования.

Данные частотных словарей русского языка, в том числе и составленного нами, показали, что 5 тысяч слов наибольшей употребительности составляют текст более чем на 90 процентов. Средняя частота употребления остальных слов по материалам нашего словаря разговорной речи будет от 5 процентов и ниже.

Группа слов высокой частоты употребления обеспечивает относительную простоту и всеобщность в использовании языка; слова, находящиеся за ее пределами, позволяют выразить иногда в одном слове важную авторскую мысль. Так, Н. А. Некрасов в рассказе Матрены Тимофеевны о ее горе ввел в поэму «Кому на Руси жить хорошо» слова *клубышком* и *червышком*: «Я клубышком каталася, Я червышком свивалася...». Эти слова не только показывают, как переживала горе Матрена Тимофеевна, но и вводят читателя во внутренний мир крестьянки, богатый и поэтический, рассказывают о самой Матрене Тимофеевне. На эти два слова, которые поэт нашел в море русских слов, легла вся эмоциональная и поэтическая нагрузка стиха.

● Обращает на себя внимание функция в речи первых ста слов максимальной частотности в речи. В «Словаре языка Пушкина» они составляют текст сочинений поэта приблизительно на 40 процентов, в сочинениях для детей, проанализированных Э. А. Штейнфельдт, — более чем на 40 (41,7); в разговорной речи, не подвергнутой литературной обработке, — свыше половины текста.

Анализ особенностей первых ста слов по нашим диалектным материалам и сопоставление этих данных с материалами частотных словарей русского языка обнаружил ряд особенностей группы слов максимальной частотности.

1. Большинство слов составляют предлоги *в* (*во*), *на*, *с*, частицы *вот*, *не*, *же* и союзы *и*, *а*, *что*, то есть слова служебного значения, а также местоимения *этот*, *он*, *я*, *тот*, местоименные наречия *всё*, *уж*, *тут*, *потом*, *еще* и другие, то есть слова с сигнальным значением, которые не определяют предмет, а дают лишь общее указание на него.

2. Знаменательные слова, как правило, непроеизводные: *работать*, *значить*, *давать*, *взять*. Некоторые из них имеют тенденцию превратиться в непроеизводные, например глагол *пойти*.

3. Как правило, слова этой группы многозначны и, кроме прямого, имеют несколько переносных значений: *говорить*, *знать*, *работать*.

4. Многие из знаменательных слов легко переходят в состав служебных, превращаются в частицы, союзы, модальные слова: *только, как, что, знать, давать* и другие. В них проявляется тенденция сблизиться с группой служебных слов.

5. Значительное количество слов максимальной частотности — однослоговые: *он, я, тот, всё, тут, вот*. В нашем словаре их 58 (из ста). Многослоговые слова в этой группе единичны.

Полного совпадения состава слов этой группы в нашем словаре и других частотных словарях русского языка нет. Так, в нашем частотном словаре и Э. А. Штейнфельдт из первых ста слов наивысшей частотности общими являются 67.

Очень небольшое расхождение в частоте использования при общении дают служебные слова и слова сигнального значения, входящие в первые сто слов в обоих словарях: предлоги *в (во), на, у*, союзы *а, и, да*, местоимения *этот, я, он*, наречия *там, так, как* и некоторые числительные — *два, три*. У знаменательных слов такое совпадение наблюдается реже. Близкими по частоте использования в речи являются глаголы *работать, пойти, идти, сказать*; существительные *год, день, раз*; прилагательное *большой*. В расхождении частоты употребления знаменательных слов проявляется одна из ведущих тенденций формирования структуры языка.

Группа слов максимального использования при общении не может иметь жестких границ. Ее состав определяется не только структурными особенностями языка, но и теми условиями, в которых происходит общение его носителей. Зависимость от конкретных условий, от среды и целого ряда других меняющихся факторов более резко проявляется в группе знаменательных слов (глаголах, существительных, прилагательных), чем в словах служебного и сигнального значения. В первые сто слов наивысшей частотности в нашем словаре входят: *село, лошадь, ходить, сельсовет*, которых нет в этой группе словаря Штейнфельдт. А в нашем словаре нет существительных *школа, ребята, товарищ* из первой сотни словаря Штейнфельдт.

В процессе общения происходит постепенное передвижение слов максимальной частотности. Слова, входящие в одних условиях в группу первых ста слов по частотности, передвигаются в других условиях во вторую, третью и т. д. сотни слов, и наоборот. Это передвижение более распространяется на знаменательные слова, чем на служебные и сигнальные. Две последние группы лексики сдерживают резкие изменения в составе слов наивысшей частотности, обусловленные меняющимися факторами, в которых происходит общение.

Снижение частотности вызывает утрату ряда признаков, характерных для группы слов максимального использования в речи.

Переходя в группу низкой частоты употребления, слова получают стилевую и территориальную приуроченность, экспрессивную окраску. А редко употребляемые слова, попадая в силу каких-либо причин в группу слов высокой частоты использования, нейтрализуются, освобождаются от специфических свойств.

Мастера слова — поэты, писатели, выдающиеся ораторы — именно поэтому постоянно ищут новые, свежие, яркие, неожиданные слова. Часто употребляющееся поэтическое слово теряет экспрессию, становится обычным, привычным будничным словом. «Муки слова» художника — прямой результат особенностей языковой структуры. И в то же время привычность, общеупотребительность — одна из важных сторон в языке, облегчающая общение людей, делающая возможность общения простой и доступной.

● Особенности языковой структуры определяется и соотношение частей речи в языке. В южноуральском говоре части речи, в которых преобладают сигнальное значение и служебные слова, имеют небольшое количество составляющих единиц (слов) и очень высокую частоту их употребления. Знаменательные части речи — существительное, глагол, прилагательное, наоборот, имеют чрезвычайно большое количество лексических единиц, но низкую среднюю частоту употребления. Думаем, что вскрытые отношения характерны не только для данного говора, а для всего русского языка.

По частоте использования при общении части речи распределяются так:

I. Служебные части речи

Местоимение — эта часть речи складывается в говоре из 104 различных слов; средняя частота использования каждой единицы 500 раз.

Союз — 48 слов; средняя частота употребления — 470.

Частицы — 85 слов; средняя частота — 400.

Предлог — 75 слов; средняя частота — 331.

Числительное — 99 слов; средняя частота — 123.

Слова сигнального и служебного значения составляют текст более чем на 42 процента, но содержат лишь 2,2 процента слов, из которых складывается словарный состав говора.

II. Знаменательные части речи

Существительное — 6718 слов; средняя частота употребления — 9.

Глагол — 6331 слово; средняя частота — 10.

Прилагательное — 1926 слов; средняя частота — 7.

Наречие — 1101 слово; средняя частота — 38.

При анализе большего количества записей разрыв между первой и второй группами будет увеличиваться. Состав слов первой группы не велик, но часто используется в целях общения. Вторая группа в масштабах национального языка не поддается учету из-за большого количества, но частота употребления в речи слов этой группы меняется под влиянием целого ряда факторов. Средняя частота использования в речи знаменательных слов всегда будет ниже служебных и сигнальных. Увеличение разрыва между группами частей речи — закономерность функционирования языка.

● Сходная закономерность выступает и в аффиксальной системе языка, в тех кирпичиках, из которых строятся новые слова от уже существующих, с помощью морфологических средств языка: аффиксов — приставок, суффиксов, соединительных гласных.

По данным наших подсчетов, в разговорной речи для формирования новых слов используется 518 аффиксов. По характеру их использования они подразделяются на три группы с довольно четко проходящими границами.

1. Аффиксы максимальной словообразовательной активности. К ним относим те, с помощью которых образуется свыше одного процента производных слов, сформированных посредством суффиксов, приставок, соединительных гласных от основ других слов. По нашим материалам их 23 (10 суффиксов и 13 приставок); они образуют свыше 63 процентов производных слов в исследуемом говоре. В их число входит, например, многозначный суффикс существительных *-к-* (*ягод-к-а, заправ-к-а*). Этот суффикс в говоре образует семь процентов всех производных основ. Широко используется видовой суффикс глагола *-а- — -я-* (*хлеб-а-ть, вал-я-ть*) — семь процентов производных основ; почти так же используется и суффикс прилагательных *-н-* (*род-н-ой, боль-н-ой*) — шесть процентов производных основ. Самой распространенной приставкой в говоре является *по-* (*по-плыл, по-бежал*), образующая четыре процента производных основ, за ней следуют *за-, на-, с-* (*со-*) — около 3 процентов каждая.

2. Аффиксы высокой словообразовательной активности. К ним относим такие, с помощью которых образуется более десяти производных основ, например: суффиксы существительных *-очк-* (*пар-очк-а, цеп-очк-а*), *-ств-* (*дет-ств-о*) и ряд других. Эта группа складывается из 92 единиц (71 суффикс и 21 приставка), то есть — около 30 процентов всех производных основ говора.

3. Аффиксы низкой словообразовательной активности. По нашим материалам их 403. Это значительно превышает названные группы. Каждый аффикс данной группы используется в образо-

вапии менее десяти производных основ. Так, суффикс *-ис-* формирует всего три производных слова: *актр-ис-а*, *директр-ис-а* и редко употребляющееся слово *инспектр-ис-а*. Вместе с иностранной приставкой *бис-* суффикс участвует в образовании математического термина *бис-сектр-ис-а*. В говоре бытует диалектный суффикс *-ашечек-*, отмеченный всего в одном случае употребления — *клубашечек* (клубочек).

Первые две группы аффиксов, как и группа слов максимального использования в речи, относительно стабильны, третья подвижна. В последнюю включаются все время новые аффиксы, как, например, суффикс *-ашечек-*, а также заимствованные из других языков (приставка *архи-*, часто употребляемая В. И. Лениным: *архи-глупо*, *архи-наивно*).

Некоторые из аффиксов третьей группы с течением времени получают широкое распространение и становятся аффиксами высокой и даже максимальной словообразовательной активности. Так, суффикс *-ость* (*упруг-ость*, *стабильн-ость* и т. п.) в XIX веке был мало распространен, а в современном русском языке он — один из самых активных. Другие, наоборот, утрачивают словообразовательную активность и передвигаются в группу низкой частоты использования в словообразовании, например суффикс прилагательных *-ов* (*отц-ов*, *брат-ов*) имел более широкое распространение в древности.

● Язык — удивительно стройная система, в которой в диалектическом единстве находятся стабильность и непрерывная изменчивость, выступает сравнительно немногочисленная группа широко используемых единиц и безграничное море слов, простота и чрезвычайная сложность системы.

В. А. СЕНКЕВИЧ
Магнитогорск

ТРУНИТЬ

Трунить, по определению «Словаря современного русского языка», значит «шутить, не зло подшучивать, смеяться над кем-, чем-либо» (т. 15. М., 1963). Здесь же приводятся и случаи употребления этого слова в русской классической литературе: «Бывало, он *трунил* забавно, Умел морочить дурака И умного дурачить славно Иль явно, иль исподтишка» (Пушкин. Евгений Онегин); «Прежняя Фленушка сидит с ним: бойкая речь, насмешливый взор, хитрая улыбка, по-бывалому *трунит*, издевается» (Мельников-Печерский. На горах); «Она и сочувствовала ему, и чуть-чуть *трунила* над ним» (Тургенев. Первая любовь).

Какого же происхождения глагол *трунить*? Автор «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмер высказал предположение об образовании *трунить* от *труд*, но, очевидно, сомневался в вероятности этой гипотезы, что и отметил знаком вопроса. Фасмер не дал никаких разъяснений о возможных словообразовательных и смысловых связях между *труд* и *трунить*. Такие связи представляются маловероятными, а соответствующая гипотеза — необоснованной. Других же толкований происхождения слова *трунить* в этимологической литературе нет.

В выяснении происхождения (этимологии) слов исследователь обычно опирается на историю слова (его древние формы, зафиксированные в памятниках письменности, изменения этих форм), его употребление по диалектам или наличие в диалектах близких по форме и значению слов, на данные родственных славянских языков.

Сведения об истории слова *трунить* очень скудны и не могут служить основанием для какой-либо гипотезы о его происхождении: слово не засвидетельствовано в древних письменных памятниках. Впервые оно отмечено в «Российском с немецким и фран-

пузским переводом словаре» И. Нордстета (ч. II. СПб., 1782) в форме *трѹнитъ*, а в «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым отделением имп. Академии наук» (1847) приводится уже *трунить*. Таким образом, примечательно лишь различие в месте ударения: *трѹнитъ* — *трунить*. С окончательным ударением в инфинитиве и в формах настоящего времени употреблял глагол *трунить* Пушкин: «Румяный критик мой, насмешник толстопузый, Готовый век *трунить* над нашей томной музой, Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной... Ведь в нашей стороне индийская зараза. Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа Бывало, сиживал покорный твой слуга; Что, брат? уж не *трунишь*, тоска берет — ага!» («Румяный критик мой, насмешник толстопузый...»).

Материалы родственных славянских языков и русской народной диалектной речи оказываются более интересными и перспективными для выяснения этимологии слова *трунить*, чем исторические данные. Прежде всего, в сербскохорватском языке есть глагол, тождественный по форме русскому *трунить* — это сербскохорватское *трѹнити*. Значение этого глагола — «загрязнять, засаривать»: ср. *трунити воду* «мутить воду». По диалектам известно также значение «осыпать, обивать (зерно с кукурузного початка)». Интересно, однако, значение глагола в некоторых сочетаниях: *он му труни* значит «он ему подставляет ножку, стоит ему поперек дороги, мешает»; *трунити нечију част* — «позорить кого-либо», буквально — «марать чью-либо честь» (*част* — «честь»). Очевидно, эти употребления сербскохорватского слова отражают развитие значения от «пачкать, сорить» к «мешать (кому-либо)» и «позорить (кого-либо)». Такое же развитие значения лежит в основе русских выражений *пачкать, марать чужую репутацию, чернить кого-либо* и русского диалектного *он мне подсорил* «напортил» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка). Представляется, что вторичные значения сербскохорватского *трѹнити* «мешать (кому-либо)» и «позорить» достаточно близки к значению русского *трунить*: ведь шутить, смеяться над кем-либо (хотя бы и не зло) все-таки означает задевать его, задирать, в какой-то степени мешать. Если же конечные точки развития значения сербскохорватского глагола и русского близки и глаголы при этом формально тождественны, то можно думать, что эти слова родственны, точнее — оба являются продолжениями одной и той же более древней формы, и значение русского *трунить* «шутить» является вторичным, развившимся на базе первичного «пачкать, сорить».

Не сохранились ли в русском языке следы этого первичного значения глагола *трунить* — «пачкать, сорить»? По-видимому, сохранились. Обратимся к словарю В. И. Даля. В статье *трунить* приведена очень редкая, не включенная ни в одно собрание народных

устойчивых выражений пословица: «Не *труни* на чужой проруби: свою протяжай, да как хошь ляпай!». Даль поместил эту пословицу среди материалов, иллюстрирующих значение «шутить, смеяться». Как всякая пословица, эта фраза имеет прямой (первичный) и переносный (вторичный) смысл. В переносном, иносказательном плане смысл пословицы, очевидно, таков: не смейся над чужим делом, а попробуй сделать сам, то есть глагол *трунить* имеет здесь значение, обычное для современного языка, — «шутить, смеяться», которое и интересовало В. И. Даля. Для нас более существенно, однако, что фраза, в которую входит глагол, имеет, помимо переносного, еще первичный, прямой смысл, а поэтому можно предпологать, что и глагол *трунить* имеет в этом первом плане какое-то другое, отличное от «шутить» и, возможно, исконное, «прямое», «материальное» значение. В восстановлении, реконструкции этого значения глагола *трунить* можно опереться на некоторые особенности строения пословицы: она двухчастная, причем глагол *трунить* в первой части *не труни на чужой проруби* явно симметричен и, вероятно, синонимичен глаголу *ляпать* во второй части *...свою протяжай, да как хошь ляпай!* Следовательно, реконструкция значения *трунить* связана с определением первичного значения *ляпать* в данном контексте. Глагол *ляпать* может употребляться в значениях «шлепать; хлопать, бухать; бить плашмя; кидать, бросать что-либо вязкое, мокрое, мягкое; делать грубо, как попало». Судя по приведенным Далем сочетаниям *весь заляпался, уляпался весь глиной, обляпал кругом*, значение глагола *ляпать* часто близко к «пачкать, сорить». Значение *ляпать* в рассматриваемой пословице скорее всего именно «пачкать, сорить», то есть вторая половина пословицы значит «проруби свою [прорубь], да и пачкай [сори] как хочешь» (следует напомнить, что, по народным представлениям, прорубь, как и ключ, колодец, нельзя пачкать). Тогда и для *трунить* первичным, «материальным» значением должно быть «пачкать, сорить», то есть значение всей фразы: не пачкай чужую прорубь, проруби свою, да и сори как хочешь. Таким образом, пословица с ее характерной двухплановостью и законсервированностью формы сохранила и следы первичного значения глагола *трунить* — «пачкать, сорить», и развившееся на его основе вторичное, переносное значение «шутить, смеяться».

Обнаружение в русском языке следов первичного значения *трунить* — «пачкать, сорить» подтверждает правомерность сближения русского глагола с сербскохорватским *truniti* как образований, продолжающих один и тот же исходный древний глагол. Этот глагол может быть отнесен к древнейшему периоду истории славянских языков — праславянскому. Форма глагола реконструируется как *truniti, а наиболее вероятным значением было «пач-

кать, загрязнять, сорить', возможно — в некоторых сочетаниях близкое к 'мешать (кому-нибудь)'. Это значение было затем самостоятельно развито в одном и том же направлении, но с разными оттенками в сербскохорватском и русском языках.

Из истории сербскохорватского языка явствует, что ударение на первом слоге в сербскохорватском *трѹнити* является результатом передвижения с его исконного места на слог назад, так что сербскохорватская форма свидетельствует об исконности ударения на показателе глагольной основы — *trunīti. Следовательно, место ударения *трунить*, характерное для русского языка и засвидетельствованное уже в поэзии Пушкина, отражает древнее место ударения в этой форме. Происхождение накоренного ударения *трѹнить*, засвидетельствованного Нордстетом, неясно.

Итак, русское *трунить* имеет близкое соответствие в сербскохорватском *трѹнити* и вместе с ним восходит к праславянскому *trunīti 'пачкать, сорить'. Разумеется, отнесение глагола в глубь веков не означает еще решения вопроса о его происхождении. Но, поскольку параллельно выяснено первичное, исходное значение глагола, решение становится уже более реальным. Дело в том, что в праславянском языке было слово *trunъ, продолжения которого представлены во многих славянских языках. В русском языке к этому древнему слову восходят вологодское и олонекское *трун*, *трунье* 'рвань, тряпье, отрепье' (последнее также в подмосковных говорах), архангельское *трун* 'оборванец', кольское *трунѧ* 'кушанье из накрошенного в квас хлеба'; сербскохорватским продолжением того же слова является *трун* 'соринка, пылинка, соломинка'; ср. также болгарское диалектное *трунь* 'сенная труха'. Праславянское *trunъ, следовательно, обозначало различного рода мелкие кусочки, частицы чего-либо, отходы, сор. От этого имени существительного и был образован глагол *trunīti 'пачкать, сорить'. Образование *trunīti от *trunъ аналогично по форме образованию *дымить* от *дым*, *солить* от *соль* и т. д.

О происхождении самого слова *trunъ существуют разные мнения, хотя все видят в нем в конечном счете корень *ter-* 'тереть'. Различия заключаются в том, с каким глаголом непосредственно связывать *trunъ. Миклошич и Скок считали *trunъ производным от *terti (продолжением которого является русское *тереть*). Представляется, однако, что слово *trunъ образовано скорее от другого глагола с тем же корнем — *truti, который сохранялся еще в древнерусском языке в виде *трути* (1 лицо единственного числа — *тровоу*) со значением 'тратить, расходовать' (первоначально, вероятно, 'перетирать, расходовать трением'). От *truti образованы русские слова *трава*, *отрава*, *страда*, *травить* и *трын-трава*. Первоначальным, этимологическим значением слова *trunъ как произ-

водного от *truti могло быть «нечто израсходованное, негодные остатки» (отсюда «крошки», «труха», «рвань», «сор»). В обоих случаях *trunъ и производный от него глагол *трунить* оказываются членами обширного этимологического гнезда, возникновение которого относится к праславянской древности.

Развитие значения от «мелкий сор» к «шутить», которое лежит в основе предложенного объяснения происхождения русского *трунить*, находит точное соответствие в английском языке: здесь *chaff* значит и «мякина, мелко нарезанная солома, сечка, отбросы, высевки, кострика (отходы трепания и чесания)», и «подшучивание, поддразнивание». Следовательно, данное направление развития значения не является исключительным, а отражает закономерные связи в осмыслении и обозначении действий человека в материальной сфере и в сфере умственно-речевой. Шутка в данном случае была понята и обозначена как материальная помеха, мелкий, но досадный сор. Сравните аналогичные ассоциации, лежащие в основе образных выражений типа *соленая, горькая шутка, острый на язык, городить чепуху* (собственно «собирать, сваливать в кучу щепки, хворост»).

В той же словарной статье о слове *трунить* «подшучивать, задирать» В. И. Даль предостерегает читателей относительно диалектных *трунить* и *трунцá* в значениях «рысить» — «бежать рысью» и «рысь», приводимых некоторыми диалектными словарями. По мнению Даля, эти слова реально не существуют, а появление их в словарях объясняется ошибочным прочтением слов *грунить* «бежать рысью» и *грунь* «рысь». Конечно, ошибки встречаются и в словарной работе. Но есть ли ошибка в данном случае? Очевидно, окончательное решение вопроса возможно лишь при условии проверки на месте, в соответствующих говорах. Пока же хотелось бы остановиться лишь на одной из сторон данного вопроса, а именно: возможно ли, чтобы глагол *трунить*, который в литературном языке имеет значение «шутить», в диалектах употреблялся в значении «бежать рысью»? На вопрос, поставленный таким образом, можно ответить утвердительно. Бег рысцей в русском языке иногда обозначается глаголами с первичным значением «сыпать, посыпать»: ср., например, *трусить* «бежать рысцей» и *трусить сено, яблоки* и т. д. Если глагол *truniti образован, как толкуется выше, от слова *trunъ, обозначавшего всякие мелкие кусочки, отходы, сор, то первичное значение *truniti должно было быть близко к «сыпать (сор)» [«пачкать, сорить»]. Следы этого значения сохранились, например, в сербскохорватском *снег труни* «снег порошит, метет». Продолжением этого значения и могут быть русское диалектное *трунить* «бежать рысью» и его производное *трунь* «рысь» (ср. *трусца*), если эти слова действительно существуют.

Ж. Ж. ВАРБОТ

МУЖЧИНА

Слово *мужчина* вошло в активное употребление примерно во второй половине XVIII века, в период становления общенационального русского литературного языка, хотя зарегистрировано оно уже в «Домострое»: «аще и государь осмотрит, они же [жонки, девки] со женою, а не с мущиною стоят» (Картотека Древнерусского словаря).

По мнению этимологов, *мужчина* — слово собственно русское, образовано с помощью суффикса *-ина* от формы *мужской* (Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961).

В древнерусском языке в значении «мужчина» использовалось слово *мужъ*, имевшее в тот период и другие значения: «супруг», «свободный человек», «именитый, почтенный человек», «свидетель» (И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, СПб., 1895). В значении «мужчина» это слово является широко употребительным в памятниках письменности разных жанров XVI—XVII веков:

«Въ троицкую субботу по селом и по погостомъ сходятца *мужи* п жены на жалниках и плачютца по гробомъ с великим кричаньемъ» (Стоглав. 1551); «Влето отсотворения мира 7114 бысть вограде велицем устиезе некто *муж* славенъ и богатъ зело, имянем Фома Грудцын Усовъ» (Повесть о Савве Грудцыне).

В лексиконах первой трети XVIII века в значении «мужчина» находим только слово *муж* (Лексикон Ф. Поликарпова. 1704; Вейсманнов Лексикон, 1731). Без каких-либо ограничительных помет представлено слово *муж* «человек мужского пола, вышедший из юношеских лет, достигший совершеннолетнего возраста или отменными качествами одаренный» в Словаре Академии Российской (т. 4, 1793), однако, данные памятников деловой письменности

XVIII века, наиболее объективно отразившие живое словоупотребление, свидетельствуют о том, что слово *муж* 'мужчина' уже приобретает оттенок «высокости»:

«Женский домысль ужъ многихъ мужей опечалил От техъ леть, какъ Адама Богъ Рая удалилъ»; «Сей премудрый Монархъ и славный Герой имель пасынка Друса, храбраго мужа...» (Мемориаль достопамятныхъ курioзныхъ авторызацій Бога Слова и людей... — «Смоленская старина». Смоленск, 1914).

В. И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка приводит слово *муж* в значении 'человек рода он, в полных годах, возмужалый; возрастной человек мужского пола, пртвпл. жена, женщи́на', однако иллюстрации к этому слову подчеркивают его возвышенный характер: «Великий муж, доблесть мужа, муж высокого рода и пр. Здесь *муж* выражает достоинство человека». Примеров, которые указывали бы на использование слова *муж* 'мужчина' как нейтрального, у Даля нет.

В современном русском литературном языке слово *муж* 'мужчина в зрелом возрасте' сохраняется, однако употребительно оно лишь в торжественной речи (Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1957).

С середины XVI века становится известным по памятникам письменности слово *мужик*. И. И. Срезневский фиксирует его лишь в значении 'крестьянин', однако по другим источникам оно известно и с другими значениями, в том числе и со значением 'мужчина'. По-видимому, в народно-разговорном языке слово *мужик* 'мужчина' появилось раньше указанного времени, так как в Хождении Афанасия Тверитина в Индию, датированном XV веком, оно уже представлено: «А мужики и жонкы все нагы». Правда, известен этот памятник по списку XVI века.

В памятниках письменности XVII века слово *мужик* 'мужчина' встречается довольно часто, но используется обычно для обозначения лиц низшего сословия, преимущественно крестьян: «И каторые приходили к Николе к заутрени и к обедни кои писаны имены и каторые не писаны мужиков и жонок пограбили и девок и робят»; «...а старажей старожки разогнали с рубежа и мужики разбежались по лесам от литовских людей»; «Да как Иван Бошмаков приходил в Сцючейскую волость и племянник ево Филон Григорявъ сынъ убил мужика добра на смерть» (Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. под редакцией Ю. В. Готье. М., 1912).

Значительно реже слово *мужик* использовалось для обозначения лиц мужского пола, принадлежащих к другим слоям населения: «побежалъ-деи изо рву мужикъ Духова монастыря дячокъ козенной Васка Кириловъ сынъ»; «а стоялщиков у него посацкай

мужик сам-друг» (там же). Иногда писцы с помощью соответствующих определений к слову *мужик* уточняют принадлежность называемого этим словом лица к городским или сельским жителям, например: «а стоялщикав у него один *мужик сельской* самчетверть»; а «стоялщикав в него Дениска *селскай мужик* з зятям да 2 сына у него да 2 женкы»; «а стоялщиков у него 6 *мужиков* взямичь *прядилщиков*» (там же).

При наименовании мужчин, относящихся к высшему и среднему сословию, использовались обычно названия по титулу, званию, чину, социальному положению: *господин, пан, помещик, дворянин, шляхтич, стрелец, полковник* и т. д. В XVIII веке в словарный состав русского языка вошло заимствованное через польское посредство слово *кавалер*. Оно употреблялось со значениями «знатный человек», «дворянин», «придворный», «мужчина при даме», «возлюбленный» (Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л., 1972). Естественно, будучи социально ограниченным, слово *кавалер* могло выполнять функции слова *мужчина* лишь отчасти.

Отсутствие в активном словаре русского языка нейтрального слова для наименования лиц мужского пола (слово *мужчина* в языке уже было, но использовалось редко) приводило к тому, что и образованные люди вынуждены были пользоваться словом *мужик* в тех случаях, когда нельзя было прибегнуть ни к каким заменам с помощью титулов, званий. Так, один из русских путешественников следующим образом описывал фонтан работы Микельанджело, увиденный им в Генуе: «Три лошади есть превеликие, на них *мужик* стоит. У той, что на передке, лошади из языка, а у крайних коней из ноздрей вода течет. Кругом тех лошадей *ребята из мрамора* сидят, воду пьют» (А. С. Елеонская, О. В. Орлов, Ю. Н. Сидорова, С. Ф. Терехов, В. И. Федоров. История русской литературы XVII—XVIII вв. М., 1969).

В Петровскую эпоху русский человек получил доступ ко многим богатствам западноевропейской культуры, в его духовный мир вторглись новые понятия, новые мысли. Однако литературный язык не был еще приспособлен в полной мере для выражения этих понятий, мыслей и чувств. Начинаются усиленные поиски новых языковых средств, а также обновление лексических средств, имевшихся в языке, но по тем или иным причинам оставшихся в пассивном словаре. К последним принадлежало и слово *мужчина*.

Вероятно, отзвуком такого отношения к слову *мужчина* можно считать квалификацию его в некоторых русских говорах. Любопытны данные, приведенные в Словаре говоров Подмосковья А. Ф. Ивановой. Слово *мужчина* в этих говорах в дореволюцион-

ный период употреблялось лишь в значении «мужик, крестьянин»: «Барина так не назовут. Он барин, мущиной его назвать, мужиком силить, ни падабает».

Показателем постепенного расширения сферы употребления слова *мужчина* могут служить данные переводных текстов. Так, например, в шести переводах одной из польских повестей на русский язык (переводы осуществлены во второй половине XVII века) лишь одним из переводчиков употреблено слово *мужчина*; другие использовали *мужескии полъ*, *мужескъ полъ*, *мужие* и, наконец, польскую огласовку слова — *мущызна* (Е. М. Иссерлин. Лексика русского лит. языка II-й половины XVII в., Л., 1961).

Что касается художественной литературы первой трети XVIII века, то в светских повестях в значении «мужчина» встречаются слова *муж*, *мужик*, иногда *кавалер*, но ни разу не отмечено слово *мужчина* (В. П. Забродченко. Лексика русских повестей первой трети XVIII века. М., 1956). Однако в комедии слово проникает. Примечательно, что по драматическим произведениям этого времени можно отчасти судить об уже наметившейся в языке стилистической дифференциации в составе рассматриваемой синонимической группы. Так, *муж* используется обычно в духовной драме, *мужчина* — для обозначения лиц всех сословий, *мужик* — для обозначения лиц низкого социального положения (Е. Г. Ковалевская. Стилеобразующая лексика в интермедиях XVII—XVIII веков).

В начале XVIII века слово *мужчина* постепенно входит в разговорное употребление образованных людей, о чем свидетельствует переписка Петра I: «Буде вместо себя стануть присылать челобитчики и челобитницы сродниковъ или людей своихъ, и имъ верить ли?» — «За женщинъ верить, а за *мушинъ* не верить, кроме великихъ персонъ сенаторскихъ» (из резолюции на докладе Я. Брюса. 1707 г.).

Заметим, что в Петровское время попытки усовершенствовать русский литературный язык охватывали в первую очередь не высокий стиль, а стили преимущественно публицистические, деловые и научные. Язык же, которым пользовался Петр I, выступает, по мнению исследователей, как некая средняя литературная норма, которая вырабатывалась в практике наиболее образованного слоя петровской администрации, в светско-деловой, официальной письменности. Правда, в речи Петра I, судя по его переписке, слово *мужчина* употребляется еще довольно редко. Он прибегает и к слову *мужик*, и к словосочетанию *мужескъ пол*: «И зело было утешно смотреть, что люди по кровлямъ и по деревьямъ, бутто во время потопа сидели, не точию *мужики*, но и бабы»; «На день святыхъ апостолъ была у насъ гостей *мужеска* и женска пола болше

1000 ч.». Слово *мужчина*, таким образом, в этот период пока еще не закрепились в качестве нейтральной лексической нормы.

Находим форму *мусчина* «мужчина» и в «Истории Российской» В. Н. Татищева, относящейся, по-видимому, к 30—40 годам XVIII века. И лишь во второй половине XVIII века слово *мужчина* окончательно закрепляется в словарном составе общенационального русского литературного языка как основное наименование лица мужского пола. Оно употребляется как в переводных повестях, так и в оригинальных художественных произведениях.

История вхождения слова *мужчина* в активный словарь русского литературного языка нашла отражение и в словарях XVIII века. Так, в Лексиконе Поликарпова 1704 года нет слова *мужчина*. А в Рукописном лексиконе первой половины XVIII века слово *мужчина* не приводится в перечне слов по алфавиту, но оно дается при объяснении значений слов *мужь* «мужский пол» и *мужик* «муж или мусчина, крестьянин». Кроме того, *мусчина* встречается в этом лексиконе при переводе слова *самец* «мусчина птиц». То же, кроме примера со словом *самец*, повторяется и в Рукописном лексиконе Татищева (лексикон заканчивается буквой «П»). Представлено слово *мущина* в Российском Целлариусе 1771 года. В Словаре Академии Российской (ч. IV, 1793) слово *мужчина* дается уже в самостоятельной словарной статье. А слово *мужик* «мужчина» не отражено в этом словаре, приведено лишь значение «крестьянин, житель сельский». По-видимому, сниженный характер слова составителями словаря ощущался отчетливо.

Стилистическая и социальная дифференциация в составе анализируемой синонимической группы получила окончательное завершение в языке А. С. Пушкина. Так, слово *муж* «мужчина в зрелом возрасте» использовалось поэтом в высоких контекстах; *мужчина* употреблялось как нейтральное слово, без всяких ограничений; слово *мужик* в произведениях А. С. Пушкина отмечаем в основном в значении «крестьянин, мужчина из простого народа», и лишь в разговорно-фамильярной речи писатель допускает употребление слова *мужик* в значении «взрослый мужчина» (см. Словарь языка Пушкина).

Примерно ту же картину наблюдаем и в современном русском литературном языке, если судить по данным 17-томного академического Словаря. Оставляя в стороне слова *муж*, *мужик* в значении «супруг», обратим внимание на распределение по стилистическим пластам этих слов в значении «мужчина»: «*Муж*... 2. Мн. *Мужи*. Обычно в торжественной речи. Мужчина в зрелом возрасте... 3. Мн. *мужи*. Деятель на каком-либо общественном, научном

поприще...». *«Мужик. 1. Разг. Крестьянин (преимущественно — в дореволюционной России). 2. Простореч. Бранно. О необразованном, невоспитанном, грубом человеке. 3. Простореч. Мужчина... 4. Устар. Работник, выполняющий грязную, грубую работу при доме».* И, наконец, слово *мужчина* дано в Словаре в качестве нейтрального, общеупотребительного наименования лица мужского пола.

Е. Н. БОРИСОВА

МИТКАЛЬ, ЗУФРА

Одвой из важных составных частей историко-лингвистического исследования заимствованных слов является этимологический и хронологический анализ иноязычных лексем. Основной и наиболее доступный материал, необходимый для выяснения источника и времени заимствования лексических элементов древнейшей поры, предоставляют памятники письменности. М. Фасмер (Этимологический словарь русского языка, т. 2. М., 1967), ссылаясь на исследования Б. Унбегауна, датирует появление названия хлопчатобумажной ткани *миткаль* 1489 годом. Но при более внимательном рассмотрении текста, который анализирует в своей работе (*La langue russe au XVIe siècle*. Paris, 1935, p. 167—168) Б. Унбегаун, становится ясно, что здесь произошла ошибка. Пример взят из послания великого князя Ивана Васильевича к королю Казимиру о нападении в литовских землях на купцов. К посланию приложен список товаров, взятых при нападении («Памятники дипломатических сношений Московского государства с Поль-

ско-Литовским»): «а взяли у него... жемчугу тритцать миткаль безъ трехъ, а въ миткаль по тритцати зерень безъ дву». Исходя лишь из графического облика *миткаль*, а не из контекста, Б. Унбегаун отождествляет слово с названием ткани *миткаль*. Видимо, чувствуя неувязку выводимого значения и языкового окружения, исследователь пытается соотнести их следующим образом: *миткаль* в памятнике якобы обозначает мешок, сшитый из этой ткани и употребляемый для хранения и перевозки жемчуга. На самом же деле слово *миткаль* в этом памятнике не имеет никакого отношения к тканям, а выступает со значением меры веса в 4,81 грамма (В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970) и передает арабское *мискаль* (оно встречается и в словарном составе многих современных тюркских языков, в произведениях Навои, где является заимствованием из арабского языка).

Характеризуя слово *миткаль* из дипломатической переписки, необходимо учесть следующее значение слова-прототипа — «мера веса для драгоценных камней» (В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 4. СПб., 1914). Источник колебания *с ~ т* — в особенности звучания арабского согласного *с* (он созвучен английскому глухому *th*). Позднее (возможно вследствие влияния другого языка) появляется и форма *мискаль*, например, в словарях иностранных слов: *мискаль* «персидская мера веса».

Что же касается названия ткани, то прототипом его, по всей вероятности, является тюркское *му(е)ткал* «миткаль», встречающееся, например, в чагатайском языке, или персидское *меткал* (но не *mitakāli*, как указано у М. Фасмера).

Таким образом, *миткаль* «название ткани» и *миткаль* «мера веса» — лишь омонимы. И нет никаких оснований относить появление названия ткани к концу XV века.

Мы еще раз убеждаемся в том, что тождество внешнего облика не всегда означает сходство семантики и происхождения.

Название ткани *зуфь* упоминается впервые в тексте дипломатической переписки конца XV века, а не в памятниках XVI века, как обычно указывается в этимологических словарях. Оно отмечается в грамоте 1489 года. Контекст, сведения о ввозе тканей в Московское государство, а также форма слова *зуфь* говорят о том, что оно вошло в русский язык, скорее всего, из турецкого (куда оно попало из арабского): «...охабень зуфь зелена...» (русское *зуфь* < турецкое *suî, sof* «шерсть, шерстяная ткань»); арабизм *суф* встречается в памятниках тюркской письменности: в произведениях Им. Насими, в «Нахджул — фарадис» (XIV в.) и других.

В памятниках XVI—XVII веков отмечается форма *зуфра* (смотрите в словаре-дневнике Ричарда Джемса 1618—1619 годов: *zʹʹfʹʹz* ('*chamlet*'). По всей видимости, здесь мы имеем дело с повторным заимствованием слова. Как известно, возможно неоднократное заимствование одного и того же слова, причем оно не всегда переходит из конкретно-исторического языка-источника. А различие источников обычно (но не всегда) проявляется в оформлении или в значении.

В XVI—XVII веках ткань *зуфь* стали привозить из Ирана. И именно с ввозом персидской *зуфи* связано, на наш взгляд, появление в речи русских (а также в памятниках) формы *зуфра*. Как в современном языке персов, так и в классическом используется послелог (служебное слово) *ра* в качестве показателя прямого дополнения, соответствуя в этой функции русскому винительному падежу. И в языке торговцев *суф* обычно встречалась не в основной форме, а в форме прямого дополнения, например, *суф ра авърдәм* 'я принес зуфь'. И, поскольку этот послелог произносился слитно с предшествующим ему именем и не принимал на себя ударение, *суф ра* воспринималась русскими как единое целое и дала *зуфра*. А в результате взаимодействия форм *зуфра* и *зуфь* появилась лексема *зуфрь* (свою роль сыграла и безударность конечного гласного в первом слове): «зуфрь лазорева, ..., изуфрь червчатая» (Писцовые книги г. Коломны 1577—1578 годов и Можайска 1595—1596 годов; там же смотрите производное *зуфренъ* (*изуфренъ*): «стихарь зуфренъ бълъ»; «три аршина изюфри» (Мангазейские памятники 1633 года).

Таким образом, слова *зуфь* и *зуфра*, проникнув в русский язык в разное время и из разных источников, в силу того, что, обозначая одну и ту же ткань, были семантически тождественны, стали восприниматься как варианты одного слова (смотрите комментарии Б. А. Ларина к словарю-дневнику Р. Джемса: «Зуфра, изуфрь, зуфь — варианты названия этой восточной ткани»).

Итак, за различными вариантами одного и того же слова может стоять различное происхождение, различное время проникновения в язык-приемник и т. д., и все это должно найти свое отражение в этимологических словарях.

К. Р. ГАЛИУЛЛИН

О стиле романа Л. Н. Толстого ВОСКРЕСЕНИЕ

Портретные характеристики

Задача данной статьи — произвести некоторые наблюдения над языковыми средствами создания образа Нехлюдова в связи с идейной направленностью романа «Воскресение» и местом, которое этот образ занимает в его композиции.

Важнейшей стороной авторского замысла, с наибольшей силой воплотившейся в романе «Воскресение», было разоблачение: Толстой страстно доказывает, что безумны и безнравственны «все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь» (В. И. Ленин. «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение»). Однако цель Толстого состояла не только в том, чтобы доказать, что общество зашло в тупик, но и в том, чтобы найти выход, научить читателя, что делать. С религиозно-нравственной проповедью Толстого связаны название романа и особая роль его героя — князя Нехлюдова. Воскресение души Нехлюдова, его пробуждение от эгоистического, «животного» существования, трудный, но единственно спасительный путь нравственного самоусовершенствования — вот что Толстой хотел противопоставить современной действительности и вместе с тем

Роман «Воскресение» — крупнейшее из произведений, созданных Л. Н. Толстым после перехода на позиции патриархального крестьянства.

По своей обличительной остроте и последовательности в «срывании всех и всяческих масок» этот роман превосходит другие произведения Толстого, в нем отразился итог идейных исканий писателя. В соответствии с убеждениями Толстого «послепереломного» периода, его взглядами на общественную жизнь и требованиями к художественному творчеству сложилась новая, отличная от «Войны и мира» и «Анны Карениной» форма «Воскресения» — публицистический роман, роман-проповедь. Разумеется, произведениям Толстого и ранее была свойственна публицистическая направленность, но в «Воскресении» она впервые определила стиль и композицию романа в целом.

показать ее жестокость и абсурдность именно через восприятие прозревающего героя. Таким образом, идея нравственного возрождения и разоблачение пороков общества в романе тесно переплетаются, и объединяет их образ Нехлюдова. Роль этого образа в замысле и композиции «Воскресения» определяет его совершенно особое положение среди действующих лиц романа.

Персонажи «Воскресения» очень четко делятся на граздных эксплуататоров и обездоленных трудящихся. Чрезвычайно наглядно два противоположных принципа типизации выступают в портретных характеристиках представителей этих двух групп.

Огромное внимание уделяется в романе портрету Катюши Масловой: ее глазам («блестящие, как мокрая смородина», «черные глаза ее заблестели от вступивших в них слез...»), игре ее лица (она «странно улыбалась», «жалостная улыбка осветила ее лицо...»). Для Толстого значительно каждое движение души героини, он замечает все, что на протяжении романа меняется в ней, и «ту исключи-

тельную, таинственную особенность, которая отделяет каждое лицо от другого, делает его единственным, неповторяемым» (цитируется по изданию: Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в четырнадцать томах. Т. 13. М., 1953).

Кроме Катюши Масловой, в «Воскресении» много образов, обрисованных более или менее бегло, но с той же глубокой симпатией. Это представители простого народа: Федосья, Меньшов, Кораблева, заключенный, умерший от солнечного удара, революционеры: Марья Павловна, Вера Богодуховская, Симонсон, Крыльцов, Ранцева.

Художественные средства служат Толстому для идейного утверждения персонажей — жертв несправедливого общества и борцов против несправедливости. В этих людях, как и в Катюше Масловой, главное — духовная жизнь, и в их портретах важнее всего — лица, глаза, выражение. Особенно много Толстой говорит о глазах, они — «добрые», «ясные», «правдивые», «прекрасные», «умные». А вот портреты представителей имущих сословий. Купец-присяжный — «высокий, толстый»; старик Корчагин — «жирная шея», «упитанная генеральская фигура»; Масленников — «жирное и красное лицо», «сытое тело»; немец-управляющий — «сильный, перекормленный человек».

Итак, когда речь заходит о дворянах, чиновниках, купцах, офицерах, людях нередко умных и образованных, Толстой подчеркнуто пренебрегает отражением их духовной жизни, или, точнее говоря, отказывает их жизни в какой бы то ни было духовности. Здесь он редко упоминает о лице, а если и упоминает, то лишь о том, что оно «жирное и красное», «очень красное», «глянцовитое», «налитое». Это лицо может быть украшено «большими бакенбардами» или «нафиксатуренными усами», на нем могут быть «чувственные смакующие губы», но глаз будто и совсем нет. Как и в первом случае, Толстой широко пользуется напылением эпитетов, но там важнее всего глаза — «прекрасные», «добрые», здесь — тела — «полные», «толстые», «сытые». Писатель беспощадно ограничивает подобными эпитетами портретную характеристику этой группы персонажей романа. Он видит в них только потребителей, живущих чужим трудом, тела которых «упитанны», но души — мертвы. Все они поэтому одинаковы и отвратительны. Прозревшему Нехлюдову кажутся отталкивающими даже «прекрасные плечи и руки» Мисси, «великолепные мраморные плечи и руки и победоносная улыбка» матери на портрете.

Мы видим в «Воскресении» два мира и, соответственно, два способа типизации, а герой романа Нехлюдов поставлен автором на границе этих миров. Отсюда разнообразие приемов, применяемых Толстым для обрисовки этого образа. Нехлюдов — представитель общественной среды, осужденной Толстым, поэтому при его характеристике писатель щедро применяет обличительные способы изображения всего господского. Нехлюдов до «прозрения» изображен теми же средствами, часто даже теми же словами, что и другие представители господствующих сословий. Разница лишь в том, что он рассматривается подробнее, «крупным планом». Когда Нехлюдов появляется на страницах романа впервые, у него «гладкие белые ноги», «полные плечи», «толстая шея», «мускулистое, обложившееся жиром белое тело» — вот и весь портрет. Он состоит из тех же постоянных эпитетов, какие Толстой на всем протяжении романа раздает представителям господствующих слоев. Что еще есть у Нехлюдова, кроме сытого тела? — Вещи, великое множество вещей. О принадлежностях туалета Нехлюдова и обстановке, окружающей его, Толстой рассказывает чрезвычайно подробно — этот прием также служит для разоблачения не одного Нехлюдова, а всех, живущих, подобно ему, «праздной, развратной и самодовольной жизнью». Ни в «Войне и мире», ни в «Анне Карениной» изображение вещей не играло такой роли. В «Воскресении» же иначе не может быть, потому что роман целиком построен на контрастах: автор ни на минуту не позволяет читателю забыть, что «народ вымирает, привык к своему вымиранию, среди него образовались приемы жизни, свойственные вымиранию, — умирание детей, сверхсильная работа женщин, недостаток пищи для всех...». А в то же время у Нехлюдова «эликсиры, одеколоны, фиксатуары, духи»; бороду он расчесывает «двумя щетками», для зубов у него «душистое полосканье». У Нехлюдова «принадлежности туалета: белье, одежда, обувь, галстуки, булавки, запонки, — были самого первого, дорогого сорта». Так же подробно описана роскошная обстановка квартиры Нехлюдова, сервировка его стола: «На столе этом, покрытом тонкой крахмальной скатертью с большими вензелями, стояли: серебряный кофейник с пахучим кофе, такая же сахарница, сливочник с кипячеными сливками и корзина с свежим калачом, сухариками и бисквитами».

Такой подчеркнутый интерес к предметам обихода возникает у Толстого только тогда, когда, по его мнению, эти

предметы составляют основное содержание жизни героя. Ведь рассказывая, например, о первом приезде Нехлюдова в имение тетушек и знакомстве его с Катюшей, Толстой ни разу не упоминает о том, как он был одет, что ел за завтраком, обедом и ужином, каково было содержимое его чемоданов, хотя, наверное, и тогда молодой князь одевался не в рубище и голодом себя не морил. Но в то время главным для Нехлюдова была жизнь его ума и души, не вещи определяли суть его бытия, и потому о них — ни слова.

Иное дело — второй его приезд три года спустя, когда он уже отрекся от себя, стал жить «как все» и «находился в хроническом состоянии сумасшествия эгоизма». На этот раз вещи тут как тут, и вещи знакомые — перечисление повторяется почти дословно: «большой с серебряными крышечками несессер с огромным количеством склянок, щеток, фиксатуаров, духов и всяких туалетных инструментов». Вещи избличают своего владельца.

Интересны лексические средства, которыми Толстой характеризует душевное состояние своего героя на различных этапах повествования. Вспомним те страницы, где читатель впервые знакомится с Нехлюдовым. Нехлюдову «неприятен» намек горничной на его отношение к Мисси, «приятно и неприятно» письмо от управляющего имением — «приятно было чувствовать свою власть над большою собственностью и неприятно», что нынешнее положение столь явно противоречит его прежним взглядам на землевладение. «Неприятно» Нехлюдову сознание, что таланта к живописи у него не оказалось и начатая два года назад картина никогда не будет закончена. Он думает о «приятностях» брака с Мисси, но ему также «приятно», что он должен медлить с женитьбой.

Легко заметить, что Толстой часто прибегает к повторению какого-либо слова, несущего важную смысловую нагрузку. При каждом таком повторении слово это становится в тексте все заметнее, выпуклее. Для определения состояния Нехлюдова в период его «сумасшествия эгоизма» такие слова — *приятно* и, соответственно, *неприятно*. А ведь Толстой, в сущности, рассказывает не об одном утре Нехлюдова, а обо всем, что несколько последних лет наполняет его жизнь, и становится ясно, как эта жизнь пуста и незначительна, если ничто в пей не может вызвать в душе героя иного отклика, кроме убогих ощущений «приятности» и «неприятности».

В первый свой приезд в поместье тетюшек Нехлюдов «переживал то восторженное состояние, когда в первый раз юноша... познает всю красоту и важность жизни», он «испытывал слишком большую волнующую радость жизни», он видел «высшее духовное наслаждение» в жертве во имя нравственных требований. В то время для него «нужно и важно было общение с природой... философия, поэзия», «мир представлялся ему тайной, которую он радостно и восторженно старался разгадать...».

«Радость», «восторг», «духовное наслаждение», «мечты» — ничего этого нет у Нехлюдова, в начале романа просыпающегося в петербургской квартире. Но когда после встречи с Катюшей наступает прозрение Нехлюдова, которое, казалось бы, должно быть прежде всего болезненным от сознания причиненного зла, Толстой гораздо больше, чем о страдании, говорит о «радости пробуждения в себе духовного существа». Мир сильных и разнообразных чувств вновь открывается Нехлюдову, и это, несмотря даже на муки совести, — огромная радость. На всем протяжении романа: когда герой делает то, что должно — это радость и счастье, но стоит ему хоть ненадолго вернуться в свой прежний круг — все меняется. Всякий раз при соприкосновении с миром господ, из которого он вышел и с которым связан крепче, чем хотел бы, Нехлюдов испытывает стыд. Так было в отношениях с Mariette: «и привлекательно, и противно», «и приятно, и гадко в одно и то же время». В этом для Толстого доказательство возможности подлинного возрождения Нехлюдова: он уже понял, что все равно «гадко», даже если «приятно» — значит, его восприятие стало здоровее, значит, он способен устоять перед соблазнами своего прежнего образа жизни.

Нехлюдов близок Толстому, когда он преодолевает в себе эгоистическое и становится на тот путь, который Толстой считал единственно правильным. Такому Нехлюдову писатель живо сочувствует, вкладывает в его уста свои мысли, смотрит на мир его глазами, и потому порой трудно определить, где в романе кончаются размышления героя и начинаются — автора. Это сближение автора и героя придает роману-проповеди оттенок исповеди и одновременно может рассматриваться как один из способов характеристики героя.

Однако Толстой нигде полностью не доверяет повествование Нехлюдову. Это особенно заметно, когда Нехлюдов отступает на пути самоусовершенствования, ув-

лекшись тщеславным любованием своей добродетелью, соблазном все же сохранить земельную собственность или чарами Mariette. В этих случаях Нехлюдов из субъекта повествования превращается в объект сурового авторского анализа и осуждения, пример того, сколь многое должен победить в себе человек, извращенный «праздным, роскошным миром эксплуататоров», если он хочет спасти свою душу, воскреснуть. Такой пример должен быть предельно ясным, поэтому описания душевных борений Нехлюдова часто упрощены: «В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один — духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы и благо других людей, и другой — животный человек, ищущий блага только себе...». В двуедином замысле Толстого: обличить бесчеловечность современных порядков и показать духовное возрождение героя — вторая сторона слабее первой. Главным в «воскресении» Нехлюдова оказалось осуждение современных общественных отношений, связанные с этим гневные мысли, стыд за свое барское существование, словом — отрицание. В этом отрицании вся публицистическая острота романа.

Но что утверждает Толстой, кроме необходимости решительно порвать с эгоистическим образом жизни? «Духовный человек», пробудившийся в Нехлюдове, увидел своими глазами неразрешимые противоречия существующего общественного строя, и вот Нехлюдов находит «разрешение всего» в евангелии: «прощать всегда, всех, бесконечное число раз прощать»... Такая концовка романа, в котором каждая страница о том, что нет оправдания происходящему и терпеть больше нельзя, выдает бессилие религиозно-нравственного учения Толстого разрешить социальные вопросы. В. И. Ленин в статье «Л. Н. Толстой» писал: «Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 20, стр. 22).

Н. Н. ВАСЮЧЕНКО

использовать лексические, грамматические, стилистические возможности глагола в школьных сочинениях типа рассуждения литературно-критического характера.

Прежде всего, необходимо стремиться употребить в сочинении глагол, наиболее точно передающий смысл высказывания, то есть выбрать его из ряда глаголов-синонимов, оценить его лексические возможности, соотнести с содержанием. К сожалению, бывает так, что в сочинении один и тот же глагол повторяется несколько раз, автор не стремится разнообразить речь, не использует наличие в языке глаголов-синонимов.

Вот выдержки из сочинения «Характеристика Тони Тумановой по роману Н. Островского „Как закалялась сталь“»: „С Тоней Тумановой Павел встретился на берегу реки, когда он ловил рыбу... Вторая встреча произошла опять на берегу... Павка и Тоня стали часто встречаться, и Павка полюбил ее“.

Стоит ли из предложения в предложение повторять *встретился, встреча, встречаться*, если есть возможность использовать для передачи данного содержания глаголы, синонимичные слову *встречаться*?

Еще пример, из сочинения «Чичиков у Плюшкина»: „Подъезжая к усадьбе, он увидел развалившиеся ворота. За ними стоял дом Плюшкина. Когда-то этот дом был желтого цвета, а теперь он увидел его посеревшим, с забитыми окнами:.. Войдя в дом, Чичиков увидел человека, который возился с какими-то тряпками...“.

Почти в каждом предложении действие выражено глаголом *увидел*! Автор сочинения вовсе не стремится к отбору слов из ряда синонимов. Глагол в данном случае лишь называет действия, но не показывает, как воспринимал Чичиков Плюшкина и его хозяйство. Слишком нейтрален и мало выразителен глагол *увидел*, поэтому и неоправданно его употребление в каждом предложении.

Н. В. Гоголь, описывая приезд Чичикова в усадьбу Плюшкина, использует не только глагол *увидел*, но и другие: *заметил, не видывал, долго не мог распознать*.

Итак, прежде всего авторам сочинений следует более строго и требовательно относиться к отбору глагола для передачи действий, добиваться точности и ясности в выражении мыслей, стремиться разнообразить речь и, главное, отбирать слова из ряда глаголов-синонимов в точном соответствии с замыслом сочинения.

Богатыми изобразительными и стилистическими воз-

возможностями обладает не только глагольное слово, но и его формы. Они взаимодействуют, соотносятся друг с другом, допуская в ряде случаев синонимическую замену, параллельное употребление. Таким образом, речь идет о синонимии грамматических форм и конструкций. Например, для передачи значения прошедшего времени мы можем употребить не только форму прошедшего времени *крикнул*, но и форму будущего времени *Он вдруг как крикнет*, а также формы типа *А он ну кричать*, *Возьми да и крикни*. Часто в значении прошедшего времени употребляются глагольно-междометные формы *Он толк меня под руку*.

Ряд синонимичных форм обнаруживается и в системе наклонений глагола — повелительная форма в значении формы условного наклонения *Не приходи я вовремя, не узнал бы о случившемся* — и в сфере других глагольных категорий. Наличие синонимичных, взаимозаменяемых глагольных форм и конструкций не только создает условия для отбора языковых средств, но и требует этого.

И в данном случае при анализе школьных сочинений мы редко находим примеры умелого и грамотного использования изобразительно-выразительных возможностей грамматических категорий глагола. Так, даже при написании сочинения-рассказа о случившемся или увиденном школьники редко используют формы, которые передают неожиданность, резкость, стремительность действия: *как крикнет*, *ну махать*, *прыг*, *возьми да и прыгни* и другие; оживляют повествование (настоящее или будущее время глагола в значении прошедшего — *иду я вчера по улице...*); указывают на обобщенный характер действия *встаешь рано утром...*, то есть показывают отношение говорящего к тому, о чем он рассказывает.

Нужно глубже изучить грамматические особенности глагольных форм и правила их употребления в различных речевых ситуациях. Если же пишущему неизвестны особенности и правила употребления в речи тех или иных средств языка, то его сочинение будет слабым не только по форме, но и по содержанию. Знание способов передачи разнообразных оттенков значений с помощью средств языка, как лексических, так и грамматических, облегчает задачу автора сочинений, так как при отборе языковых средств он действует не только интуитивно, но и сознательно, что положительно сказывается и на содержании сочинения.

Все это необходимо помнить и при написании такого сочинения, как рассуждение литературно-критического

характера. Сочинение такого типа — это анализ прочитанного и рассуждение по поводу прочитанного. В нем мы раскрываем сущность представленных в произведении характеров, анализируем содержание, выявляем идею и проблематику произведения, размышляем о судьбах своей страны, пытаемся определить точку зрения автора на изображенные события и явления. В связи с этим, в сочинении приходится описывать портрет и характер героев, показывать свое отношение к ним и к произведению в целом, приводить примеры из текста и так далее. Могут ли в этом помочь сведения об особенностях употребления средств языка? Безусловно. Покажем это на примере глагольных форм и категорий. Известно, что при описании внешности человека, его характера, а также при описании сущности какого-либо явления, как правило, употребляется форма настоящего времени глагола. В данном случае в настоящем времени обозначают действие или состояние, обычное для субъекта или явления. Глагол становится средством характеристики действующего лица, средством описания предмета или сущности изображаемого явления. Не следует думать, что другие временные формы не принимают участия в создании портрета и характеристики человека. Например, глаголы прошедшего времени совершенного вида употребляются для описания качественного состояния предмета или качественной характеристики человека (он *похудел*, он *погрустнел* — сравните: *стал худым, стал грустным*). В этой же функции могут выступать и глаголы прошедшего времени несовершенного вида (*любил стихи, увлекался историей*).

Однако, формы прошедшего времени чаще употребляются в языке художественной литературы. В литературно-критических статьях (и в школьных сочинениях на литературную тему) для портретных зарисовок и характеристики действующих лиц чаще используются глаголы в форме настоящего времени, так как с их помощью можно представить более отвлеченные понятия, передать большую степень обобщения действия: ведь в данном случае мы представляем результат анализа обобщения фактов, описанных в произведении.

В отрывке из статьи Н. А. Добролюбова „Луч света в темном царстве“ речь идет о характере Катерины: «У ней мало знания и много доверчивости, вот отчего до времени она не выказывает противодействия окружающим и ропщется лучше терпеть, нежели делать назло им. Но когда

она поймет, что ей нужно, и захочет чего-нибудь достигнуть, то добьется своего во что бы то ни стало: тут-то и проявится вполне сила ее характера...». Н. А. Добролюбов использовал в данном случае не только глаголы настоящего, но и будущего времени. Здесь глаголы будущего времени употреблены в прямом значении, обозначая будущие действия и события. Но глаголы будущего времени могут служить и для образного описания предмета или явления. Вот как изображена творческая манера И. А. Гончарова в статье Н. А. Добролюбова „Что такое обломовщина?": «Талант его неподатлив на впечатления. Он не запоем лирической песни при взгляде на розу и соловья; он будет поражен ими, остановится, будет долго всматриваться и вслушиваться, задумается». Здесь формы будущего времени употреблены в переносном значении, на месте форм настоящего времени (сравните: он *всматривается, вслушивается, задумывается*). Сделано это не случайно: форма будущего времени позволяет более образно, зримо представить специфические свойства писательской манеры И. А. Гончарова.

К сожалению, в сочинениях учащихся мы зачастую не находим грамотно выполненных портретных зарисовок и умелой характеристики действующих лиц. Вот как описан Собакевич в одном из сочинений: «Вид Собакевича вполне соответствовал виду поместья. Он, любящий все крепкое и добротное, сам был похож на медведя. Лицо его было как красный каленый пятак. Оно было словно грубо вырублено топором. Походка у него тоже была совершенно медвежьей». Сравним, как об этом же написано в книге С. Машинского «„Мертвые души“ Н. В. Гоголя» (М., 1966): «В доме Собакевича все удивительно напоминало его самого... Вещи предстают перед читателем словно живые, обнаруживая „какое-то странное сходство с самим хозяином дома“, а хозяин, в свою очередь, напоминает „средней величины медведя“. И смотрит он как-то искоса, по-медвежьи. И фрак на нем медвежьего цвета, и по-медвежьи он ступает... Грубой животной силищей веет от этого существа...». Автор видит Собакевича и показывает его нам таким, каким он увидел его в поэме Н. В. Гоголя. Он не просто пересказывает текст, но и обобщает, делает выводы, рассказывает не только о внешности, но и о сущности героя. Немалую роль в данном отрывке играют глаголы (в частности, глаголы настоящего времени), которые помогают ясно и четко, образно передать его содержание.

Здесь, помимо всего прочего, ясно ощущается отношение автора к тому, о чем он рассказывает, стремление передать свое восприятие прочитанного, чего порой не увидишь в школьных сочинениях. Вероятно, поэтому в них отсутствуют разнообразные глагольные конструкции, способствующие передаче эмоциональных переживаний и настроений: конструкции с обобщенным характером действия (их организует форма 2-го лица единственного числа глагола); конструкции с побудительным значением (*взгляните, посмотрите*); конструкции с двойным отрицанием при глаголе (*нельзя не заметить*); безличные конструкции эмоционального характера; конструкции с употреблением глагольных форм в переносном значении.

Следует также обратить внимание на возможность и необходимость употребления в сочинениях глагольных конструкций, свойственных книжной речи: безличных конструкций (*уже говорилось, следует обратиться, можно предполагать, легко убедиться*); страдательных оборотов (*мастерски ведется повествование, образ создается..., описывается разговор*); неопределенно-личных конструкций (*много пишут, часто говорят, ее уважают и почитают*).

Заключая разговор о роли глагола в передаче разнообразных смысловых, эмоциональных и стилистических оттенков, обращаем внимание учащихся на необходимость изучения сведений о нормах, правилах и особенностях употребления в речи языковых явлений. Это приведет к умению грамотно и целесообразно использовать их возможности при выполнении речевых заданий различного характера.

Н. А. ИПОЛИТОВА

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● ДОСТИЧЬ И ДОСТИГНУТЬ

А. Г. Куликов из г. Бердянска спрашивает: «Как будет правильно: *достичь* или *достигнуть* успеха?».

В современном литературном языке четыре глагола имеют в инфинитиве две параллельные формы на *-чь* и на *-ть*: *достичь* — *достигнуть*, *застичь* — *застигнуть*, *настичь* — *настигнуть*, *постичь* — *постигнуть*. Исконно литературными считались глагольные образования, восходящие к инфинитиву *стигги* — *стигнути*, тогда как формы на *-чь* (*достичь*, *постичь*), хотя и выступали в языке с ранних пор, тем не менее прав литературных форм не получали. Так, академик С. П. Обнорский в книге «Очерки по морфологии

русского глагола» (М., 1953) писал о том, что «формы *достичь* и *под.* не могут считаться вполне литературными». Академическая грамматика квалифицирует их следующим образом: формы «*достичь, застичь, настичь, постичь* более присущи разговорной речи и просторечию» (Грамматика русского языка, т. I. М., 1953).

В языке художественной литературы XVIII—XIX веков оба варианта были широко распространены. У Кантемира читаем: «Достигнуть корень самая правды», «И в пристань *достичь*, где час кончится ужасный» (Сатира II. На зависть и гордость дворян злонаправных), «*Достичь* злу кончину» (Песнь III. На злобного человека); у Пушкина: «Он может мщением отца *Постигнуть* гордого злодея» (Полтава) и «Мы берегов *достичь* успели» (Братья-разбойники).

Инфинитив на *-чь* широко употреблялся многими классиками XIX века: «Ах, как игру судьбы *постичь?*» (Грибоедов. Горе от ума); «Я?.. нет, я не то,— сказал Манилов: — но я не могу *постичь...*» (Гоголь. Мертвые души).

В наше время, как и в XIX веке, в письменном литературном языке употребляются оба варианта: «Она не удивлялась, не гневалась и не пыталась, подобно своим коллегам, *достичь* сложную душу преступника» (Ю. Нагибин. Как трудно быть учителем); «...С подарками там многого *достичь* можно» (А. Кузьмин. У золотых ворот). В газетной и журнальной речи также употребительны оба варианта: «Здесь можно... *достичь* перевалов и вершин, на которые не ступала нога человека» («Турист», 1974, № 11) и «Потребуется шесть часов, чтобы *достичь* северного берега озера Дюпкун» («Турист», 1974, № 7).

Стремление к экономии языковых средств, как известно, в отдельных случаях решает судьбу вариантов в пользу более коротких, лаконичных форм. Как показывают наблюдения, в газете чаще отдается предпочтение вариантам на *-чь*: *достичь* успеха в переговорах, *достичь* более высокого уровня производства, *постичь* тайны своего ремесла. Оба ряда вариантов (*достичь* — *достичь* и подобные) тождественны по значению, но стилистические оттенки в их употреблении все же сохранились. Варианты на *-ть* (*настичь* врага, *постичь* смысл его речей, *достичь* крупных успехов в экономике) воспринимаются как «книжные» формы, обладающие более «высокой» стилистической окраской, и поэтому свойственны строгим стилям литературного языка. Вариантам на *-чь* в большей степени свойствен налёт разговорности. В словарях трудностей («Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка», Л., 1973; «Словарь трудностей русского языка», М., 1976) оба варианта признаются литературными.

Л. К. Граудина

ИЗБОРНИК 1076 ГОДА

Продолжаем начатый в предыдущих номерах журнала разговор о древнейших памятниках русской письменности.

В этом году Изборнику 1076 года исполняется 900 лет.

О том, как и где был найден этот ценнейший памятник древнерусской культуры, какие интересные страницы далекого прошлого русского народа он открывает перед нами, рассказывает читателям заведующая Отделом древних рукописей Государственного Исторического музея в Москве, доктор исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР Марфа Вячеславна Щепкина.

т XI века до нас дошли две рукописи с названием — Изборник. Старшая из них — Изборник Святослава 1073 года — написана для великого князя Святослава Ярославича. Эта роскошная рукопись листового формата на хорошем пергамене, украшенная орнаментом византийского стиля и пятью миниатюрами, издана полностью в 1880 году. Она является списком со старославянского оригинала и по содержанию представляет собой научную византийскую энциклопедию IX века, переведенную для болгарского царя Симеона (897—927).

Вторая рукопись — Изборник 1076 года, написана на русском языке, содержит ряд русских статей, а из греческих, переводных, включает частью уже известные по Изборнику 1073 года.

Рукопись 1076 года имеет очень скромный внешний вид, написана на грубом пергамене желтоватого цвета. Листы рукописи в малую четверку (16×12 см) и не все сложены пополам по корешку, часть из них представляет собой два листа, скрепленные вместе,

Переплет рукописи (доски в коже с простейшим тиснением) не первоначальный, относится, по-видимому, к XV веку. В художественном отношении рукопись проста.

Перед текстом — сильно стершаяся большая заставка византийского стиля в форме буквы «П». Две малые заставки (л. 28 об. и 228) — в виде орнаментальной узкой полоски. Основным украшением рукописи являются большие, средние и малые инициалы, из которых наиболее многочисленную группу составляют киноварные малые инициалы, стоящие, как правило, на поле, в начале абзаца.

Средние инициалы стоят в начале новых разделов статьи или перед небольшими статьями. Большие инициалы начинают каждую новую статью и отличаются тонким и четким рисунком. Отдельные инициалы утратили свое первоначальное изящество из-за позднейшей грубой и небрежной раскраски. Без раскраски в рукописи сохранились инициалы: *Д* (л. 1) и *С* (л. 5).

На листе 108 об. — искусно выполненный киноварью рисунок, изображающий грифона и леопарда, стоящих друг против друга. Головы животных повернуты назад. Пасть леопарда раскрыта и правая передняя нога вытянута вперед (см. рисунок на 4 с. обложки).

Остальные рисунки, очевидно, внесены в рукопись позже пером реставраторов, переписчиков или ее читателей. В художественном отношении они не представляют интереса.

Первоначально рукопись имела 289 листов (один из них переплетный, свободный от текста). Они были собраны

Более 50 лет своей творческой деятельности посвятила Марфа Вячеславна работе в ГИМе, продолжая дело, начатое еще ее отцом Вячеславом Николаевичем Щепкиным, известным русским ученым-славистом, языковедом, палеографом. (Читателям будет интересно узнать о том, что отец Марфы Вячеславны приходился внуком великому актеру М. С. Щепкину).

Труды Марфы Вячеславны Щепкиной получили широкую известность и признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Назовем лишь некоторые из них, имеющие огромную научную ценность, такие как: Болгарская миниатюра XIV века (Исследование Псалтыри Томича); многочисленные работы о «Слове о полку Игореве», исследование миниатюр Хлудовской псалтыри IX века, являющейся редчайшим памятником греческой письменности.

В настоящее время Марфа Вячеславна Щепкина продолжает работу в ГИМе, являясь постоянным консультантом по палеографии.

в 35 тетрадей по восемь листов каждая и одну тетрадь (XXXV) из девяти листов. В конце XIV — начале XV веков в рукописи насчитывалось 286 листов, о чем косвенно сообщает запись, сделанная на обороте первого листа, по-видимому, при заключении рукописи в последний переплет: «въ сех книгахъ С листов и восемь деса и шесть», где С обозначает цифру — 200. До настоящего времени сохранилось 276 листов. Тетради в рукописи были перепутаны, некоторые статьи разобщены, смысловая связь между ними нарушена.

Текст рукописи написан в один столбец по 13 строк на странице. Вследствие неоднократных попыток «реставрации» его древнее письмо почти наполовину скрыто поздними поновлениями.

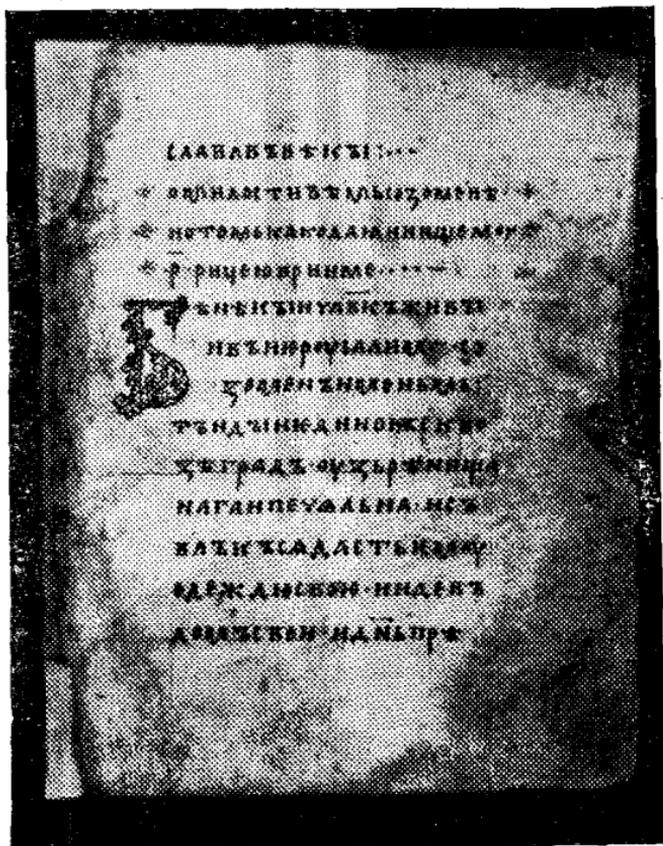
Установлено, что Изборник 1076 года написан двумя писцами. А сравнение и изучение почерков писцов наталкивает на некоторые суждения относительно их личности.

Первая часть рукописи написана легким, изящным, прямым, без наклона, почерком. Буквы не прижаты друг к другу, а расположены свободно. Второй почерк отличается от первого более крупным, тщательным написанием букв, которые как бы прижаты с боков и вытянуты с характерным наклоном влево. Красивый и уверенный почерк первого (основного) писца, который называет себя «грешным Иоанном» (л. 276) отличает в нем профессионала. О его высокой квалификации свидетельствуют и выполненные им кинноварные малые инициалы, и заглавия статей, и, по-видимому, большие рисованные и средние инициалы.

Рукой второго писца, имя которого неизвестно, выполнен меньший объем работы. В письме обилие исправлений (его же рукой), что выдает малоопытного в практике письма человека, а не писца-профессионала.

Рукопись известна с конца XVIII века как принадлежавшая историку князю Михаилу Михайловичу Щербатову. После смерти М. М. Щербатова, в 1791 году она вместе с другими его рукописями и книгами поступила в Эрмитажную библиотеку под № 20 как Изборник 1046 года, а в 1852 году была передана в Рукописный отдел Публичной библиотеки в Петербурге. Заведующий Рукописным отделом Публичной библиотеки Александр Иванович Ермолаев, большой знаток древних славянских рукописей, крупнейший палеограф начала XIX века, занимаясь исследованием рукописи, обнаружил неточность даты написания Изборника.

На листах 275 об.— 276 сохранилось послесловие писца с датой: «Коньчаша ся книги сия /роукою грѣшьнааго Иоана избърано из мьногъ книгъ княжихъ/ иде же криво братие /исправивъше чьтѣте./ благословите а не кльнѣте: аминѣ. /Кончахъ книжны

Большой инициал. Изборник 1076 г., лист 269

сия/ въ лѣт: **ЅФПД** лѣто. /при Святославѣ князи роусьскы земля: амипъ». В дате **ЅФПД** была сделана позднейшая подправка: буква **П** переделана на **Н**, то есть вместо цифры 80 получалась цифра 50. Поэтому вначале рукопись относили к 1046 году, и она была известна в литературе как Сборник 1046 г., Сборник Щербатова 1046 г., Сборник Святослава 1046 г., а позднее Сборник 1076 г., Изборник Святослава 1076 г., Святославов Изборник 1076 г. Позднейшее начертание буквы **Н** в дате противоречило упоминанию (в названии Изборника) о князе Святославе, который княжил в Киеве с 1073 по 1076 год, так что название «Изборник Святослава 1076 г.» ошибочно.

Упоминание в названии Изборника имени М. М. Щербатова, как уже говорилось, связано с ним, как с последним владельцем рукописи. Как и откуда попала она к князю Щербатову? Неизвест-

но. Род Щербатовых происходил из Черниговских Рюриковичей. Но если бы это была книга, доставшаяся ему от предков, он бы непременно упомянул об этом. Однако князь не оставил после себя никаких указаний о памятнике. Всего вероятнее предположить, как это и указано в исследовании В. С. Гольщенко, что рукопись могла попасть к М. М. Щербатову в период его работы над архивом кабинета Петра I (разобрать архив кабинета Петра I поручила Щербатову в 1768 году Екатерина II) или найдена им в каком-либо из казенных хранилищ, куда он имел доступ в связи с работой над «Историей российской от древнейших времен» (см. Изборник 1076 г., М., 1965, с. 125).

Изборник 1076 года привлек внимание многих русских ученых: Н. М. Карамзина, А. И. Ермолаева, А. Х. Востокова, И. П. Сахарова, К. Ф. Калайдовича, И. И. Срезневского, А. С. Архангельского и других. Ф. И. Буслаев дал из него с комментариями пять статей в Хрестоматии 1861 года и две статьи в Хрестоматии 1870 года. М. Н. Сперанский обратил внимание на то, что последовательность текста в Изборнике нарушена. Наконец, в 1887 году появилось издание В. Шимановского, которое вызвало резкую критику И. В. Ягича и других ученых, так как оно не передавало подлинного текста памятника. Шимановский в 1894 году дал 2-е издание, переработанное, но тоже неудовлетворительное.

Когда работу по подготовке текста Изборника 1076 г. возглавил Сектор библиографии, источниковедения и издания памятников, образованный в Институте русского языка АН СССР, никто не представлял себе, насколько она окажется сложной и трудной. Никакая транскрипция не могла восстановить текст, местами погибший, а местами требовавший особых методов прочтения. К счастью, в настоящее время пришла на помощь Лаборатория реставрации и консервации документов АН СССР в Ленинграде. При помощи фотоанализа, который проводился Д. П. Эрастовым (см. Изборник 1076 г. М., 1965, с. 129), все, что сохранилось от текста, было выявлено и прочитано. Главная беда была в том, что часть текста уже не поддавалась прочтению. Дело в том, что рукопись, по-видимому, не давали списывать (до нас не дошло ни одного списка). Владельцы ее старались сохранить текст и поручали наводить его заново. Таких наводок за XIV и XV века можно насчитать несколько. Установлена наводка обычными коричневыми чернилами. Затем наводка рыжими лишкими чернилами, которая давала отпечаток на противоположной странице, и наводка железистыми кислотными чернилами, которые оставляли зеленый ореол и проедали пергамен насквозь. Кроме вреда, который нанесен тексту наводками, он был местами поврежден «проявителем», который стали применять в XIX веке. Это был настой дубовых

орешков, действительно оживлявший стертые места и дававший возможность прочесть их. Но через некоторое время он закрывал восстановленное место темно-коричневым пятном, под которым уже ничего нельзя было рассмотреть.

Такая неоднократная систематическая наводка для сохранения текста встречена в русской древней письменности впервые. Она заставляет думать, что рукопись идет от какого-то значительного и уважаемого лица и была своего рода реликвией. Это предположение как будто подтверждается припиской, найденной на поле листа 143 об.: «Гине. Семене. даг ти. бѣ. ...молитвы. што деръжишь у себе /сия книги». Надпись относится к XIV веку и очень важна; она указывает на одного из ранних владельцев рукописи — господина Семена. К сожалению, она не дошла до нас полностью. В приведенной ее части, как мы видим, писец одобряет владельца за то, что тот старается сохранить текст книги.

Кто же в последней четверти XI века мог составить такую книгу поучений как Изборник 1076 года? Нашел решение этого вопроса русский ученый Николай Петрович Попов, бывший заведующий Синодальной Библиотекой в Москве. Он дал разбор содержания и стиля Изборника 1076 года и высказал мнение, что составителем был Иларион, митрополит киевский, позже ставший иноком-схимником Никоном. Говоря об авторе, Н. П. Попов отметил высокую степень его знаний и близость к князю Ярославу, что и давало ему возможность изучать книги княжеской библиотеки. В подтверждение своим догадкам Н. П. Попов сравнил язык и стиль Изборника и того произведения, которое точно связано с именем митрополита Илариона, — со «Словом о законе и благодати». Он доказал, что в обоих произведениях один язык и один стиль. И в том и в другом произведении использованы приемы русского народного поэтического языка (ассонансы). Как образец этого стиля, он привел описание звездного неба из отрывка, носящего название «Стаго Василия о благо хвалении»: л. 264: «съкончяюшту ся дни похвали га слнце въ дъне даровавъшааго на просвѣштение. огонь же даровавъша въ ношти на вьсю потребу и службу»; л. 264 об.: «Егда же възьриши ноцью на небо и на звѣздную красоту молися владыць богу добрууму хытрыцу. Заутра же освѣштаемъ припади къ тварьцю своему давъшууму ти и съ днь на приложение животу».

Благодаря фотоанализу, мы теперь знаем, что Изборник не является списком, что это — сам оригинал. Выяснено, что работали над ним два писца, и один из них — «грешный Иоанн», которым мог быть до пострижения Иларион (при первом пострижении да-

валось имя, начинающееся на ту же букву, что и первое: Иоанн — Иларион). Известно также, что Иларион в миру был священником села Берестова. Уходя с митрополии Киевской, он принял второй постриг-схиму, и тогда ему было дано имя по имени святого того дня, когда он постригся. Имя это — Никон (см. М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913).

Мы не можем сказать, когда он начал писать свой Изборник. Знаем только, что писался он постепенно, отдельными тетрадами, которые были сшиты под конец работы. Открывается Изборник «Словом некоего калугера о чтении книг». Калугер означает инока, но какого — Илариона или Никона? Предполагаем, что книга была начата давно, может быть, в бытность его священником в селе Берестове, почему он и указал свое мирское имя — Иоанн.

В своем Слове калугер высказывает большое уважение к книге — сокровищнице знаний: «Добро есть, братия, почитание книжное... Красота воину оружие и кораблю ветрила — тако и праведнику почитание книжное». В этих словах мы чувствуем, как высоко умели ценить знания русские люди XI века.

В пользу предположения об авторстве Илариона говорит и сам текст. Из него мы узнаем о твердом убеждении автора — уважать князя, выполнять его повеления. У Никона было столкновение с князем Изяславом Ярославичем, без разрешения которого он постриг Варлаама — сына знатного дружинника Яна Вышатича и одного из управителей князя Изяслава — Ефрема. На возражения князя Никон ответил, что получил повеление свыше, поэтому не мог руководствоваться пожеланиями князя. В этом поступке внешне может показаться, что Никон отступает от своих убеждений — внимать повелениям князя. Но когда Святослав изгнал Изяслава и занял его место, Никон не захотел признать его, оставил Киев и вернулся только после смерти Святослава. Никон считал, что свержение законного князя ведет к междоусобицам и нарушает мир.

В пользу авторства Илариона (Никона) говорит и послесловие Изборника: «При князе русския земли Святославе». Как видим, писец не признает и не называет его великим князем Киевским.

Остается вопрос, кому была оставлена Никоном — Иларионом книга. Из таких лиц нам известен только Ян Вышатич, потомок Добрыни. Он был еще жив в 70-х годах. Сын его Варлаам, постриженный Никоном, — игумен Дмитровского монастыря, умер раньше отца, возвращаясь из поездки в Константинополь. Кто наследовал Яну? Мы напоминаем только, что в XIV веке книга принад-

лежала господину Семену, который знал, по-видимому, происхождение рукописи, ценил и берёг ее.

В XV веке этот род переселился в центральные и северные области страны: в Москву, Владимир или Новгород. Вполне возможно, что с одним из числа приближенных последних потомков древнего рода и пришла эта рукопись в один из монастырей центральной Руси, а позже — в библиотеку князя М. М. Щербатова, далее — в библиотеку Эрмитажа, Государственную Публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Рукописном отделе которой она и хранится.

Изборник 1076 года состоит из поучений нравственного характера: о добродетельной жизни, о кротости, смирении, любви к ближнему, о милосердии, о помощи словом и делом всякому, кто в ней нуждается.

Автор извлекает эти поучения не только из книг, но и из жизни, из обычаев, бытовавших в русском народе.

Не будем останавливаться на статьях, восходящих к переводам с греческого, они разобраны в работе В. Ф. Дубровиной (см. Изборник 1076 г., М., 1965, с. 703—837), мы приведем лишь ряд текстов, характерных для поучений Изборника 1076 года, рисующих русскую действительность XI века.

Почения о милосердии и любви к ближнему:

Наказание богатымъ: яко елико великимъ съподобилъ еси отъ ба благимъ. тольма и большая длъжьнь еси въздаяти (л. 24);

Тако оубо себъ друугы и съвѣтъники имѣи. иже не въся глаголемая тобою хвалять нѣ соудъмъ правдынымъ тыштаться отъвштати ти (л. 25 об.);

Такъ боуди о своихъ рабѣхъ яко же молишися тебѣ богу быти (л. 27);

Насыттяи тѣло свое: дажъ чясть отъ трапезы ты твоея души свое и, яко та чыстѣчници тѣла есть, даждь же да душевную часть нищи и хранять... (л. 40 об.);

Насыття ся многосластьянааго пития помяни пиюштааго теплоу воду отъ слънца вѣстопѣвшу и тоу же пороха нападышу отъ мѣста не завѣтрѣна (л. 41);

Възлегъ на многомякъцѣ постели. и протрано протягаяся помяни наго лежаштааго подъ единъмъ рубъмъ и не дръзнушта ногу свою прострѣти зимы дѣля (л. 41 об.);

Лежащю ти въ твърдо покръвенѣ хранинѣ слышащю же ушима дъждевное множество. помысли о убогихъ како лежать ныня дъждевными каплями яко стрѣлами пронажаеми. а другыя отъ неусновения сѣдяшта и водою пѣдыты (л. 43);

Сидяшту ты въ зиму въ теплѣ хранинѣ и без боязни изнаживъшуся въздѣхни помысливъ о убогихъ, како клячатъ надъ малымъ огоньцымъ съгъчивъшеся, большу же бѣду очима отъ дыма имуште. руцѣ же тѣкмо съгрѣвающе: плешти же и все тѣло морозымъ измързѣше (л. 42 об.);

Болящаго посети, неси, его же хоцет въкусити; сам же послужи о немъ аки о своемъ сѣрдоболи, ведии яко и ты такоже имашаи пострадати (л. 52 об.);

Помни судъ, чани отвѣта и въздаяннн по дѣломъ и вѣруи яко будетъ будеть! (л. 44 об.);

После учения о милосерднн и любви к ближнему нас поражаютъ чисто феодальныя *воззрениа писца на власть имущихъ*:

Покланнн главу свою всякому старѣишуму тебе и врѣменьмъ и разумьмъ, съмѣреннн бо воздвигнетъ господь (л. 45 об.);

Князя боися всею силою своею: нѣсть бо страхъ его пагуба души нѣ паче научишися отъ того и бога боитися.

Небрѣжение же о властѣхъ — небрѣжение о самомъ бозѣ иже на власти землнѣ поученнн видимаго владыкы не боися, како невидимааго убоитися?

Боитися ученикъ учителява слова, паче же самого учителя; тако же боися бога боитися и князя, имѣ же казннться съгрѣшнющннн; князь бо естъ божнн слуга къ человекумъ, милостью и казнью злымъ (л. 46);

Аште имееши дерзновение къ властелемъ и къ княземъ поскѣрби о обидимемъ отъ сильнаго (л. 53 об.);

Аште ли незнаемъ еси князьмъ си, то къ темъ иже имуть дерзновение къ нему, потужи о убоземъ и господь равно по първому се вмѣнитъ ти (л. 54).

М. В. ЩЕПКИНА

Рукописный словарь XVII века

XVII век оставил нам богатую рукописную литературу. Своеобразный ее раздел составляют многочисленные словари, получившие общее название азбуковников или алфавитов иностранных речей. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» (Вып. I (А — Б), М., 1975) азбуковником назван «Сборник слов, толкуемых нравственных сентенций, расположенных в азбучном порядке». Алфавит, по определению того же словаря, — «сборник толкуемых слов, расположенных в алфавитном порядке».

В Отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (фонд Н. С. Тихонравова) под № 1 хранится неопубликованная рукопись — Азбуковник XVII века, на 32 листе которой помещен «Алфавитъ, сказующи толкование иностранныхъ речей...». Этот Алфавит интересен как тип старорусского филологического труда — словаря иностранных слов конца XVII века (см.: «Азбуковники», «Русская речь», 1967, № 5). Начало рукописи, вероятно, утеряно, и ее текст начинается вступлением, в котором автор сообщает о цели своего труда: объяснить непонятные слова священного писания, «понёже, мы словяне много погрѣшаемъ мнози и пѣшуще и глаголюще невѣдуще истиннословія своего словѣнского языка...». Далее приводятся случаи неправильного толкования значений библейских слов, и кроме того, автор обещает рассказать о разнице в употреблении словосочетаний *руцѣ твоей* — *руки твоей*; *руки твоей* — *руки твоя*, а «...ради рачителей разумнаго

остроумия»... в конце некоторых букв будут вписаны «иностранные речи».

Общее число словарных статей рукописи составляет приблизительно 4000. Из них около 400 содержат перевод личных имен с реальным или символическим толкованием их. В остальных раскрывается значение богословских понятий, терминов, толкуются названия народов, стран, животных, денег, мер, явлений природы, одежды, орудий труда, приводятся целые фразы на греческом языке.

В конце рукописи находятся выписки такой тематики: счет по-грѣчески, чины прѣковныя, имена волхвѣмъ персидскимъ и т. п.

Из всего многообразия статей азбуковника наибольший интерес в лингвистическом отношении представляют собой статьи, раскрывающие значение нарицательных имен. Именно в них отразились попытки средневековых лексикографов наиболее рационального построения словарной статьи с объяснением значений чужих слов богатыми средствами родного языка. Алфавиты были первыми образцами толковых иноязычно-русских словарей.

Автор азбуковника черпал сведения о незнакомых ему предметах из различных источников. Отчасти поэтому предмет мог быть обозначен одним, двумя, даже тремя наименованиями. Достаточно многочисленны случаи объяснения иностранного слова простым переводом.

В составе толкующей части азбуковника оказалось немало диалектных слов, значения которых полностью не совпадали: *клябся*, *подярѣмникъ*, или *лбшадь*; старославянское *клябся* — «лошадь». Сравним в другом списке алфавита: *подярѣмникъ* — «возовой волъ», (Собрание Тихонравова 299 (173)). *Лотыги*, *шпыни*, *лытатели по грабѣмъ* и *по селомъ*; *лотыга*, *лотрига*, *лотырь* — «гуляка, расточитель» — известно южным и западным говорам русского языка (см. В. И. Даль, II); *шпынь* — «колючий насмешник, остряк, шут», в тех же говорах (см. В. И. Даль, IV); *лытать* — «уклоняться от дела, бегать от работы» и т. п.

Значение книжного, церковнославянского по происхождению, слова в азбуковнике может быть раскрыто через его синоним (*отщепенство* — *отступление*). Или диалектное слово толкуется через книжное, например, *возница* — *колесница*; *школа* — *спона*. Отдельные диалектные формы объясняются путем подбора ряда диалектизмов: *лотыги* — *шпыни*, *лытатели*.

Целый ряд статей азбуковника интересен тем, что русский книжник описывает предмет или явление путем подбора родовых определений, особенно в тех статьях, которые раскрывают значение слов, близких к терминологическим: элементы тол элементами, нарицають еллини д (четыре) стихии, огонь, воду, воздухъ, землю;

форма тол лиало, немже льютъ слова оловянные печатныхъ книгъ; польск. forma. Гораздо реже дается объяснение термина путем калькирования чужого слова. Этот прием достаточно широко использовался в притекстовых словарях (словоуказателях к тексту) XVI века и был обусловлен самим характером словаря — в них значение выписанного слова было связано с контекстом. Азбуковники представляют собой более высокую ступень развития лексикографической культуры обработки слова, поэтому в них калькирование или единично, или служит филологическим целям: «архиграфос, надпищики рѣкше диакъ разрядной, или подячей болшой». Калькирование церковнославянского по происхождению слова *стремглавъ* оказалось очень своеобразным: *стремглавъ*, *ввѣрхъ ногами*. Сравните *стрѣмъ главою*, по данным Срезневского, «вниз головою».

Иногда автор азбуковника как бы любителю понравившимся ему словом (поэтическим образом), объясняет подробно его значение, соотносит мир понятий, предметов и в заключение с ошутимой горечью сопоставляет эти образы с человеческими качествами: «гѡворъ водный тол волна морская яже падымається акы пузырь. Приравившижеса по камени и ко брѣгу в пѣны разходится. Сему подобны и гордящися в санѣхъ великихъ. Пришедъши об на нихъ напасти вся гѡрдость ихъ рассыпается».

Автор словаря старается разграничить значение однокорневых слов и делает это достаточно образно и тонко: «житиѣ и жѣзнь, тол житие наричѣтся повѣдание ѣже каковѣ кто отца и кѡего града и кѡего племене, и кѡея вѣры бѣ; жѣзнь же нарицается сказаніе ѣже како ктѡ бѡгови угодилъ кѡими подвиги и кѡими труды жѣзнь своѡ препроводилъ и кѡими добродѣтелями сияше».

Любознательность автора азбуковника, его пристальное внимание к слову проявились и в том, что здесь мы имеем едва ли не самый ранний опыт толкования омонимов: *каркѣнѣ*, *рѣкѣ*: «Есть же каркѣнѣ и болячка злая, тако нарицаема».

Лингвистическая содержательность словарных трудов старорусского периода в последнее время получает все большее признание. И несомненно важными окажутся наблюдения над обширным материалом по становлению синонимических рядов в русском языке того времени, если эти факты будут извлечены из многочисленных списков азбуковников.

Лексический материал азбуковников имеет научное значение для исследования лексико-стилистической системы русского языка XVII века. Высокой оценкой их содержания служат обильные цитаты из азбуковников и алфавитов в «Словаре русского языка XI—XVII вв.».

Л. М. АФАСИЖЕВА
Майкоп

Изборнику 1076 года — 900 лет

14—15 июня в Ленинграде проходила научная конференция, посвященная 900-летию рукописи Изборника 1076 года. Она была организована Отделом рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и кафедрой русского языка филологического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова и собрала широкую аудиторию ученых — историков, филологов, палеографов, искусствоведов — нашей страны, гостей из Австрии и США.

Тематика конференции охватывала широкий круг проблем, связанных с всесторонним изучением одного из самых замечательных и древнейших памятников восточнославянской и в широком смысле ранней славянской письменности. Большое внимание было уделено вопросу о месте Изборника 1076 года в ряду современных ему книжных памятников и, прежде всего, сопоставлению с Изборником Святослава 1073 года.

Во вступительном слове ака-

демик Д. С. Лихачев (Ленинград) говорил об огромной культурной и научной ценности Изборника 1076 года — старейшей из сохранившихся древнерусских книг для чтения — и поставил перед будущими исследователями задачу: выявить источники для каждой статьи Изборника, который, по словам его писца, был составлен «из мног книг княжих». Это даст возможность определить, какие именно книги входили в «библиотеку» Киевского князя. Д. С. Лихачев высказал мысль о том, что Изборник 1076 года, судя по его малому формату, а также относительной скромности исполнения по сравнению с такими роскошными парадными рукописями, как Остромирово евангелие и Изборник 1073 года, мог быть собранием любимых чтений, своеобразной «библиотекой в миниатюре», которую князь брал с собой в военные походы.

Исследовав миниатюры, заставки, инициалы современных Изборнику 1076 года восточнославянских иллюминированных рукописей — Остромирова евангелия 1056—1057 годов и Изборника 1073 года, а также инициалы самого Изборника 1076 года, доктор исторических наук О. И. Подобедова (Москва) в докладе «Книжная культура Киевской Руси времени создания Изборника 1076 г.» высказала предположение, что все эти руко-

писи были изготовлены и украшены в одной книгописной мастерской в Киеве. По мнению О. И. Подобедовой, на их украшениях сказалось влияние не только византийской, но и западной — романской — культуры. Для сравнения привлекались и славянские миниатюры Трирской псалтыри, которые, вероятно, тоже были исполнены в Киеве.

В докладе доктора филологических наук Н. Н. Розова (Ленинград) «Изборник 1076 г. как памятник русского языка, литературы и общественной мысли» говорилось о том, что Изборник дает ценные сведения во всех перечисленных аспектах изучения, о необходимости, в частности, шире привлекать материал Изборника как памятника общественной мысли. Н. Н. Розов привел отрывки из Изборника 1076 года, почти буквально совпадающие с некоторыми статьями «Домостроя» — книги XVI века.

Известно, что наряду с Изборником 1073 года, переписанным для князя Святослава с болгарского оригинала Изборника Симеона, есть ряд позднейших списков этого памятника. Изборник же 1076 года, возникший на восточнославянской почве, не только оригинален по составу, но и не имеет сохранившихся списков. Основываясь на близости состава Изборника 1076 года и одного из сборников XV века

собрания Погодина (ГПБ), Т. Н. Копреева (Ленинград) в докладе «Место Изборников 1073 и 1076 гг. в книжной традиции XV века» указала на то, что если Погодинский сборник и нельзя считать списком Изборника 1076 года, то, во всяком случае, можно предположить наличие общего для обеих рукописей протографа (протограф — текст, к которому непосредственно или через посредство немногих списков восходит изучаемый текст).

Впервые в русской науке Изборник 1076 года был упомянут в конце XVIII века историком М. М. Щербатовым, который ссылаясь на него как на рукопись из своей библиотеки (см.: М. Щербатов. История российская от древнейших времен, СПб., 1770). Доктор филологических наук Г. Н. Моисеева (Ленинград) в докладе «Из истории изучения Изборника 1076 года в конце XVIII века» рассказала о результатах своих архивных разысканий, которые привели ее к выводу о том, что Изборник, вероятно, хранился у князей Щербатовых как фамильная реликвия, к ним же рукопись могла попасть непосредственно из Киевской великокняжеской «библиотеки». Возможно, именно такой историей хранения рукописи объясняется отсутствие поздних списков Изборника 1076 года.

Доклад профессора Н. А.

Мещерского (Ленинград) «Изборник Святослава и Изборник 1076 г. (их состав и типология)» был посвящен сопоставлению этих двух памятников — с одинаковым названием, написанных почти одновременно и в одном и том же месте, и, тем не менее, разных. Н. А. Мещерский привел ряд убедительных доказательств того, что Изборник 1076 года был составлен именно древнерусским автором. В отличие от Т. Н. Копреовой, Н. А. Мещерский не считает возможным говорить о типологическом родстве Изборника 1076 года и Погодинского сборника.

О. А. Черепанова (Ленинград) в докладе «Лексика нехристианского мировоззрения в Изборниках 1073 и 1076 гг.» рассмотрела некоторые тематические пласты той части лексики Изборников, которая была связана с языческими верованиями на Руси.

В коллективном докладе В. С. Голышенко и В. Ф. Дубровиной (Москва) «Изучение Изборника 1076 г. и академическое издание памятника» была прослежена история изучения рукописи в русской филологической и исторической науке, были проанализированы недостатки двух первых изданий Изборника конца XIX века и показаны причины, вызвавшие необходимость новой публикации памятника. В. С. Голышенко

очень интересно рассказала о применении оптико-фотографических приемов при восстановлении угасшего текста. Исследование рукописи методом фотоанализа, осуществленное в Ленинградской лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР Д. П. Эрастовым при участии В. С. Голышенко — это пока единственный случай применения подобных методов работы при подготовке публикации рукописных источников.

Огромный интерес у участников и гостей вызвала работавшая в дни конференции выставка рукописных книг Киевской Руси из фондов Отдела рукописей ГПБ. На выставке можно было увидеть Остромирово евангелие 1056—57 годов и Изборник 1076 года — старейшие из датированных славянских рукописей, а также Благовещенский кондакарь XI—XII веков, Лаврентьевскую летопись 1377 года, Список XVI века Изборника 1073 года из Кирилло-Белозерского собрания и другие ценнейшие рукописные памятники.

Юбилейная конференция открыла новый этап в истории изучения Изборника 1076 года, так как вслед за ее докладами несомненно появится ряд новых научных исследований об этом замечательном памятнике нашей культуры.

Т. В. ШПЕКТОРОВА
Москва

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, № 1—5

Истратов — отчество от формы Истрат из канонических мужских личных имен Евстратий (через промежуточную форму Елистрат) и Каллистрат.

Каврайский — первоначально именование прибывшего из села Коврай (два села с этим названием находятся в Черкасской области Украинской ССР). Замена безударного *о* на *а* обусловлена акающим произношением русского литературного языка.

Каганцев — отчество от именования отца по месту жительства: в прошлом *каганцы* — прозвище жителей Черниговской губернии (сб. «Этнонимы». М., 1970).

Кадомский — первоначально означало приезжего из г. Кадом (ныне в Рязанской обл.).

Кадомцев — отчество от именования отца по месту жительства или службы, *кадомцев* — сын кадомца.

Кадыков — отчество от прозвища Кадык; слово *кадык* означало «выступ на шее ниже подбородка», прозвище отно-

силось или к человеку с большим выступом горла, или переносно к орущему, крикливому.

Кадыров — отчество от мусульманского мужского личного имени Кадыр (араб. *кадир* «всемогущий» — один из эпитетов Аллаха).

Кадышев — отчество 1) от именования отца по занятию: *кадыш* «бочарь, бондарь»; 2) от мордовского мужского личного имени Кадыш (из эрзян. *кадомс* «оставить, покинуть, прибереечь» — *ш* самый частый суффикс, образующий мужское личное имя в мордовских языках).

Каймаков — отчество от нецерковного личного имени Каймак (заимствовано из тюркских языков Поволжья, где нарицательное *каймак* «сливки с топленого молока»); фамилия документирована в Астрахани 1870 г.

Калабухов — отчество от прозвища (или нецерковного мужского личного имени) Калабух из нарицательного *калабух* «колобок, лепешка» (по Далю — тульск., тамбов.).

Калашников — отчество от именованния отца по занятию: *калачник* — пекарь или продавец калачей.

Капитонов — отчество от канонического мужского личного имени Капитон.

Капустин — отчество от церковного мужского личного имени Капуста, нередкого у русских в XV—XVI веках. Много примеров в «Словаре» Н. М. Тупикова (с. 173), с 1498 г.— Холоп Капуста и др.— фамилия (или еще отчество) — 1563 г. Утоян Андреев сын Капустин (с. 565).

Каракозов — отчество от тюркоязычного мужского личного имени Каракёз «черноглазый».

Карамышев — отчество от тюркского мужского личного имени Карамыш. По Н. А. Баскакову имя — из тюркского *корумыш* «защитивший» или *карымыш* «состарившийся» (Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения.— «Ономастика Поволжья», III, Уфа, 1973, с. 146), но фонетически вероятней — из *карамыш* «увидел»? У русских фамилия Карамышев документирована с 1410 года: нижегородский боярин Семен Карамышев (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских собственных личных имен. СПб., 1903).

Карпов — отчество от канонического мужского личного имени Карп (греч. *карпос* «плод»), рыба карп не имеет никакого отношения. В русском употреблении развились многие производные формы этого имени; отчества от них также стали фамилиями: Карпеев, Карпиков, Карпичев, Карпочкин, Карпунин, Карпухин, Карпушин, Карпушкин, Карпычев и другие, украин. Карпенко, Карпушенко, Карпович.

Качинский — фамилия возникла в украинском Полесье или в Польше, в г. Лодзь она известна в XVIII веке. Я. Манчинский в книге «Назви́ска лодзян» (1970) объясняет ее из *ката* «хата», но это ошибочно: наличие суффиксов *-ин, -ск* противоречит его объяснению. Фамилия явно образована от топонима, например, на севере Волынской обл. Украинской ССР есть село Качин.

Каштанов — возможны три совершенно различные этимологии: 1) отчество от прозвища Коштан с заменой безударного *о* → *а* в силу аканья русского литературного языка, диалектное *коштан* в русских говорах имело различные значения — «горлан на сходках», «плут», «доносчик», по и «ходатай по общественным делам»; 2) отчество от прозвища из прилагательного *каштановый* «ярко-бурый, красновато-коричневый», которое могло означать краснолицего или рыжеволосого; 3) из еврейской фамилии Каждап.

Кельдыш — по Н. А. Баскакову фамилия тюркского происхождения; *кельди* (*гельди*) «оп пришел», *-ш* суффикс ласкательности (Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. VII,— в сборнике «Этнография имен», М., 1971). Но ответ рано признать окончательным. Может быть поискать источник в финно-угорских языках (где есть марийское *кельде* «невод»? Суффикс *-ш* в волжско-финских языках — самый частый суффикс личных имен; конечно, этого еще слишком мало для решения, и фамилия остается одной из интереснейших антропонимических задач.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение в № 2 1977 г.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● ...ТОМУ НАЗАД или НАЗАД?

«В газетах, журналах и в устной речи часто встречается оборот *несколько лет тому назад*, *пять лет тому назад* и т. д. Но ведь слово *тому* в этом сочетании лишнее, ненужное. Как же правильно в таких случаях писать и говорить?» — спрашивает москвич В. И. Жильченков.

Действительно, в современном русском языке для указания на определенный промежуток времени, отделяющий какое-либо действие, событие от момента речи, широко распространена специальная конструкция, в состав которой входят устойчивое словосочетание *тому назад* или наречие *назад*, выступающие в роли предлога, и винительный падеж имени существительного, обозначающего единицу измерения времени (*минута, час, день, неделя, месяц*) или количественно-именного сочетания (*пять минут, два года*). Особенно интересно предложное употребление наречия *назад*, имеющего значение 'раньше', 'прежде' и выполняющего несвойственную наречиям функцию управляющего слова (ср. *колонна повернула назад и он возвратился домой неделю назад*). Иногда в речи одного и того же лица используются оба варианта этой конструкции: *«Восемьдесят лет тому назад Иван Соколов, пробираясь из Петербурга в Улошково, совершил, что пазывается, большую околесицу»*; *«Восемьдесят лет назад улошковские крестьяне... отказывались заводить пожарные „инструменты“, считая пожары божьим наказанием»* (Д. Кузовлев. В том же краю...).

Какой же из вариантов конструкции предпочесть? Действительно ли слово *тому* лишнее в сочетании *тому назад*? Чем, наконец, объяснить употребление наречия в несвойственной ему функции?

Устойчивое словосочетание *тому назад* восходит к особому типу предложения, построенного по строго определенной модели: указательное местоимение *то* в форме дательного надежа+название единицы измерения времени+глагольные формы *минуло, прошло, есть* (в значении 'минуло', 'прошло'). Это предложение могло употребляться как самостоятельное, так и в составе сложного, однако в любом случае значение указательного местоимения было конкретизировано либо предшествующим высказыванием, либо другой частью сложного предложения: «И язь, государь, с теми речми выехал из Литвы, уже *тому одиннатцать летъ минуло...*» (И. Пересветов. Сочинения); «*Тому несколько уже лет прошло*, как он без вести пропал» (Болотов. Записки); «Старый наш барин помер, *тому лет пять будет*» (Григорович. Антон-Горемыка). В конструкциях этого типа смысловое содержание высказывания заключается прежде всего в указании на начало действия или состояния, которое передается сочетанием названия единицы измерения времени и глагольной формы. Местоимение же *тому*, благодаря своей соотнесенности с остальной частью высказывания, называющей происшедшее действие или состояние, отсылает к исходной точке отсчета времени.

Однако значение указания на отсчет времени в обратном от момента речи направлении не является основным ни для глагольной формы, ни, тем более, для местоимения. Кроме того, глагольная форма в центральной (в смысловом отношении) части высказывания нередко опускалась: «*Тому лет двадцать*, как нас из цюлка перевели сюда...» (Пушкин. Капитанская дочка). Поэтому со временем для обозначения начала того или иного действия, состояния стали употребляться конструкции с наречием *назад*, основным значением которого как раз и является указание на отсчет чего-либо (в данном случае времени) в обратном от какой-либо точки направления. Примеры такого употребления наречия *назад* отмечаются с XVIII века: «Один из ваших философов, *тому уже несколько веков назад*, вступил в мою службу управителем дома...» (Жрылов. Почта духов); «Он приехал... в нашу губернию *лет шесть тому назад*» (Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву).

В современном русском языке сочетание местоимения *тому* с наречием *назад* представляет собой фразеологизм, выполняющий функцию предлога. Центр смыслового содержания фразеологизма *тому назад* заключен в его основном, опорном элементе *назад*. Это-то и позволяет опорному элементу фразеологизма выступать в той же функции, что и фразеологизм в целом. Таким образом, предложное употребление наречия *назад* возможно лишь потому, что оно является компонентом фразеологизма *тому назад*.

В современном русском литературном языке для указания на начало того или иного действия, состояния употребляются конструкции как с фразеологизмом *тому назад*, так и с предложным наречием *назад*. По нормам литературного языка стилистически равноправны и *пять лет тому назад* и *пять лет назад*. Но обыкновенно при сосуществовании в языке нескольких средств передачи одного и того же значения предпочтение отдается наиболее экономному. Поэтому в последние десятилетия для передачи данного значения все чаще употребляются конструкции с предложным наречием *назад*: «*Несколько часов назад у него была встреча с курсантами Омского училища гражданской авиации*» (А. Гиленко. Без предпосылок к предпосылкам); «*Впервые я увидел его лет десять—двенадцать назад*» (Н. Почивалин. А война все грохочет); «*Так шестнадцать лет назад, по словам наших гидов, выглядели город и трубка „Мир“*» (А. Коптяева. Северное сияние).

Более подробные сведения о фразеологизме *тому назад* можно почерпнуть из работы Е. Т. Черкасовой «О фразеологических единицах грамматического значения (*тому назад*)». — Известия ОЛЯ АН СССР. 1965, т. XXIV, вып. 6.

В. Н. Белоусов

● ШУТ ГОРОХОВЫЙ

Д. Д. Доверов из г. Красноармейска Донецкой области пишет: «В разговорной речи и литературе бытует выражение «шут гороховый» в значении «пустой, глупый человек». *Шут* — это понятно. Но что значит — *гороховый*? Почему именно *гороховый*? Почему, например, не *фасолевый*, не *чечевичный* и т. п.?»

Прилагательное *гороховый*, действительно, является в современном языке единственным устойчивым определением слова *шут*. В словарях прошлого века и диалектных источниках, однако, можно найти и другие, ныне полностью вышедшие из употребления, сочетания: *шут полосатый*, *шут выворотный*, *шут подновинский*, *шут балáкирев*. Определения подчеркивают необычность, пестроту, нарочитую небрежность и экстравагантность одежды шута: *полосатый* — костюм, сшитый из разных кусков материи; *выворотный* — вывороченный наизнанку, надетый шиворот-навыворот; *подновинский* — подновленный, заплатанный (ср. «*подновый кафтан, подновый сарафан, между новым и старым*» — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка). Возможно, и определение *балáкирев* также отражает подобную характеристику: ср. *балáки* — «куски холста, пришитые к внутренним сторонам (гачам) шаровар, в местах, где они трутся при езде верхом» (Словарь рус-

ских народных говоров, вып. 2). Слово *гороховый*, вышедшее победителем в конкуренции таких определений *шуга*, на первый взгляд, резко отличается от них.

Это первое впечатление, однако, оказывается неверным при более полном языковом анализе, позволяющем конкретизировать значение слова *гороховый* в нашем сочетании. В самом деле, вариантами последнего являются обороты *чучело гороховое* и *пугало гороховое*, прямое значение которых прозрачно — «пугало для птиц, выставленное на гороховом поле». О том, что слово *гороховый* в них надо понимать именно так, свидетельствует, например, народное сравнение *торчит меж людей, как пугало в горохе* (В. И. Даль. Толковый словарь). Такое пугало обычно представляет собой деревянную крестовину, на которую надевают драную одежду. Не случайно эта характеристика отражается и в переносном употреблении наших выражений: «Вот, например, навстречу движется *чучело гороховое* в продранном цилиндре, клетчатом пледе на плечах, в пенсне — вид прямо мюнхартрский, а вдруг шпик?» (В. Аксенов. Любовь к электричеству); «Сделай милость, позови ко мне деревенского портного. Он сошьет тебе и мне русскую одежду. Ты *шугом гороховым* ходишь» (Ю. Тынянов. Кюкля).

Как видим, в определении *гороховый* отражается примерно такая же характеристика, как и в других, ныне утраченных, определениях слова *шуг*. Нарочито небрежно одетый шуг и облеченное в ненужную рвань *гороховое пугало* ставятся этим общим определением в один ряд, получают общее значение «смешно, нелепо и безвкусно одетый человек». *Шуг гороховый*, таким образом, — это первоначально примерно то же, что пугало на гороховом поле. Именно так объясняют исходную мотивировку этого сочетания историки русской фразеологии (М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, т. II. СПб., 1902; И. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы 300 русских пословиц и поговорок. Киев, 1897). И действительно, такое объяснение вполне логично. Оно раскрывает употребительность прилагательного *гороховый*, а не какого-либо иного «растительного» определения, в этих сочетаниях. Необходимость стеречь гороховые поля и отпугивать многочисленных любителей полакомиться горохом отражена во многих русских, украинских пословицах и поговорках: *Горох да репа — обидное семя; Репа да горох сеются про воров; Завидны в поле горох да репа; кто ни пройдет — щипнет; Репу да горох не сей подле дорог; Горох людська примана; Не йди в горох, бо там залізна баба сидить; Свій не свій, а у горох не лізть.*

Эти пословицы и поговорки не случайны: именно горох был наиболее распространенной бобовой культурой в России, его чаще всего приходилось защищать пугалами.

История оборота *шут гороховый* несколько сложнее, чем история сочетаний *пугало гороховое* и *чучело гороховое*. Хотя толковые словари и «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова объединяют все эти три выражения и характеризуют семантически одинаково, различия их нельзя не заметить. Мы уже видели, что значение «смешно, нелепо и безвкусно одетый человек» свойственно и *чучелу*, и *шуту гороховому*. Но два других значения, как показывают контексты, приводимые словарями, весьма четко разграничивают употребления этих оборотов.

Для *чучела* и *пугала горохового* характерно общее бранное значение, сохраняющее весьма тесную связь с мотивировкой сочетания:

«Играют [в винт] страстно, увлеченно, совершенно поглощены своим занятием. И за весь вечер ни одного толкового слова, ни одной мысли. Ах ты, думаю, черт возьми, зачем же я сюда явился, *чучело гороховое?*» (Герман. Дело, которому ты служишь); «—Эй ты, *пугало гороховое!*— обратился он к чиновнику» (Достоевский. Идиот).

Для оборота же *шут гороховый* это бранное значение более конкретно. Не случайно и В. И. Даль и М. И. Михельсон в своих словарях подчеркивают, что он означает «чудак», «шутник, забавный весельчак по призванию или ремеслу». И многочисленные контексты подтверждают актуальность такого толкования: «Он такую глупость сморозит, что тут же его в шуты произведут, и пойдет он ходить всю жизнь с надписью: „шут гороховый“» (Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала); «Морочить полоумного Не

хитрая статья. Да быть *шут*ом гороховым. Признаться, не хотелось» (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Не случайно именно оборот *шут гороховый*, и только он, из указанного ряда способен образовывать глагольный фразеологизм *разыгрывать шута горохового* — «кривляться, паясничать, дурачиться»: «Росказни хмельного старика нисколько не интересовали Гаврилу Ермолаева, и ему даже делалось обидно, зачем он *разыгрывает шута горохового*» (Мамин-Сибиряк. На чужой стороне); «— Эт-то что за балаган! Опять ты [Мосей], болван, *шута горохового разыгрываешь?*» (Гладков. Лихая година).

В последних значениях не могут употребляться сочетания *пугало гороховое* или *чучело гороховое*: деревянная крестовина, одетая в отрепья, никак не вяжется с паясничавшим человеком, «забавным весельчаком по призванию и ремеслу». Это противоречило бы их весьма прозрачной внутренней логике. Значит, хотя *шут гороховый* и очень близок по значению к *гороховому чучелу* (*пугалу*), все же эти обороты не тождественны. Первый, по-видимому, был дальнейшим развитием, своеобразным обновлением образа горохового пугала, двуплановость которого строго логична. О том, что *шут* — позднейшее вкрапление в этот ряд, свидетельствует и более широкое распространение именно оборотов со словом *пугало*: таково, например, белорусское *пудзіла гарбцавае* или чешское *strašák do zelí* (букв. *пугало капустное*) с тем же переносным значением. Слово *шут*, заменив *пугало*, внесло в образ семантические изменения, обогатило его, сделало более экспрессивным.

С другой стороны, и слово *шут*, которое приобрело в русском языке отрицательные ассоциации (ср. фразеологизмы *корчить из себя шута*, *разыгрывать шута*), обогатилось в результате слияния с прилагательным *гороховый*. Оно стало более отрицательным уже и потому, что слово *гороховый* — символ чего-то малоценного, слабого, плохого: *гороховые слова* (пустые), *гороховая память* (плохая) и т. д. Но в основе этого семантического обогащения лежало прежде всего смешение *шута* с *гороховым пугалом*. *Шут гороховый* — это не просто скоморох, потешающий публику, а именно примитивный кривляка, неловкий и несуразный, как пугало в огороде.

Почему же все-таки именно *шут* заменил *пугало* в наших оборотах, а, скажем, не *дурак* или *Ванька* (ср. *валять дурака*, *ваньку; разыгрывать дурака*)? Эта замена, пожалуй, была отнюдь не случайной. В русском фольклоре олицетворенный горох нередко выступает в шутовской роли, кривляясь, бахвалясь и высмеивая другие растения. Отсюда, например, такие поговорки: *Не смейся, горох, не лучше бобов! Не смейся, горох, над нами (над бобами): будешь и ты под ногами; Не смейся (не хвалися), горох, не лучше*

бобов: размокнешь, надуешься, лопнешь; Не смейся, горох, над бобами, сам повалешься под ногами. Да и знаменитый царь Горох, воюющий в сказках с поганками, чья генеалогия уже описывалась в «Русской речи» (1974, № 3), — не что иное, как царь-шут, порожденный веселой народной фантазией.

Отрицательные ассоциации, связанные с горохом, характерны не только для русского фольклора. В Польше, например, существует народный обычай: невеста, не желающая выходить замуж за своего поклонника, дарит ему гороховый венок. Ведь и в Польше горох считается «обидным семенем» — не случайно здесь бытует поговорка «как горох при дороге», аналогичная русской.

Конечно, можно было бы назвать и более частные причины замены *пугала шутом* в наших оборотах. Так, ей могло в какой-то мере способствовать и то, что в русских говорах имеются синонимы слова *пугало*, фонетически близкие слову *шут*: *шугай*, *шугала* (В. И. Даль. Толковый словарь). Основной же причиной такой замены, однако, была именно та совокупность отрицательных ассоциаций, с которыми горох связывался в фольклоре. Эти отрицательные ассоциации, конкретизировавшись в русле типичных для слова *шут* определений — *полосатый*, *выворотной*, *подновинский* и подобных, и привели к замене *горохового пугала* на *горохового шута*. Шутовская роль Гороха в русском фольклоре, его популярность в пословицах и поговорках и привели к тому, что прилагательное *гороховый*, а не *чечевичный* или *фасолевый*, стало единственно возможным устойчивым определением *шута* в нашем языке.

В. М. Мокиенко

● ХАЛТУРА

Читатель А. В. Алимов из Волхова интересуется происхождением слова *халтура*.

Многие, очевидно, удивятся, узнав, что слова *халтура* и *карта* — близкие родственники. Факт этот, однако, не подлежит сомнению. Слово *халтура* восходит к поздне-латинскому *chartularium* «поминальный список, который священник читает, молясь за упокой», корень которого, в свою очередь, взят из греческого языка. Это слово в русском языке приобрело значение «даровая еда, питье на поминках». С точки зрения формы в русском слове произошла перемена мест (метатеза) *l* и *r* (ср. немецкое *Teller* и русское *тарелка*). Интересна следующая цитата из произведения П. И. Мельникова-Печерского «В лесах»: «В поминальные дни обительские ворота широко на весь крещеный мир распахнуты... Соберутся на халтуру и «сироты» и матери с белицами из захудалых обителей, придут и деревенские христороубцы... Кому не охота средников на чужих харчах помянуть». В южных и западных русских диалектах слово *халтура* означает «похороны», украинское *хавтура* — «плата священнику», белорусское *хайтўры* — «праздник всех святых», польское *chaltury* — «поминки». В русском языке оно приобрело значения: «пожива, выгода, добыча»; «взятка, отступное»; «побочный легкий заработок сверх основного, обычного». В начале нашего века это слово получило распространение в театральном жаргоне, откуда затем и попало в общенародный язык. Так, в книге В. Беспалова «Театры в дни революции 1917 г.» читаем: «Жить становилось все труднее, и артисты стали выступать на стороне, в разных театриках миниатюр, в кинематографах, в клубах, и именно с этого времени в обиходную речь крепко вошло слово „халтура“, день ото дня становившееся все популярнее». Впоследствии слово *халтура* приобрело значение «небрежная, недобросовестная работа, обычно без знания дела; вещь, сделанная таким образом, продукт такой работы».

Тот же корень, что и в латинском *chartularium*, с которым, как мы говорили, непосредственно связано слово *халтура*, выступает и в таких словах, как *карта* или *хартия* «пергамент, грамота» и *картон*. Слово *карта* появилось в России во времена Петра I из немецкого *Karte* или польского *karta*, которые, в свою очередь, происходят от поздне-латинского *charta* «бумага». Последнее связано с греческим *chartes*. Греческим же указанное слово было заимствовано, видимо, из египетского.

М. М. Маковский

Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1976 год

Аванесов Р. И. Еще раз об искусстве устной речи	3
Аванесов Р. И. Мягкость группы согласных перед мягкими согласными	2
Аванесов Р. И. Некоторые особенности произношения слов иноязычного происхождения	5
Аванесов Р. И. Произношение некоторых имен и фамилий иноязычного происхождения	6
Аванесов Р. И. Произношение сочетания <i>-чи-</i>	3
Аванесов Р. И. Смягчение согласных перед согласными	1
Аванесов Р. И. Сочетания с непроносимыми согласными	4
Авилова Н. С. Читая Державина (Стихотворение «Лас-точка»)	3
Айдарова В. Н. Устная народная речь в произведениях А. И. Куприна	6
Акимова Г. Н. Спецкурсы и спецсеминары на кафедрах русского языка	3
Афасижева Л. М. Рукописный словарь XVII века	6
Аюпова Л. Л. Русско-башкирское языковое взаимодействие	1
Бармин А. В. Мудрость эпоса	3
Бахилина Н. Б. Архаическая лексика в произведениях В. И. Ленина	2
Белов С. В. Имена и фамилии у Ф. М. Достоевского	5
Беляева С. А. Новый спортивный термин «фобсери-флоп»	5
Борисова Е. Н. Мужчина	6
Брагина А. А. В. Г. <i>Костомаров</i> . Русский язык среди других языков мира	4
Брагина А. А. «Свое» и «чужое»	6
Брагина А. А. Экономия и избыточность в языке	1
Брежнев Л. И. Участникам III Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы	6
Бученков П. А. «Вот стихи, а все понятно, все на русском языке...»	5
Варбот Ж. Ж. Трунить	6
Варламова А. А. Словообразование как стилистическое средство	3

Василевская П. А. Михаил Васильевич Ломоносов	5
Василевская Е. А. Поэзия гражданственности (О военных стихах А. Суркова)	1
Васюченко Н. Н. О стиле романа Л. Н. Толстого «Воскресение»	6
Виноградов С. И. 75-летие со дня рождения С. И. Ожегова Во имя торжества коммунизма	3
Волкова Н. М. Заседание Международного комитета славистов	3
Вомперская А. «Имена московских улиц»	1
Вомперская А. Международный семинар русского языка	3
Вомперский В. П. Бодуэновское издание Словаря В. И. Даля	1
Вомперский В. П. Язык Салтыкова-Щедрина и его значение в истории русского литературного языка	6
Воробьев В. П. Двойной дательный падеж в русском языке	1
Воронов Ю. С. Экспрессивность ленинского эпитета	5
Воскресенская Л. Б., Хренова Н. И. Вопросы культуры речи в работах болгарских лингвистов	2
Вурм А. Ф. Сходства и различия русской и чешской фразеологии	3
	4
Галиуллин К. Р. Миткаль, зурфа	6
Ганиев Ж. В. В. К. Тредиаковский и проблемы литературного произношения в XVIII веке	2
Гибет Е. И. Рассказ В. Г. Короленко «В дурном обществе». Говорят делегаты IV съезда писателей РСФСР (Кайсын Кулиев, Виктор Астафьев, Виталий Закруткин, Евгений Носов)	5
Глухова В. А. Конечно	3
Горбачевич К. С. О грамматической аналогии	2
Горшков А. И. Вопросы лингвистического анализа текста	4
Граудина Л. К. Ю. А. Бельчиков. Русский литературный язык во 2-ой половине XIX века	2
Грищенко Т. А. Изгой	2
	5
Джанджакова Е. В. «Смуглый отрок бродил по аллеям...»	5
Дмитриев В. Книга, которую читали декабристы	2
Добродомов И. Г. Астрахань	3
Дудников А. В. О языке романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева	3, 4
Дымский А. С. Без устали. А есть ли усталость?	3
Еремина Л. И. Формы представления в языке художественной литературы	3
Жаримбетов А. Лебеда	3
Зарубин В. Русская национальная академия музыки	2
Захарова В. Е. Метафора в письмах Чехова	3
Иванов В. В. Об изучении русского языка как средства межнационального общения	5
Интервью с академиком Б. А. Рыбаковым	5
Интервью с певцами Большого театра С. Я. Лемешевым и И. И. Петровым	2

Интервью с Родионом Нахапетовым	2
Ипполитова И. А. Умеем ли мы пользоваться глаголом в сочинениях?	6
Исаева Т. А. Названия кораблей в Петровскую эпоху . . .	4
Капралова С. Г. «А время жмет на все железки...» . . .	2
Касьянова Л. Н. Помóчь—оказать помощь	1
Катлинская Л. П. Единственное или множественное? . . .	3
Келейникова Н. М. Салтыков-Щедрин в итальянских пере- водах	2
Комарова В. И. Обстановочная ремарка	2
Кондрашов Н. А. Журнал «Jezyk rosujski»	5
Костомаров В. Г. Трейлер или трайлер? Или все-таки при- цеп?	5
Кузнецова О. Д. Живое слово Севера	5
Кузьмина Н. А. Традиционно-поэтическая фразеология в лирике Блока	4
Кулюкин А. М. Новообразования в произведениях Блока . . .	4
Лапшин М. А. Николай Семенович Тихонов	6
Левашов Е. А. Авоська	3
Лилеева Е. Л. Сложные прилагательные в речи В. И. Ленина . .	2
Листрова Ю. Т. Иноязычные слова и выражения в произве- дениях Пушкина	3
Ломизов А. Ф. Текстовой материал для занятий по пунктуа- ции	1
Ломоносов М. В. «Повелитель многих языков, язык рос- сийский...»	5
Лопатин В. В. Чужевластье в «Горе от ума» Грибоедова . .	4
Л. С. Всесоюзная конференция в Ташкенте	2
Львов А. С. Как история народа отражается в слове	5
Люлько Н. П. Стилистический прием в прозе Л. Леонова . . .	4
Мазанько И. Ф. Перед, наперед, впереди	5
Матвеев А. К. Вашка и вага	1
Матвеев Б. И. Языковой колорит эпохи в романе А. Н. Тол- стого «Петр Первый»	4
Меркулова В. А. Жерлянка	3
Меркулова В. А. Заря	5
Меркулов Н. Ю. Говоры Верхневолжья	4
Мирлис А. И. Словотворчество писателей-фантастов	6
Михайловская Н. Г. О языке и стиле басен Сергея Михал- кова	5
Мокиенко В. М. Ни кола ни двора	2
Морозова Л. А. Русские народные поговорки	6
Муравьев В. Л. Карусель	5
Мурзаев Э. М. Байконур	3
Найдич Э. Э. Иносказательные образы у М. Ю. Лермонтова . .	6
Наполюнова Т. В. «Бородино» М. Ю. Лермонтова	1
Никонов В. А. Из словаря русских фамилий	1—6
Оганесова Р. Д. Пока, покамест	5
Одинцов В. В. Культура спора	4
Орлова В. И., Семенова Т. Н. Красный, как кровь	1

О. С. С. К истории создания Картотеки Древнерусского словаря	2
Отин Е. С. Азовье — Азовщина — Азов	5
Отин Е. С. «Подземная» топонимия Донбасса	3
Панкратова Н. П. Древнейшие памятники письменности	1, 4
Петрунина В. М. Иноязычные заимствования в текстильной терминологии	2
Плямоватая С. С. Трансполярный, трансатлантический, трансокеанический	1
Подобедова О. И. Русская средневековая рукописная книга	4
Полякова Е. Н. Словарь западно-уральских говоров	2
Попова Н. В. «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали!»	3
Практикум по стилистике	1—4
Промптова И. Ю. Театр — хранитель образцовой речи	2
Пустовалов П. С. Ф. И. Буслаев — педагог	5
Пьяных М. Ф. «Русский строй души» (О речевом симфонизме в поэме А. Блока «Двенадцать»)	4
Рогожникова Р. П. «Вроде Володи...»	3
Русинов Н. Д. Гардарик и господин Великий Новгород	5
Русинов Р. Русские слова в болгарском языке	3
Сельвина Р. А. Личные имена новгородцев в старину	5
Семенова Т. Н. См. Орлова В. И.	1
Сенкевич В. А. Простой и сложный (О составе словаря русского языка)	6
Сергеев Ф. П. Комиссар	1
Серебряков А. Н. Новообразования в журнале «Крокодил»	6
Симонов Р. А. Кирик Новгородец	1
Скворцов Л. И. Окуневый или окунёвый?	6
Скворцов Л. И. Сокровищница языковой культуры	3, 4
Скворцов Л. И. Фотография, фото, фотокарточка	5
Слепцов П. А. Слова, пережившие себя	4
Слово о Василии Шукшине	5
Словягин А. П. По материалам рукописных лечебников	2
Смирнов Б. А. Двадцать лет в роли Ленина	2
Смирнов С. В. Виктор Иванович Григорович	2
Смирнов С. В. Индивидуум — особь	4
Смолицкая Г. П. Кромы	1
Соловьев Н. В. Как образовать отчество	6
Соловьев Н. В. Разговорно-просторечная лексика в речи юристов	5
Соловьев С. М. Цвет и жанр в произведениях Пушкина	3
Сорокина В. К., Хренова Н. И. Е. А. Левашов, В. П. Петушков. Ленин и словари	5
Сорокин В. Б. Колодцы, поля и... предлоги	3
Сорокин Ю. С. Белинский и проблемы русской стилистики	4
Сороколетов Ф. П. О втором издании Большого академического Словаря	3
Супрун В. И. Влах — волох — валах	4
Тарабасова Н. И. Инженер	1
Тарасов Л. Ф. «Утес» М. Ю. Лермонтова	4
Толстой Н. И. «Плакать на цветы»	4

Уруслов А. У. Чабан	3
Фигуровский И. А. Экспрессивные добавления в речи	4
Филин Ф. П. Изучение русского языка на современном этапе	4
Хабичев М. А. Багряный и багровый	1
Хамицаева О. А. Научная конференция в Нальчике	5
Холодов Е. Г. Слово в движении (Заметки о языке драматургии Н. Ф. Погодина)	1
Хренова Н. И. «Словарь синонимов»	4
Хренова Н. И. См. Воскресенская Л. Б.	3
Хренова Н. И. См. Сорокина В. К.	5
Цейтлин С. Н. «Жил король со своей королицей...»	2
Цывин А. М. Пламенное слово «Искры»	5
Цыганова В. Н. Спустить и опустить	3
Чурмаева Н. В. Листая учебник	2—4
Шаталов С. Е. Великий сатирик и реалист	1
Шелихова Н. Т. Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь трудностей русского языка	5
Шицулина Г. И. Турист	2
Шпекторова Т. В. Изборнику 1076 года — 900 лет	6
Щепин А. Г. Обращение в поэтической речи	2
Щепкина М. В. Изборник 1076 года	6
Почта «Русской речи»	
Белка	1
Белянка, пестрянка	3
А. А. Буслаев	1
Варганить (сварганить)	4
В Народной Республике Ангола или Анголе	4
Всякое ли новое слово лучше старого?	1
Дизайн, дизайнер	6
Достичь и достигнуть	6
Жухнуть	1
Интенсивность	1
Картофель — картошка	5
Компьютер	2
Космонавт и астронавт	1
Мой первый экзамен по русскому языку	1
Мормышка	3
Нам пишут	1
Наставник	1
Начало и конец	2
Ностальгия	1
Образование или образование?	2
Объединение «Сельхозтехника» или «Сельхозтехники»?	2
О принципах русской орфографии	2
Опричник	4
О частице <i>стать</i>	2
О чирском говоре	1
Переиграть	4
Победитель в соревновании или победитель соревноваппя?	5
Подгарок	5

Подлинный	2
Положение хуже губернаторского	5
«Порядка десяти тысяч...»	4
Промышленный и индустриальный	1
Простите, пожалуйста	5
Развитый — Развѣтый — Развѣтой	4
«Русская речь» отвечает	1
Сенаж	3
«Смелство, весельство...»	4
Степени сравнения существительных	1
Театр	2
...тому назад или назад?	6
Тредиаковский или Тредьяковский?	2
Утлый — ушлый	1
Фуражная корова	1
Халтура	6
Читатели обсуждают и уточняют	4
Читатели сообщают, дополняют	1
Шахматы	3
Шут гороховый	6

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), **Г. П. БЕРДНИКОВ**,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**, **К. В. ГОРШКОВА**,
В. П. ДАНИЛЕНКО, **В. Я. ДЕРЯГИН**, **И. Г. ДОБРОДОМОВ**,
Я. П. ЖУКОВСКАЯ, **Л. М. ЛЕОНОВ**, **А. И. ОВЧАРЕНКО**,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**
(зам. главного редактора), **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ**,
Ф. П. ФИЛИН, **О. А. ХАМИЦАЕВА** (ответственный секретарь)

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12/VIII — 1976 г. Подписано к печати 28/X — 1976 г. Т-16563
Тираж 70 000 Формат бумаги 84×108¹/₂. Усл. печ. л. 6,72. Вум. л. 2
Уч.-изд. л. 7,7 Заказ 1038